

*По благословию
митрополита Екатеринодарского и Кубанского Исидора
Дворянское Собрание Кубани*

**«Нам Богом и Царём
дарованная честь...»**

*(к 200-летию
Собственного Его Императорского
Величества Конвоя)*

**Материалы
VII Международных Дворянских чтений
(12-13 ноября 2011 г.)**

Краснодар (Екатеринодар)

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (235.7)
Н 24

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Рецензенты:

Баханов В.Н., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник института российской истории РАН

Клычников В.В., доктор исторических наук, профессор Пятигорского лингвистического университета

Ответственный редактор:

Сухачева Е.М., предводитель Дворянского Собрания Кубани, член Союза писателей Украины

Н 24 «**Нам Богом и Царём, дорованная честь...**» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя.) *Материалы VII Международных Дворянских чтений*. Краснодар: изд-во: «Кубань-кино», 2011. – 216 с.

ISBN 5 – 94931 – 010 – 6

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (235.7)

ISBN 5 – 94931 – 010 – 6

© Дворянское Собрание Кубани, 2011

РАЗДЕЛ I.

К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя

О.В. Матвеев (г. Краснодар)

Историк Собственного Его Императорского Величества Конвоя С.И. Петин

200-летие Собственного Его Императорского Величества Конвоя совпало по времени с другой памятной датой. В этом году минуло 150 лет со дня рождения первого историка этого гвардейского подразделения генерал-майора Степана Ивановича Петина (1861–?). Его книга по истории Конвоя, вышедшая двумя изданиями (в 1899 г. и, в дополненном и переработанном виде, к 100-летию части в 1911 г.), продолжила лучшие традиции полковой историографии Русской Императорской армии [1]. Замечательный современный кубанский историк-казаковед Б.Е. Фролов совершенно справедливо относит работу С.И. Петина к фундаментальным классическим трудам, которые «остаются актуальными до сегодняшнего дня» [2]. В докладе предпринята попытка обратиться к основным вехам жизненного пути и исторического наследия первого летописца горско-казацкого гвардейского подразделения.

В фонде 332 «Собственный Его Императорского Величества Конвой» Государственного архива Краснодарского края сохранился послужной список С.И. Петина, доведённый до 1912 г. Из него узнаём, что будущий историк родился 5 октября 1861 г. и происходил «из дворян Ставропольской губернии» [3]. Он принадлежал к славной офицерской династии Петиных [4], осевших в линейной кубанской станице Ладожской ещё в начале XIX в. В «Ревизской сказке» стани-

цы Ладожской от 23 декабря 1815 г. встречается имя есаула Трофима Петина [5]. Авторитетный ставропольский исследователь-казаквед В.А. Колесников, тщательно изучавший ономастикон южнорусских однодворцев, пришёл к выводу, что первопоселенцы станиц на дистанции Кавказской и Усть-Лабинской крепостей ведут своё происхождение от служилых людей Большой засечной черты второй половины XVI в., Белгородской линии середины XVII в., Украинской «военной границы» 20-х–60-х гг. XVIII в. [6].

Отец историка, войсковой старшина Иван Гаврилович Петин, был незаурядным казачьим офицером и администратором. Он родился в 1828 г., воспитание получил в Ставропольской губернской гимназии, служил в конно-артиллерийской батарее Кавказского Линейного казачьего войска, участвовал в Кавказской войне. За отличие в войне с горцами и усердную службу неоднократно жаловался наградами, являлся кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней (последний с надписью «За храбрость»), Св. Станислава 2-й степени «с мечами на оном», 3-й степени с мечами и бантом; имел медали: бронзовую на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. и серебряную на Георгиевской Александровской ленте за покорение Кавказа 1859–1864 гг., а также крест «За службу на Кавказе» [7].

Послужной список Ивана Гавриловича сообщает также, что «за родителями его состоит деревянный дом в станице Ладожской Кубанского казачьего войска» [8]. Автор современной работы по истории станицы Ладожской краевед Ф.С. Дергунов, пытавшийся рассказать, в том числе, и об офицерских семьях в станице, почему-то ни словом не обмолвился о Петинных [9]. Видимо, детство Степана проходило там, где довелось служить Ивану Гавриловичу. Последний в 1865 г. был назначен исправляющим должность полицмейстера в г. Екатеринодаре [10]. Карьера полицмейстера Петина оказалась успешной: «За открытие в г. Екатеринодаре поддельвателей 10 руб. кредитных билетов пожаловано ему в награду из сумм государственного казначейства 1500 руб. серебром» [11]. В течение 16 лет Иван Гаврилович был грозой преступного мира казачьей столицы, пользовался всеобщим уважением, жаловался чинами и наградами.

По линии своей матушки С.И. Петин состоял в родстве с известным в Черномории дворянским родом Шарапов. Родственные связи между бывшими черноморскими и линейными казаками Кубани явились одним из факторов этносоциальной интеграции созданного в 1860 г. Кубанского казачьего войска [12], и семья Петинных в данном случае –

интересный пример межэтнической консолидации и уплотнения этнокультурных связей. И.Г. Петин был «женат на дочери Черноморского казачьего войска полковника Шарапа девице Марии Андроновой» [13]. Мария Андроновна, как следует из послужного списка её отца полковника А.Г. Шарапа, появилась на свет 15 августа 1834 г.

Андроник Григорьевич Шарап происходивший «из дворян Черноморского войска», известен как храбрый офицер, участник целого ряда военных компаний. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. хорунжий Шарап командовал катером в Дунайской гребной флотилии. В знаменитом сражении с эскадрой турецких судов под Браиловым, по словам историка Полтавского полка И.Е. Гулыги, катер А.Г. Шарапа подошёл к флагманскому турецкому судну, атаковал и захватил его. На захваченном корабле оказался командующий турецкой флотилией Капудан-паша со штабом и со всей канцелярией. За этот подвиг офицер был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [14]. Отличился он и «при покорении крепости Силистрия» [15], затем в Кавказской войне, был кавалером многих орденов, имел Золотую пашку с надписью «За храбрость», дослужился до чина полковника. 29 января 1846 г. Андроник Григорьевич был назначен полицмейстером г. Екатеринодара. Однако, на этом поприще он действовал менее удачно, нежели на военной службе. «За упущение по должности полицмейстера г. Екатеринодара, – читаем в архивном документе, – по делу о причинении казаком станицы Пашковской из малолетков Харитоном Алексеенком казачьему сыну станицы Екатеринодарской Стратоку Лешишу побоев, от коих он умер, г. Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом в 19 день июня 1851 года определить изволил арестовать на две недели с содержанием на гауптвахте и со внесением штрафа в дисциплинарный список» [16]. Полковник Шарап имел «хутор турлучной постройки с погребом в ведомстве Динской станицы и дом деревянной постройки в г. Екатеринодаре» [17]. Из формулярного списка мы узнаём также, что Андроник Григорьевич был «женат вторым браком на купеческой дочери Любови Осиповой православного исповедания, у него дети от первого брака – сын Степан, родившийся 1833 г. ноября 28, служащий сотником в конно-иррегулярной № 12 батарее; дочери: Марфа, родившаяся 1825 года июня 24, Марья, родившаяся 1834 г. августа 15; от второго брака сыновья: Василий, родившийся 1854 г. ноября 15, дочери: Ольга, родившаяся 1845 г. июля 16 и Любовь, родившаяся 1850 г. октября 18, все они православного исповедания и находятся при нём» [18]. Таким образом, Мария Андроновна Петин

на (Шарап) приходилась ещё и родной сестрой Степану Андроновичу Шарапу (1833–1878) – талантливому публицисту, одному из зачинщиков выступления черноморцев, нежелавших в 1861 г. переселяться в присоединённое к России Закубанье [19]. Автор ряда ярких очерков, опубликованных в Санкт-Петербургском украинском журнале «Основа», а также записки о восстании черноморских дворян, «единственный, – по словам литератора В.С. Мовы, – вполне сознательный патриот на всю Кубанскую область», Степан Шарап отличался острым ироничным умом, что не могло не сказаться на формировании племянника и тезки от любимой сестры Машеньки.

Помимо Степана (или «Стефания», как значится в одном из послужных списков И.Г. Петина [20]), Мария Андроновна родила Ивану Григорьевичу ещё сына Сергея 22 августа 1864 г. [21]. Последние сведения о М.А. Петинной встречаются в послужном списке И.Г. Петина за декабрь 1871 г., а в ноябре 1884 г. полковник уже значится вдовцом. Следовательно, мать будущего историка прожила всего лишь около 40 лет.

Тем не менее, супруги Петины постарались дать своему первенцу Степану достойное образование. Он воспитывался во Владимирской военной гимназии, а в августе 1880 г. поступил в 3-е военное Александровское училище. 7 августа 1882 г. портупей-юнкер Петин был «по окончании курса наук произведён в старшие хорунжие в Кубанский конный полк» [22].

Потом была нелёгкая служба в 1-м Урупском и 1-м Екатеринодарском конных полках, строевые занятия, полевые выезды, совершенствование боевой подготовки. Полученное образование и воспитание, широкий кругозор молодого офицера, по-видимому, выводили его устремления далеко за пределы повседневной казачьей службы на окраине Империи. Он решил поступать в Николаевскую Академию Генерального штаба. Выдержав испытания в Штабе Кавказского военного округа в Тифлисе и в Санкт-Петербурге летом 1886 г., С.И. Петин не попал по конкурсу в число 70 счастливых, подлежащих приёму в Академию, и вынужден был вернуться в полк. Ещё дважды – летом 1887 г. и в 1888 г. он пытался штурмовать высоты Академии, но каждый раз заветный аксельбант элитного корпуса генштабистов ускользал от него: в конкуренции с представителями родовитой аристократии безызвестный казачий сотник явно проигрывал. Однако настойчивого кубанского офицера заметили, и 25 ноября 1888 г. он был переведён на службу в Главное управление казачьих войск с зачислением по Кубанскому казачьему войску. 2 года Степан Иванович

прослужил младшим, а затем старшим помощником столоначальника. Исполнительность офицера была отмечена начальством Управления казачьих войск, и сотник Петин получил возможность попасть в гвардию. 2 апреля 1891 г. его прикомандировывают к 1-й Кубанской сотне Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Служба в гвардии в какой-то мере уравнивала недостижимые эполеты офицера Генштаба. Назначение в Конвой считалось высокой честью для офицеров Кубанского и Терского казачьего войск. В правилах о переводе офицеров в Конвой говорилось: «Удостаивать к приёму отличных офицеров в знак особой высшей награды за их безупречную службу, и только чином корнета, из строевых частей Кавказских казачьих войск, притом природных Кубанцев и Терцев, окончивших по первому разряду курс военных или юнкерских училищ. Избираемых прикомандировывать к Конвою для испытания, на срок не менее шести месяцев; свободные же офицерские вакансии в льготных эскадронах занимать только при отправлении их на службу» [23]. Собственный Его Императорского Величества Конвой представлял из себя, таким образом, элитную часть русской гвардии, в которой служили кубанские и терские казаки, горцы Северного Кавказа, грузины, закавказские мусульмане, крымские татары. Это было единственное подразделение экскортно-церемониальной направленности, выполняющее, в том числе, функции охраны жизни и здоровья монархов и членов Императорской фамилии. В 1860-х–1880-х гг. Российской Империи, одной из первых среди стран мира, пришлось столкнуться с политическим терроризмом, главной мишенью которого стал глава государства. Поэтому в Конвой попадали не только лучшие в строевом отношении и в боевой подготовке офицеры, но идеологически выдержанные, преданные идее служения Российскому Престолу люди, для которых слова «Царь» и «Отечество» были неразрывными понятиями. Неслучайно отработанный предшественниками из Царского Конвоя стратегия и тактика профессиональной деятельности сегодня успешно претворяется в жизнь Федеральной службой охраны Российской Федерации, в структуры которой входит Президентский полк и Служба безопасности Президента России [24].

24 апреля 1891 г. С.И. Петин был назначен исправляющим обязанности адъютанта Конвоя. Командовал подразделением в это время Свиты Его Императорского Величества генерал-майор Владимир Алексеевич Шереметев, приложивший много усилий к улучшению конвойной службы и пользовавшийся всеобщей любовью. Генерал был душой Конвоя, вникал во все мелочи, заботился и, в то же время, требовательно

относился к казакам и офицерам. Он обратил внимание на безупречную службу и знания нового адъютанта. Кровно заинтересованный в воспитании личного состава на славных боевых традициях гвардейского подразделения, генерал Шереметев поручил Степану Ивановичу труд по сборанию материалов по истории Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Это произошло, по-видимому, не позднее 1893 г.

Незанятость по строевой службе в кубанских казачьих сотнях и статус адъютанта позволили Степану Ивановичу посвящать досуг работе в архивах и библиотеках. Он изучил, прежде всего, дела архива Собственного Его Величества Конвоя. Затем последовали кропотливые разыскания в архивах Главной Императорской Квартиры, Главного Штаба, Главного Управления казачьих войск, Технического комитета при Главном Интендантском управлении, Лейб-Гвардии казачьего полка и редакции военной газеты «Инвалид». Много времени он уделял изданиям, хранившимся в Императорской публичной библиотеке [25].

С.И. Петин

В фонде 332 Государственного архива Краснодарского края сохранилось 10 объёмных дел, содержащих бесценные черновики и подготовительные материалы С.И. Петина [26]. Газетные вырезки, выписки из архивных документов, приказов, формулярных списков, публикаций в «Военном сборнике» и в «Русском инвалиде» позволяют проследить трудоёмкий кропотливый труд по истории команд и эскадронов Конвоя. Сумел Степан Иванович выправить и командировки в кавказские архивы, изучил хранилище документов бывшего Черноморского войска, поработал с делами Кубанского и Терского областного архивов, посетил архив Северного Кавказа. Помимо официальных материалов его привлекали источники личного происхождения: «сочинения и записки частных лиц, а также дневники и выписки из воспоминаний бывших конвойцев» [27].

Напряжённый труд по составлению истории Конвоя был оценен командованием и Императорами: Александр III и Николай II, по-видимому, интересовались ходом работы над книгой. 30 августа 1894 г. С.И. Петин «за отличие по службе награждён орденом Св. Станислава 3-й степени» [28]. На основании приказа по Военному ведомству № 253 от 12 ноября 1894 г. С.И. Петин получил «право на ношение вензеля в Бозе почившего Государя Императора Александра III», а 16 сентября 1895 г. «Государь Император Всемиловейшее соизволил пожаловать одну тысячу рублей за труды по составлению «Истории Собственного Его Императорского Величества Конвоя» [29].

Однако последовавшие служебные командировки вынуждали откладывать работу над книгой. В мае 1896 г. С.И. Петин участвовал в обеспечении охраны коронавания Их Императорских Величеств в Москве, за что был награждён серебряным коронационным рублём, орденом Св. Анны 3-й степени и «серебряной медалью для ношения в петлице на Андреевской ленте в память Священного коронавания Их Императорских Величеств» [30]. Затем последовала командировка в Нижний Новгород для обеспечения визита в этот город Императорской семьи. В 1897 г. последовала продолжительная командировка подъяесаула С.И. Петина в Варшаву с аналогичной задачей.

Лишь в 1899 г. книга С.И. Петина появилась на свет в издательстве А.С. Суворина. Историк поддержал официальную версию о старшинстве Конвоя с 1811 г., с момента организации Гвардейской Черноморской сотни при Лейб-Гвардии казачьем полку. Необходимо отметить, что некоторые современные исследователи скептически относятся к этой версии. Так, автор объёмного труда по истории Конвоя Д.А. Клочков считает, что полноценная конвойная служба при Вы-

сочайшем дворе началась лишь с мая 1829 г., когда в Санкт-Петербург под командой ротмистра Султан-Азамат-Гирея, потомка крымских ханов, прибыл взвод кавказских горцев, сформированный из князей и узденей Большой и Малой Кабарды, чеченских, кумыкских и ногайских мурз [31]. Однако оспаривать официально установленное старшинство официальный историк Конвоя не мог, поэтому он на основании доступных в то время источников рассказал о формировании Лейб-Гвардии Черноморской сотни, её участии в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных компаниях 1813–1814 гг. Имеющиеся тогда в распоряжении историка документы не позволили ему вычленить самостоятельных действий гвардейской сотни, поскольку она входила в состав Лейб-Гвардии казачьего полка. Лишь современному историку Б.Е. Фролову, который посвятил долгие годы тщательному изучению участия черноморцев в наполеоновских компаниях, отчасти удалось решить эту непростую задачу [32].

Целую главу С.И. Петин посвятил службе Черноморского эскадрона при гвардейском корпусе и в отряде генерала Бистрома, кордонной службе в Подольской и Херсонской губерниях, в Бессарабской области, участии казаков-гвардейцев в Польской компании 1831 г., охранной службе в Галиции, слиянию Черноморского дивизиона с Собственным Его Императорского Величества Конвоем.

Во второй части книги историк подробно рассказал об основании Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, его штатах и табелях, особенностях обучения горцев в Дворянском полку и данных им привилегиях. Значение этого подразделения С.И. Петин оценивал в духе официальной идеологии: горцы Конвоя выступали проводниками «мирных идей культуры и цивилизации своих единоплеменников, внушали им уважение и покорность Русскому Престолу» [33].

Заслуживают внимания описанные историком меры русского командования, определяющие положение горцев в Дворянском полку, которые сегодня наверняка попадают под модную дефиницию «толерантность». Предписывалось не давать горцам свинины и ветчины, строго запретить насмешки русских дворян и стараться подружить горцев с ними. Телесным наказаниям горцев подвергать запрещалось: наказывать разрешалось только при посредстве прапорщика Туганова, «которому лучше известно, с каким народом как обращаться». Требовалось наблюдать, чтобы не только преподаватели, но и «дворяне насчёт веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменить её». Не рекомендовалось мучить представителей народов Кавказа строевой подготовкой, прививая охоту к занятиям «ружьём

и маршировке» в свободное время [34]. Думается, что исторический опыт Конвоя по воспитанию содружества народов, описанный казачьим офицером, вполне востребован для современного многонационального состава российских Вооружённых Сил, поскольку моральное состояние последних оставляет желать лучшего.

Несмотря на положение официального историка, С.И. Петин не стал скрывать тёмных страниц службы горцев в Конвое. Он рассказал о буйном поведении в Петербурге юнкера князя Бахты-Гирея-Абулова, который «в течение 4-х летнего пребывания в Конвое постоянно отличался грубым поведением и пьянством». Его лишили звания юнкера и отправили в сопровождении жандармов «на исправление» в Горский полк в Варшаву. «После случая с Абуловым, – писал С.И. Петин, – произошёл скандал в Александровском театре. В первом ряду кресел, в числе зрителей, сидели корнет Кавказско-Горского полуэскадрона Алхас Шеретлуков с подвыпившей кампанией знакомых. На сцене шла драма и, по смыслу ея, героиня должна была погибнуть в борьбе с препятствиями. Но этого вовсе не желала кампания и особенно Шеретлуков, всё время делавший двусмысленные замечания по адресу игравших. Главное лицо драмы артистку Шелехову, Шеретлуков решительно хотел спасти и сделать своей женой» [35]. Шеретлукова выслали на Кавказ, чтобы тот «кровью загладил срам, нанесённый всем своим товарищам».

В то же время, писал С.И. Петин, «поведение азиатцев несколько не мешало быть им лихими джигитами и вместе с казаками на всех манёврах и учениях щеголять прекрасной стрельбой с коня» [36]. Не раз в книге приводятся примеры лихой доблести горцев. Так, описывая блестящую атаку конвойцев против польских партизан в 1831 г., С.И. Петин отмечал: «Горцы врубались первые. В самом начале атаки Хан-Гирей получил две раны пулями, в левый бок и левую руку, и напавал убит юнкер Ольжерук Куйтаматов. Выхватив из боя раненого офицера и убитого юнкера, горцы с ожесточением влетели в ряды мятежников. Натиск их был неустрашимо храбр и смел. Он посеял ужас между партизанами. Более 100 человек положено на месте; остальные засели в болоте, и из них спаслось лишь около 60 человек» [37]. За этот бой получили знаки отличия военного ордена оруженосцы Шору-Бек-Мурзин, Богатир Койшероков и переводчик урядник Атарщиков. Интересен документ о вручении наград этим горцам, который приводит С.И. Петин. Отмечая похвальную храбрость конвойцев, генерал И.Х. Бенкендорф писал эфендию полуэскадрона Магомету Хутову: «Замечено, что горцы, в самом жару дела, внимая еди-

ной пылкости их нрава, не щадили жизни мятежников ни в коем случае». Генерал просил «внушить горцам, сколько неустрашимость и рвение нужны против неприятеля сражающегося, столько необходимо в победителе великодушие и милосердие» [38].

С.И. Петин подробно описал перемены в Кавказско-Горском полугвардейском эскадроне, штаты и команды лезгин, мусульман, грузин, их обмундирование, особенности несения службы, командировки на Кавказ.

Немало страниц исторического очерка посвящено команде Кавказских линейных казаков, преобразованную в Лейб-Гвардии Кавказско-линейный полугвардейский эскадрон. Их нелёгкая служба при сопровождении Императорских кортежей, участие в Венгерской компании 1849 г., награды, изменения в штатах составили значительные разделы второй части книги. С.И. Петин рассказал о обстоятельствах объединения Лейб-Гвардии Кавказского Линейного казачьего эскадрона с Лейб-Гвардии Черноморским казачьим эскадром в 1861 г., из которых были образованы эскадроны (впоследствии сотни) Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Не раз в книге встречаются описания военного мастерства конвойцев, удалой казачьей джигитовки: «Удивлённые зрители только пожимали плечами. Слышалось – «вот удалыцы», «вот так головорезы», «вот, вот падает!..», но казак только будто нырнул с седла и через миг, лихо гикнув, опять уж на коне. Выстрелить на карьере в полном вооружении скинуться 2-3 раза с лошади или, нагнувшись к земле, чертить по ней рукою, – это проделывали самые молодые и менее доброконные. Удалыцы же скакали, сидя задом, лёжа с пикою поперёк лошади, стоя ногами, а иные и головою на седле. Среди полусвета манежа, наполнившегося дымом, промчались казаки-джигиты попарно: двое висевших по сторонам лошади или сидящих друг к другу спиною, точно сросшихся. Наконец, прокатил освещаемый выстрелами впереди скакавших, словно-великан-казак. Это были два рослых молодца, из которых один стоял на плечах своего товарища» [39].

Две главы книги посвящены участию конвойцев в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканах, описанию условий охраны Императора Александра II на театре военных действий, аванпостной и разведывательной службе. С большим воодушевлением С.И. Петин рассказывал о знаменитой атаке Лейб-Гвардии Терского казачьего эскадрона под Ловчей 22 августа 1877 г.. «Эскадрон обогнул деревню, – писал историк, – построил фронт и с 50 шагов расстояния бросился с гиком в пашки. Неожиданный удар произвёл на неприятельскую пехоту ошеломляющее впечатление. Произошла страшная рез-

ня и всё смешалось. Турецкие офицеры бросили свои части. Убегавшие турки стреляли через плечо, не оборачиваясь назад [...]. Могучим налётом эскадрон прорезал неприятельские массы и, соединяясь с владикавказцами, погнался на Микре. Турки снопами валились на землю. Гвардейцы рубили дружно, бесстрашно. Как ураган, они сметали всё, что было перед ними, угадывая мгновение для успешного удара» [40].

Наряду с воинской доблестью казаки Конвоя проявляли в этой войне подлинно христианское великодушие. С.И. Петин описывает напряжённую ситуацию, когда болгары, узнав, что у ближайших турецких деревень отобрано русскими войсками оружие, бросились бесконтрольно грабить своих соседей. «На выручку явились казаки, – отмечает С.И. Петин. – В воздухе засвистели нагайки и загуляли по спинам «братушек», живо прекративших насилие» [41].

Описал историк и отчаянную рекогносцировку Лейб-Гвардии кубанского эскадрона занятой турками деревни Горный Дубняк. Удачным боем кубанцы отметили День покровителя Конвоя Св. Иерофея.

Со знанием дела в книге повествуется о несении службы казаками в Ливадии и в Зимнем дворце в 1880-е гг., описана трагедия 1 марта 1881 г., когда от рук боевиков «Народной воли» наряду с Императором получили опасные ранения казаки Конвоя во главе с ротмистром П.Т. Кулебякиным. Казак Александр Малевич скончался от полученных ран. «Он принадлежал к старообрядческой секте, приемлющей священство, – рассказывал С.И. Петин о похоронах терца, разделившего участь своего монарха, – за гробом шёл в красных чересках взвод товарищей покойного. Отпевание было на Громовском кладбище; при этом старообрядческий священник в первый раз, вопреки обычаю, не встретил препятствия к отправлению публичного богослужения на самом кладбище» [42]. Осиротевшей семье Александра Малевича была Высочайше назначена пенсия, как и раненым казакам Мачневу, Шошину, Луценко, Кузменко, Сагееву и Алейникову.

Завершают книгу С.И. Петина глава о преобразованиях подразделения при Императоре Александре III, обзор новых положений о Конвое, рассказ о хозяйстве гвардейских казаков, их взаимоотношениях с Императорской семьёй. Издание было богато украшено батальными и портретными иллюстрациями. Большую ценность представляют документы приложений, где подробно описаны обмундирование и вооружение всех подразделений Конвоя, начиная с 1811 г., приведены правила строевой службы, конвоирования, даны списки офицеров и краткие биографии командиров этой гвардейской части.

Труд С.И. Петина сразу же привлёк к себе внимание военных историков. Достоинством и, одновременно, недостатком произведения С.И. Петина выступала описательность. С одной стороны, многие закрытые страницы жизни элитного подразделения стали зримыми, доступными для читающей аудитории, были овеяны героическим ореолом почти столетнего служения конвойцев Царю и Отечеству. С другой, следуя традициям российской полковой историографии и определённой идеологической заданности, С.И. Петин проигнорировал современные ему достижения в области методологии истории. Несмотря на обилие описаний, внимание к деталям, последующие поколения историков находили и будут находить в сочинении Степана Ивановича упущения и ошибки [43]. Но от этого значение исторического труда, выполненного казачьим гвардейским офицером, не уменьшается. Первым всегда труднее, а кроме того, несмотря на прошедшие с момента выхода в свет книги С.И. Петина десятилетия она и поныне служит ориентиром, а то и основой для многих пробующих себя на ниве военного казачковедения авторов. В том числе для тех, кто избегает черновой работы по поиску архивных первоисточников. Можно ещё понять лишнего возможности работать в архивах СССР Н.В. Галушкина, книга которого с таким же названием написана на основе труда С.И. Петина [44]. Но современные авторы, пишущие о Конвое, порой даже не считают нужным упоминать о предшественниках, хотя грабительски вводят целые незакавыченные страницы из сочинения С.И. Петина в своё повествование. По нашему глубокому убеждению, книга казака-гвардейца о Собственном Его Императорского Величества Конвое явилась не только важным вкладом в развитие российской полковой историографии, но и выступает ярким примером книжной культуры лучших представителей российского казачества.

Однако времени почивать на лаврах официального историка у Степана Ивановича не было, и он целиком был занят нелёгкой службой по охране Императорской семьи. Он возглавляет команду казаков в Беловеже «для службы при Их Императорских Величествах» в августе 1900 г., и в Пскове в августе 1902 г., обеспечивает охрану иноземных Царственных особ, пребывающих в Россию, назначается командиром Лейб-Гвардии 1-й Кубанской сотни. Его заслуги в организации этой тяжёлой и напряжённой службы в эпоху развития в России террора эсеров, анархистов и националистов оценены по достоинству: чин есаула, ордена Св. Станислава 2-й степени и Св. Анны 2-й степени, болгарский орден Св. Александра 4-й степени, французский кавалерский крест ордена Почётного Легиона, итальянский офицерский

крест ордена Св. Маврикия и Лазаря 4-й степени, персидский орден «Льва и солнца» 2-й степени [45].

13 июля 1904 г. С.И. Петин был назначен исправляющим обязанности помощника командира Конвоя по строевой части, получил чин полковника [46]. Повышение требовало большей отдачи и занятости по службе. Опять – бессонные караулы, командировки, организация охраны шествий, праздников, приёмов, напряжённая до нервного истощения служба при Императорском дворе. На помощнике командира Конвоя по строевой части к тому же лежала ответственность за демонстрацию гостям, в том числе иностранным, воинских навыков и джигитовки лейб-казаков. За всем этим стояли изнуряющие тренировки с личным составом, обеспечение слаженности взаимоотношений командования, офицеров и рядовых казаков Конвоя. Не раз приходилось Степану Ивановичу принимать на себя временное командование Собственным Его Императорского Величества Конвоем. И хотя ордена и другие награды не обходили полковника Петина (3 ноября 1905 г. – гессенский орден Филиппа Великодушного, кавалерийский 1-го класса; 3 декабря 1907 г. – орден Св. Владимира 4-й степени; 23 января 1908 г. – шведский командирский орден меча 2-го класса; 18 января 1910 г. – «за службу в Ливадии Всемиловнейшее пожалованы золотой портсигар и денежная награда в размере троекратного основного оклада жалования 400 руб.»; 7 августа 1910 г. – Бухарская золотая звезда 1-й степени; в 1911 г. – длнца службу в Крыму «подарок по чину» и денежная награда в размере трёхтысячного основного оклада жалованья), напряжённая служба сказывалась на здоровье. Он стал страдать малокровием, нервным истощением, суставным ревматизмом [46]. Расстроенное здоровье требовало более спокойной службы. Беспокоило только одно: сможет ли он с уходом из гвардии обеспечить своё возросшее к тому времени семейство? Семейная жизнь Степана Ивановича поначалу не сложилась. Он женился «на вдове поручика Терентьева Евгении Яковлевне, урождённой Чермансон», детей от которой не имел [47]. Брак распался, и второй супругой С.И. Петина стала Александра Андреевна Демидова. 1 декабря 1904 г. у них родилась дочь Ксения, а 5 апреля 1907 г. – Ирина [48].

23 февраля 1912 г. С.И. Петин пишет рапорт на имя командира Собственного Его Императорского Величества Конвоя: «Прошу ходатайства Вашего Сиятельства об отчислении меня от Собственного Его Величества Конвоя по Кубанскому казачьему войску, с прикомандированием к Императорской Главной Квартире с награждением за службу в Конвое и сохранением получаемого мною ныне содержа-

Офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя. 1908 г. Слева направо: 1-й ряд стоят – подъесаул Н.А. Долгов, сотник В.Д. Савицкий, сотник Г.И. Гулыга; 2-й ряд стоят – подъесаул А.Д. Тускаев, подъесаул принц Риза-Кули-Мирза, подъесаул М.И. Свидин, подъесаул Шапринский, подъесаул А.С. Жуков, подъесаул П.К. Токарев, сотник Поляков, подъесаул князь А.В. Амилахвари; 3 ряд сидят – есаул барон М.Л. Унгерн-Штернберг, есаул А.П. Кулебякин, полковник В.В. Перепеловский, генерал-майор князь Ю.И. Трубецкой, полковник С.И. Петин, есаул В.К. Федюшкин, есаул В.П. Логвинов; 4-й ряд сидят – подъесаул Д.К. Абацьев, сотник Г.П. Татонов, хорунжий М.И. Хоранов, сотник А.Х. Хаджи-Мурат

ния в размере 2700 рублей в год в пожизненную пенсию, с предоставлением моему семейству, в случае моей смерти, права на эту пенсию в законной части» [49]. Командир Конвоя свиты Его Величества генерал-майор Ю.И. Трубецкой поддержал своего помощника и сообщал в сопроводительных документах, что «полковник Петин отличный штаб-офицер, вполне заслуживает награды» [50]. Высочайшее разрешение на прикомандирование Степана Ивановича к Императорской Главной Квартире было получено «впредь до причисления к соответствующей его здоровью должности» [51]. С.И. Петин был награждён знаком «За службу в Конвое», «с сохранением получаемого им ныне содержания в размере двух тысяч семисот рублей в год и обращении таковых при выходе в отставку в пенсию, если он чином или мес-

том не достигнет равного им высшего оклада, предоставив семейству, после его смерти, право на эту пенсию в законной части» [52].

12 января 1913 г. полковник Петин был назначен Председателем хозяйственно-строительной комиссии по постройке дома Императорской Главной Квартире и Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества. Одновременно возглавил Высочайше утверждённую при Военно-походной канцелярии комиссию по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамён [53]. Получив задачу возвести дом Императорской Главной Квартире, Степан Иванович решил, что гораздо экономнее и проще будет перестроить для этой цели пустовавшее здание, ранее принадлежавшее Придворно-конюшенному ведомству. Для этой цели он пригласил известного придворного зодчего А.К. Миняева. Поддержанный Петиним архитектор дал полную волю своим творческим замыслам. Высокий фасад был оформлен полуколоннами, плоским барельефом с изображением военных трофеев. И поныне этот памятник украшает Санкт-Петербург по адресу Захарьевская, 19, только Государственный герб Российской Империи в советское время был заменён композицией из знамён. За принятием постройки 1916 г. хозяйственно-строительная комиссия была целиком упразднена, и Степан Иванович целиком отдался работе в Трофейной комиссии.

Основной задачей Комиссии являлось описание боевых трофеев, материалов, захваченных неприятельских и отечественных исторических знамён и знаков отличия, подвигов русских солдат за всё время существования русской армии. До Первой мировой войны комиссия успела провести значительную работу по выявлению и описанию трофеев, хранящихся в различных музеях и соборах, архивах и библиотеках Российской Империи. С началом войны Комиссия значительно расширила свою деятельность. Она собирала сведения о Георгиевских кавалерах, фиксировала памятники на братских могилах и на погребениях отдельных чинов. Офицеры Комиссии фотографировали поля сражений и позиции, выполняли копии с донесений и реляций, описывали знамёна, орудия, пулемёты, миномёты, летательные аппараты, крепости, города и т.д. Вот где Степану Ивановичу пригодился его опыт по собиранию исторических источников для книги о Конвое. Он приглашал к сотрудничеству с Комиссией известных учёных, писателей, художников, фотографов. Ведя большую военно-патриотическую работу, полковник Петин и его сотрудники давали необходимые консультации по героическим атрибутам и символам формирующихся новых частей и подразделений. Краевед Е. Громова обнаружила в Ставрополь-

ском архиве интересную переписку председателя губернской земской управы М. Пояркова с чинами Трофейной комиссии. Ставропольцы просили помочь в изготовлении ополченского знамени 598-й пешей дружины, формируемой в губернии. Полковник С.И. Петин и известный военный писатель-археолог, капитан 2-го ранга П. Белаванец разъяснили, что для обыкновенных ополченческих знамён установлена единообразная форма. При желании же поместить на правой стороне изображение Иверской Божьей Матери (просьба Ставропольской дружины) потребуется Высочайшее разрешение. В итоге появились шесть рисунков знамён, изготовленных в специальной мастерской Трофейной комиссии, которые сохранились сегодня в фондах Государственного архива Ставропольского края [54]. Сегодня, когда изготавливаются нередко нелепые военные атрибуты и регалии для клубов, сценических и театральные коллективов, не грех вспомнить о работе Трофейной комиссии Царской России, основанной на тщательном изучении источников и привлечении профессионалов в области униформологии, оружиеведения, фалеристики и пр.

Комиссия С.И. Петина осуществляла ещё и активную издательскую деятельность. Отдельным указом Императора Николая II на неё было возложено составление и издание Георгиевских памяток-таблиц героев Великой войны, «дабы подвиги этих героев сделались общим достоянием всего русского народа, не исчезли безвозвратно для потомства». Каждая памятка включала фотографию героя, его краткую биографию с описанием подвига и рисунок его подвига. Всего Комиссия издала 40 памяток и 82 подготовила к печати. Особенно большую известность получили рисунки и картины приглашённого С.И. Петиним к сотрудничеству художника-баталиста Н.С. Самокиша, фотоработы штабс-капитана Корсакова. Эти произведения легли в основу популярного многотомного издания «Иллюстрированная летопись Великой войны». Собранные Комиссией С.И. Петина коллекции легли в основу экспонатов современных Центрального музея Вооружённых Сил и Артиллерийского музея. Подвижнический труд С.И. Петина по сохранению исторической памяти о подвигах русских воинов был оценён командованием. Незадолго до начала войны он был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени, в мае 1915 г. «пожалован подарком по чину» [55]. 2 сентября 1915 г. С.И. Петин «за отличие по службе» [56] был произведён в генерал-майоры [57].

Падение самодержавия в России, наступление хаоса и анархии в армии сказались для Степана Ивановича тяжёлым душевным потрясением. Рушилось всё, чему он с таким самозабвением служил. Болез-

ни, неизменные спутницы войн и революций, унесли жизнь его дочери Ксении. К нежеланию служить бутафорскому Временному правительству добавились физические невзгоды: собственные обострившиеся хвори и доведённой до отчаяния потерей ребёнка супруги. В одном из дел Российского государственного военно-исторического архива сохранился рапорт Председателя Трофейной комиссии генерал-майора Петина исполняющему обязанности начальника Военно-походной канцелярии от 30 мая 1917 г. «Ввиду тяжёлого расстройства здоровья, – писал Степан Иванович, – и тяжёлых семейных обстоятельств, вследствие скорострительной смерти дочери и граничащего с сумасшествием нервного потрясения жены, не имея никаких средств, кроме получаемого содержания, прошу ходатайства об увольнении меня со службы, с охранением мундира и выслуженной мною пенсии» [58]. К рапорту было приложено медицинское свидетельство о состоянии Петина, подписанное врачом Военно-походной канцелярии коллежским советником Соповым. «Правая рука, – говорилось в документе, – в настоящее время двигается с трудом при сильных болевых ощущениях. С 1915 г. появились боли в области печени и почек. В настоящее время жалобы на общее подавленное и тяжёлое нервное состояние, бессонницу, невозможность сосредоточить свои мысли, сильное понижение трудоспособности, болевые и ненормальные ощущения в области сердца, сильный упадок сил, боли в обоих плечевых и локтевых суставах, особенно в правом при ослаблении мышечной силы в правой верхней конечности [...]. Явление анимии кишечника при сильных запорах, плохом аппетите, тошноте, изжоге, отрыжке, болезненности в области желудка и явлениях геммороя» [59]. Доктор пришёл к заключению, что «г.м. Петин страдает резко выраженной формой неврастения при малокровии и упадке питания, хроническом суставном ревматизме, хроническом катаре желудка и кишок и общим артритозмом, почему дальнейшее несение службы, по моему мнению, для него представляется крайне затруднительным» [60].

Спустя месяц Главный Штаб уведомил, что «состоящий по Кубанскому казачьему войску генерал-майор Петин приказом Армии и Флоту о военных чинах сухопутного ведомства 22-го июня 1917 года уволен, за болезнь, от службы с награждением мундиром и пенсией» [61].

О дальнейшей судьбе Степана Ивановича мы можем пока только судить по скудным упоминаниям эмигрантской прессы и американским интернет-сайтам, где размещена краткая биография дочери генерала – певицы Ирины Петинной. На одном из порталов, посвящённых ей, отмечается, что в начале русской революции (по-видимому, Ок-

тябрьской) семья Петиных оставила Россию и прибыла в Китай [62]. Все свои оставшиеся скудные средства Степан Иванович, очевидно, употребил на образование дочери.

Харбин, где обосновались Петины, посреди всеобщего революционного разрушения старой России являлся осколком прошлой великой Российской Империи, настоящим русским городом, с русской архитектурой, обычаями, укладом жизни, православной верой. В городе было 22 православных храма, русские школы, музеи, театры, ассоциации русских художников и литераторов. Среди первых выпускниц Харбинской высшей музыкальной школы имени А.К. Глазунова была крестница вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны Ирина Петина, которой было суждено великое будущее на мировой сцене. Н. Ростова писала в харбинской газете «Рубеж» в 1938 г.: «Ирина Петина выросла в Харбине, и многие её помнят ещё школьницей. Здесь она пожинала первые лавры успеха: сверкала в качестве ... лучшего игрока женской волейбольной команды ХСМЛ, затем – на отчётных ученических концертах. Она училась петь у превосходной преподавательницы, ныне умершей, А.Н. Соловьёвой-Мацулевич, ученицы профессора Гальвани и знаменитой Виардо. Сама в прошлом великолепная певица, выступавшая 40 лет тому назад с Медведевым, Давыдовым, Тартаковым и Прянишниковым, Соловьёва-Мацулевич сразу же отметила юную певицу и уделила работе над её меццо-сопрано максимум времени и внимания. И когда эта худенькая, высокая девушка пела на ученических концертах, голос её заметно выделялся из голосов других учениц. Но, как и все остальные участники концерта, она смущалась, и её черные, полные огня глаза были скромно опущены долу» [63].

Ирина Степановна преподавала одно время на Музыкальных курсах при Епархиальном совете, которые работали по программе российских консерваторий. Но её влекла сцена. Её яркий талант был настолько очевиден, что дочь русского генерала вскоре становится солисткой знаменитой «Метрополитен-Опера». «Irra Petina!» – так, через две латинские «г» писали на американских плакатах и афишах её имя. В США она продолжила своё образование в Институте музыки Кертиса в Филадельфии. На одном из плакатов 1938 г. говорилось: «Ирра Петина поёт на пяти языках и имеет в своём репертуаре около пятидесяти ролей. Гибкость и многогранность её таланта позволяют ей с одинаковым успехом изображать комические и трагические персонажи, и она блестяще справляется с партиями Кармен, Берты в «Сивильском цирюльнике», Фидальмы в «Замужестве Кландестины», царевича Фёдора в «Борисе Годунове», Черубино в «Фигаро», Октавиана в «Кавалере роз» и многими другими.

Ирина Петина, 1948 г.

Но коронная роль И. Петинной, конечно, Кармен. В ней она отличилась ещё в Харбине, когда окончив школу, выступала в составе молодой оперы» [64]. В одной из рецензий на творчество певицы отмечалось: «Голос мисс Петинной, будучи превосходного качества и большого диапазона, очень музыкален. Как артистка, мисс Петина не уступает певице. Нисколько не переигрывая, она вносит в роль Кармен кокетство и дикость, соответствующие этому образу» [65].

Степан Иванович мог только радоваться такому успеху. К сожалению, пока не удалось установить, когда оставил земную жизнь этот блестящий гвардейский офицер и военный историк. Известно лишь, что в 1938 г. он ещё проживал в Харбине. Правление Сводно-Донской станицы Казачьего Союза в Шанхае сообщило Штабу Кубанского казачьего войска в Белграде сведения о кубанцах на Дальнем Востоке, которые опубликовал журнал «Кавказский казак». В номере за июль-октябрь 1938 г. имеется лаконичная запись: «Генерал Петин, быв. Конвоец. Харбин» [66]. В известном шеститомнике «Незабы-

тые могилы. Русское зарубежье: некрологи 1917–2001» (Т. 5) имя генерала С.И. Петина отсутствует. Можно предположить, что Степан Иванович скончался ещё до начала Второй мировой войны и был погребён на одном из русских православных кладбищ в Харбине. Могила его не сохранилась, очевидно, потому, что русские эмигрантские кладбища были в своём большинстве уничтожены хунвэйбинами во время Культурной революции в Китае. Известно, что в 1966 г. Успенское кладбище в Харбине было полностью разрушено бульдозером и превращено в парк, а надгробные мраморные и гранитные плиты были использованы варварами на облицовку набережной реки Сунгари. Та же участь постигла Покровское кладбище Харбина [67].

Ирина Степановна Петина прожила долгую жизнь. Он выступала на многих сценах мира, снялась в музыкальных художественных фильмах «Балалайка» (1939) и «Там магия в музыке» (1941). Послевоенные критики называли её «королевой оперетты». Она вышла замуж за доктора Франка Басси. Скончалась певица в возрасте 91 года 19 января 2000 г. в г. Остин, штат Техас.

Жизненный путь и наследие одного из незаурядных офицеров и историков Собственного Его Императорского Величества Конвоя ещё ждут своего исследователя. Возможно, какие-то фамильные документы сохранились в семье Басси в США, в архивах русского зарубежья Дальнего Востока. Очевидно одно: непростая судьба Степана Ивановича Петина являет собой яркий пример беззаветного служения своей стране пером и шашкой. Его книга о Царском Конвое ещё долго будет востребована новыми поколениями казачества и народов Кавказа как замечательный урок по воспитанию блестящей, героической, национальной элиты.

Примечания

1. *Хохлов И.В.* Полковая историография русской армии в конце XIX начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 159–166.

2. *Науменко В.Е., Фролов Б.Е.* Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион (1811–1861 гг.) Краснодар, 2002. С. 7.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 332. Оп. 1. Д. 707. Л. 7.

4. Отдельные представители фамилии стали даже персонажами исторических песен линейных казаков Кубани. См., например: Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. В редакции В.Г. Захарченко. Краснодар, 1995. Т. II. Песни линейных казаков. С. 43.

5. *Колесников В.А.* От служилых людей Московии: К 200-летию со дня основания Казанской, Тифлиской, Ладужской и Воронежской станиц // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры / Научн. ред.,

сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2002. Приложение № 2. С. 121–122.

6. Там же. С. 116.

7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 428. Л. 15.

8. Там же. Л. 20 об.

9. См.: *Дергунов Ф.С.* История станицы Ладужской. Краснодар, 2000.

10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 428. Л. 16 об.

11. Там же.

12. *Бондарь Н.И.* Традиционная культура кубанского казачества. Избранные работы / Научн. ред., сот. Н.И. Кирей, О.В. Матвеев, М.В. Семенов. Краснодар, 1999. С. 59.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 204. Л. 175.

14. *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска / Сост. генерал-майор И.Е. Гулыга. Тифлис, 1913. С. 76.

15. ГАКК. Ф. 283. Оп. 1. Д. 37. Л. 117.

16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 157. Л. 128 об.

17. Там же. Л. 129.

18. Там же.

19. Из литературного наследия С.А. Шарапа. Предисловие, публикация и перевод с украинского В.К. Чумаченко // Третьи Кухаренковские чтения: Материалы Краевой научно-теоретической конференции / Научн. ред. В.К. Чумаченко. Краснодар, 1999. С. 123.

20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 204. Л. 175.

21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 194. Л. 50 об.

22. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 707. Л. 7 об.

23. Цит. по: *Галушкин Н.В. Собственный Е.И.В. Конвой. П.Н. Стрелянов (Калабухов). Гвардейский Дивизион* / Научная редакция, предисловие, приложения и комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2008. С. 97.

24. *Шомахов А.К.* Организационно-правовые основы службы Собственного Его Императорского Величества Конвоя. 1811–1917. Автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 2.

25. *Петин С.И.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. Составил С. Петин. СПб., 1899. С. VI.

26. См.: ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559.

27. *Петин С.И.* Указ. соч. С. VI.

28. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 707. Л. 9.

29. Там же.

30. Там же.

31. *Клочков Д.А.* «Отличные храбростью...» Собственный Его Императорского Величества Конвой. 1829–1917 гг. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб., 2007. С. 17.

32. См.: *Науменко В.Е., Фролов Б.Е.* Указ. соч. С. 31–43.

33. *Петин С.И.* Указ. соч. С.158.
 34. Там же. С. 58–59.
 35. Там же. С.115.
 36. Там же. С. 135.
 37. Там же. С. 69.
 38. Там же. С. 70.
 39. Там же. С. 168–169.
 40. Там же. С. 194–195.
 41. Там же. С. 217.
 42. Там же. С. 235.
 43. См., например: *Матвеев О.В.* Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. С. 195.
 44. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Предисловие // Галушкин Н.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Указ. соч. С. 6.
 45. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 707. Л. 9 об.–10 об.
 46. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д.172378. Л. 2.
 47. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 707. Л. 14 об.
 48. Там же.
 49. Там же. Л.1.
 50. Там же. Л. 3.
 51. Там же. Л. 4.
 52. Там же. Л. 12 об.
 53. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 172378. Л. 5.
 54. *Громова Е.* История дружинного знамени // Ставропольская правда. 2004. 30 июля.
 55. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д.172378. Л. 6.
 56. Там же.
 57. РГВИА. Ф. 407. Оп. 1. Д.101. Л. 1.
 58. РГВИА. Ф. 409. Оп.1. Д. 172378. Л. 1.
 59. Там же. Л. 2.
 60. Там же.
 61. Там же. Л. 6.
 62. <http://beinecke.library.yale.edu/cvvpw/gallery/petina1.html>
 63. *Ростова Н.* Харбинка на мировой сцене. Заокеанские успехи Ирины Петиной // Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и дополн. М., 2005. С. 195.
 64. Там же.
 65. Там же. С. 195–196.
 66. Кавказский казак (Кубанец). Белград, 1938. № 144. Июль-Октябрь. С. 22.
 67. <http://www.iutus.ru/s2003/hil.shtml>

М.И.Абдулаева (г. Махачкала)

Военная элита Дагестана (Из истории формирования и становления)

В культуре кавказских горцев военное искусство занимает особое место. Веками формируя специфическую ментальность, культ воина буквально царит в горском социуме. Как писал в свое время В.Л. Величко, «горцы к ратному делу приспособились исторически» [1]. Подтверждение тому – яркие страницы военно-политической истории Кавказа и Дагестана в том числе.

Задолго до присоединения к России у горцев Дагестана существовали небольшие воинские образования, которые формировались по принципу всенародных ополчений. Каждый крупный феодальный владетель располагал определенными воинскими силами для участия в различного рода походах или в отражении нападения неприятеля. Однако обычай частой смены воинов препятствовал превращению военного дела в профессию и формированию военного сословия.

Ситуация изменилась с приходом России на Кавказ. Перепробовав на первом этапе различные формы и методы покорения горских народов, Царское командование пришло к мысли об «использовании местных военных ресурсов в имперских целях, попросту говоря о покорении края с помощью его жителей» [2].

Привлечение горцев к военной службе решало многие проблемы Империи на Кавказе. Для самих же горцев участие в иррегулярных войсках давало возможность не только поправить свое материальное положение, но и элементарно выживать в тяжелых военных условиях вместе со своими семьями. «Ополченцы получали деньги и провиант, позволяющие хоть на время выкарабкаться из бедности, что было очень важно для соответствующих социальных слоев. Кроме того, у северокавказских горцев существовали давние традиции наемничества, обусловленные их общественным строем, культурой, житейскими ценностями» [3].

Впервые идея создания иррегулярных военных формирований из местных народов была апробирована Царским командованием в Закавказье еще в XVIII в., когда была сформирована Грузинская гусарская рота, состоящая из князей и дворян Грузии и просуществовавшая 35 лет. Позднее, во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. по инициативе графа И.Ф. Паскевича были сформированы четыре конных полка из закавказских мусульман, которые в 1830 г. прекратили свое существование.

В марте 1834 г. Император Николай I повелел сформировать два полка: один из закавказских мусульман, другой из охотников кабардинцев, кумыков, чеченцев и других горцев под именем Кавказско-Горского [4]. Е.И. Козубский считает, что этот полк можно рассматривать как прототип Дагестанского конно-иррегулярного полка. Фактическое начало последнему положила милиция, широко развитая в Дагестане. Горская милиция имела то же значение, какое имела регулярная кавалерия в отрядах Кавказской армии [5]. Но, пожалуй, самым элитным из всех формирований Русской армии был Собственный Его Императорского Величества Конвой.

Идея создания воинского подразделения, главное предназначение которого заключалось в охране Царствующей особы и членов Семьи, принадлежала Императрице Екатерине II. Окончательное оформление этой идеи произошло в 1811 г. С этого времени начинается славная история Конвоя. Элитарность этого рода войск заключалась, главным образом, в том, что здесь служили представители наиболее знатных фамилий Кавказа. Немалое значение уделялось их внешним и физическим данным.

В 1828 г. по распоряжению Императора в состав Конвоя был включен отдельный Лейб-Гвардии Кавказской горской полуэскадрон. Его первым командиром был потомок крымских ханов Султан-Азамат Гирей.

С 1861 г. полное название Конвоя, которое укоренится в отечественной истории станет звучать «Лейб-Гвардии Собственный Его Императорского Величества Конвой». Структурно он состоял из эскадронов: Лейб-Гвардии Кавказского Горского и 3-х Лейб-Гвардии Кавказских казачьих эскадронов. Кавказский Горский эскадрон в свою очередь подразделялся на 4 взвода. Численность каждого взвода составляла от 30 до 40 человек. Как неотъемлемая часть Свиты Императора Конвой базировался в ставке Царя в Красном Селе.

Службу в Конвое прошли многие дагестанцы, имевшее знатное происхождение. Не стали исключением представители Тарковского шамхальского дома и Мехтулинских ханов [7]. Потомок владельцев Тарковских шамхалов, наследующий этот титул по праву первородства и утвержденный в нем Высочайшей грамотой, данной 3 декабря 1863 г. » [8] Речь идет о генерал-майоре русской службы князе **Шамсудине Тарковском**.

За отличие в делах против горцев князь был произведен в корнеты с зачислением в Лейб-Гвардии казачий полк, затем произведен в поручики. Впоследствии переведен в ротмистры и оставлен при Кавказ-

ской армии. Вслед за тем за отличие в службе произведен в полковники. Награжден орденом Святого Станислава, орденом Св. Анны 3-й степени. Был назначен флигель-адъютантом Свиты Его Величества. Имел медали: бронзовую «В память войны 1851–1859 гг.», серебряную – «За покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 гг.», крест «За службу на Кавказе» [9].

В 1866 г. князь Шамсудин Тарковский проживал в Темир-Хан-Шуре и получал из Тифлисского казначейства ежегодно 5000 р. в виде потомственной пенсии, а в 1868 г. пенсия была увеличена до 7000 р. в год [10].

Шихвали Тарковский – гвардии ротмистр, из рода шамхалов Тарковских. В 1830 г. вместе с отцом выехал в Петербург, где был определен в Школу гвардейских прапорщиков и юнкеров. Здесь же учился и М.Ю. Лермонтов, а также будущий фельдмаршал князь А.И. Барятинский. По окончании учебы служил в Лейб-кирасирском полку в Петербурге, впоследствии по указу Царя переведен в Дагестан [11].

Ибрагим-хан Мехтулинский – сын Ахмед-хана Мехтулинского, флигель-адъютант Его Величества, полковник Лейб-Гвардии казачьего полка. По приказу Главнокомандующего Кавказской армией князя А.И. Барятинского переведен правителем Аварии [12].

Абдул-Меджид Аликлыч Чопанов – из чанков Мехтулинского дома, поручик, участвовал в военных компаниях 1871 и 1877 гг. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени и серебряной медалью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра Николаевича» [13].

Имам Газали Магомаев – сын майора, родом из Чоха, поступил всадником в Дагестанский конный полк 15 мая 1957 г., в 1859 г. получил знак отличия военного ордена 4-й степени; при Гунибе был ранен. В 1861 г. был назначен в Лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя оруженосцем, а 14 февраля 1864 г. был произведен в корнеты в Сумский гусарский полк. В 1888 г. за отличие по службе произведен в подполковники [14].

Антык Нури-Магома Нахибашев родом из Чоха, поступил всадником в Дагестанский конный полк в 1861 г., из полка 6 мая 1865 г. переведен в Конвой Его Величества. 21 августа 1869 г. произведен в прапорщики милиции, 22 января 1870 г. зачислен в Дагестанскую постоянную милицию на всадничье содержание. За боевое отличие в 1877 г. получил орден Св. Станислава 3-й степени с мечом, за Текинскую экспедицию 1879 г. – Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [15].

Султан-бек Ибрагимов – сын прапорщика милиции из Аксая. Получил воспитание в Дворянском полку, откуда, по Высочайшему повелению, выпущен юнкером на Кавказ 28 июня 1851 г. Здесь 21 октября прикомандирован к Нижегородскому драгунскому полку, в рядах которого за боевое отличие произведен в хорунжий. Чин капитана получил за военное отличие 28 января 1880 г., также имел ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени с мечом. Командир полка писал о нем начальнику дивизии 8 февраля 1885 г.: «капитан Ибрагимов за все время 30-летней службы рекомендовал себя, как достойнейший и честный служака, и в лице его полк потерял офицера, составившего славное прошлое его» [16].

Арслан Гирей Мехтиев из чанков Темир-Хан-Шуринского округа, поступил всадником в Дагестанский конный полк 1 января 1865 г.; с сентября 1869 г. служил в Конное Его Величества, произведен в прапорщика 10 августа 1973 г.

Переведен в 3-й полк 17 января 1877 г., с которым за военное отличие против турок получил: Св. Анну 4-й степени «За храбрость», Станислава 3-й степени с мечом и чин поручика. Отчисленный из полка 22 января 1878 г. он был зачислен на всадничье содержание в сей полк с 11 апреля 1879 г. В Текинской экспедиции 1879 г. за военное отличие получил чин поручика и Анну 3-й степени с мечом [17].

Одним из ярких представителей профессиональных военных Дагестана был генерал **Хасай-хан Уцмиев**. Это был потомственный военный, сын генерал-майора русской службы князя Мусы Уцмиева. Еще в 1820 г. по представлению генерала А.П. Ермолова князь Муса Уцмиев был утвержден Императором Александром I «старшим владельцем Аксаевским» с присвоением ему чина капитана [18].

Военную службу Хасай-хан начал в 43-м егерском полку в качестве юнкера в 1825 г., затем в 1833 г. был переведен в Грузинский гренадерский полк, в 1836 г. – Лейб-гвардию Гренадерского полка при Кавказском корпусе. 28 февраля 1838 г. переведен в Лейб-гвардию Кавказско-горский полуэскадрон корнетом.

В Петербурге Хасай-хан Уцмиев служит до февраля 1844 г. ему присваивается звание майора, он командует взводом и получает награды орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом, Золотую шашку с надписью «За храбрость» [19].

В 1845 г. Хасай-хан Уцмиев произведен в подполковники, через семь лет – в полковники. В 1857 г. «назначен состоять при Кавказской армии. В 1861 г. направлен в распоряжение Командующего войсками в Дагестанской области, через год произведен в генерал-майоры.

Х. Уцмиев принимает участие в Русско-турецкой войне, за что был награжден орденом. За свою многолетнюю военную службу имел много наград.

В сложную и противоречивую эпоху присоединения Кавказа к России происходило формирование военного сословия Дагестана. Многие из представителей этого сословия прошли службу в профессиональных военных учебных заведениях России, для других «университетом» стали военные батальоны на полях Кавказской войны.

Благодаря тому, что многие дагестанцы получили возможность получать образование в кадетских училищах и других учебных заведениях России, в Свите Императора, в составе различных полков действующей армии стала формироваться дагестанская военная интеллигенция.

Примечания

1. *Величко В.Л.* Кавказ, русское дело и междуплеменной вопрос. СПб., 1904. С. 180.
2. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 23.
3. *Дегоев В.В.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 91.
4. *Козубский Е.И.* История Дагестанского конного полка. Петровск. 1909. С. 23.
5. Там же. С. 24.
6. См. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб., 1899; *Лавин В.В.* Национальные формирования в Кавказской войне. Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.
7. См. подр. *Алиев Н.М.* кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Махачкала, 2010.
8. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 126. Оп. 1. Д. 104. Л. 1.
9. Там же.
10. Там же. Л. 2.
11. *Алиев К.М.* Указ. соч. С. 141.
12. Сборник сведений о кавказский горцах (ССКГ). Вып. 2. Репринтн. изд. Тифлис, 1869. М., 1992. Вып. 2. С. 9.
13. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 12. Д. 36. Л. 7.
14. *Козубский Е.И.* Указ. соч. Приложение. С. 78.
15. Там же. С. 80.
16. Там же. С. 74.
17. Там же. С. 81.
18. Акты Кавказской Археографической комиссии (АКАК). Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1872. С. 67.
19. *Алиев К.М.* Указ. соч. С. 298.

Г.Н. Шевченко (г. Краснодар)

Особенности воинской службы казаков-гвардейцев Кубани в Собственном Его Императорского Величества Конвое

Казаки-гвардейцы Кубани являлись лучшей составной частью Конвоя Его Императорского Величества. Но если о ратных подвигах гвардейцев написано немало, то о службе казаков в Императорском Конвое можно найти материал лишь в нескольких редких дореволюционных изданиях [1], да в некоторых работах современных историков и писателей [2].

Рассмотрим основные этапы и особенности службы казаков-гвардейцев Кубани в Императорском Конвое.

В России гвардия берет свое начало с созданной Императором Петром I в 1687 г. Преображенского и Семеновского полков. В 1775 г. по указу Императрицы Екатерины II из Донской и Чугуевской казачьих команд и Гусарского Лейб-эскадрона формируется особая команда для охраны Государыни.

Днем рождения казаков-гвардейцев Кубани принято считать 18 мая 1811 г., когда по распоряжению Императора Александра I и предписанию Военного министра М.Б. Барклая де Толли Херсонскому военному губернатору Дюку де Ришелье была сформирована Лейб-гвардии Черноморская казачья сотня под командованием А.Ф. Бурсака. Сотня приняла участие в военных действиях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походах Русской армии 1813–1814 гг. С 1 января 1813 г. Лейб-гвардия Черноморская сотня в составе Лейб-гвардии казачьего полка поступила на службу в Императорский Конвой, которую несла вплоть до его расформирования в 1917 г.

В 1832 г. в составе Конвоя появилось новое подразделение, предназначенное исключительно для охраны Царя: команда кавказских линейных казаков. В марте 1833 г. состав команды увеличился вдвое и его разделили на две смены: одна находилась в течение 3-х лет в Петербурге, а вторая на льготе. С октября 1867 г. Лейб-гвардии Кавказские казачьи эскадроны стали формироваться по два от Кубанского и одному от Терского казачьего войска [3].

Специальными инструкциями определялись обязанности Конвоя. Казаки-гвардейцы несли караульную и внутреннюю службу, являлись личной охраной Императора. В их обязанность входило:

1. Осуществлять «ежедневные наряды при Государе – по одному человеку, при Великих князьях – по одному человеку, при Командующем Главной Императорской Квартирою – один гвардеец, при Управляющем делами и при Командире Конвоя – по одному гвардейцу.

2. Ежедневный наряд на внутреннюю караульную службу в Зимнем дворце.

3. Ежемесячные смотры и летние учения в Красном Селе в Высочайшем присутствии.

4. Командирование и вояжи с Императорской Фамилией: по стране (обычно I унтер-офицер и 2 казака) и за рубеж (I унтер-офицер и 1 казак).

5. Загороднее сопровождение при выезде Императорской Семьи в Петергоф и Царское Село (1 взвод: I штаб-ротмистр, 5 унтер-офицеров, I трубач, 35 казаков) [4].

Назначение в Конвой считалось высокой наградой. Пополнение офицерами осуществлялось переводом из строевых частей Кавказских казачьих войск после обязательной, не менее чем двухлетней службы. Имел значение образовательный ценз: принимались, как правило, те офицеры, которые оканчивали военные или юнкерские училища по высшим разрядам. От станицы обычно отбиралось 1-2 человека. При отправлении в Петербург казаки должны были иметь собственное обмундирование, шашку и кинжал, годного к строю рослого коня любой масти, кроме пегого и вороного, седло и конский убор кавказского образца. Остальное обмундирование и снаряжение они получали за счет казны по прибытии в столицу. Конвойцам выдавали черкески: синюю, повседневную, с красным бешметом и алую, парадную, с белым бешметом. Помимо холодного оружия, нижние чины были вооружены не только винтовками, но и револьверами [5].

Конвойцы-офицеры выполняли приказы только самого Государя, не подчиняясь даже Министру Двора, в ведении которого они находились. Один из урядников Конвоя по очереди выбирался сроком на полгода личным ординарцем Императора. Он находился при Государе неотлучно в любое время суток, сопровождая Его во всех поездках. По окончании шестимесячной службы Царь жаловал своего ординарца золотыми часами с государственным гербом России. Понравившиеся Царской Семье казаки оставались на сверхсрочной службе [6].

Служба в гвардейских казачьих частях считалась престижной еще и потому, что с 1827 г. Августейшим атаманом всех казачьих войск и шефом Атаманского полка назначался Наследник Престола. В 1827–1855 гг. им был Наследник Цесаревич и Великий князь Александр Николаевич; в 1855–1865 гг. – Николай Александрович; в 1865–

1881 г. – Александр Александрович; в 1881–1904 г. – Николай Александрович; в 1904 г. – Алексей Николаевич. С детских лет многие Великие князья надевали казачью форму. Таким образом, гвардейская казачья среда превратилась в своего рода «военное училище» для последней Царствующей Фамилии. В то же время гвардейские казачьи части были своеобразной школой для выходцев из старшинских казачьих родов и поставляли в Войска командный состав и военных администраторов [7].

Так, **Григорий Антонович Рашиль** начал службу казаком с 1814 г., получил чин генерал-майора в 1841 г. и с этого времени служил в Лейб-гвардии эскадроне, был его командиром, начальником штаба Черноморского казачьего войска и Наказным атаманом войска с 1842 г по 1852 г. Был награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й ст., Св. Георгия 4-й ст. за выслугу в офицерских чинах 25 лет, имел медали «За персидскую войну 1826–1828 гг.», «За взятие Варшавы в августе 1831 г.», знак отличия за военные достоинства 4-й ст. и крест «За службу на Кавказе» [8].

Алексей Антонович Рашиль начал службу в 1820 г. сотенным есаулом в войске Черноморском, с 1828 г. зачислен в Лейб-гвардии Казачий полк в Черноморский эскадрон, был в Конвое при штабе Гвардейского корпуса, участвовал в смотрах, учениях, маневрах корпуса, в параде 30 августа 1835 г. «при торжественном открытии монумента, воздвигнутого Императору Александру I». За храбрость в сражениях в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и с горцами на Кавказе был награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с бантом, Св. Анны 3-й ст. с бантом, Св. Станислава 3-й ст., серебряной медалью «За Русско-турецкую войну 1828–1829 гг.» [9]

Казаки Конвоя обязательно присутствовали на церемониях коронации, бракосочетаний и похорон членов Царской Семьи, а также на дипломатических приемах. Конвойцы встречали с Царем и Его детьми Новый год, посещали церковные службы. Офицеры Конвоя состояли в переписке с ближайшими родственниками Государя и влиятельными царедворцами. Ежегодно 4 октября отмечался официально установленный праздник Конвоя – день Святого Иерофея.

Конвойные сотни не привлекались для выполнения полицейских функций. По окончании службы казаки увольнялись с сохранением мундира, награждением специальным знаком «За службу в Конвое», производством в урядники и крупным, иногда до тысячи рублей, денежным пособием. Бывшие конвойцы окружались почетом и уважением, освобождались от внутренних служб по войску в станицах, караулов и летучих почт [10].

Итак, в службе казаков-гвардейцев Кубани в Императорском Конвое можно выделить следующие этапы, когда службу несли:

1. 1811–1815 гг. – Лейб-гвардии Черноморская казачья сотня;
2. 1816–1842 гг. – Лейб-гвардии Черноморский казачий эскадрон;
3. 1842–1861 гг. – Лейб-гвардии Черноморский казачий дивизион;
4. 1861–1867 гг. – Лейб-гвардии 1, 2 и 3 Кавказский казачий эскадрон СЕИВК (3/4 – кубанцы, 1/4 – терцы);
5. 1868–1891 гг. – Лейб-гвардии 1 и 2 Кавказские кубанские казачьи эскадроны СЕИВК;
6. 1891–1917 гг. – Лейб-гвардии 1 и 2 – Кубанские и 3 и 4 – Терские казачьи сотни СЕИВК [11].

4 марта 1917 г. Собственный Его Императорского Величества Конвой был переименован в Конвой Верховного Главнокомандующего и включен в состав его штаба. В июне 1917 г. Конвой был расформирован, его чины поступили в распоряжение Военно-походной канцелярии или переведены в другие части, а выслужившие сроки службы были уволены в отставку.

Примечания

1. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб., 1899; *Хрещатинский Б.Р.* История Лейб-гвардии казачьего Его Величества полка. СПб., 1913; *Кузьминский Н.А.* Хроника к 100-летию юбилею Лейб-гвардии Царского конвоя. СПб., 1913.

2. *Галушкин Н.В.* Собственный Его императорского Величества конвой. Сан-Франциско, 1961; *Плотников Д.Н.* Собственный Его Величества конвой // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 71–79; *Фролов Б.Е.* Формирование черноморской гвардейской сотни // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 117–124; *Его же.* Гвардейские казаки // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 108–110; *Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве / Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995; *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Очерки истории форменной одежды кубанских казаков (конец XVIII в. – 1917 г.). Краснодар, 2000; *Шевченко Г.Н.* Войсковые дворяне Бурсаки в Черномории // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 62–69; *Ее же.* Род семьи Бурсаков на Кубани // Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 74–77; *Ее же.* Служба казаков-гвардейцев Кубани в Конвое Его Императорского Величества // Казачество России: история и современность: тезисы Международной научной конференции (8–11 октября 2022 г.); *Лобова Т.М.* Рождены для службы царской. Пятигорск, 2000; *Лихоносов В.И.* Из блестящего казачьего рода // *Лихоносов В.И.* Тоска кручина. Краснодар. 1996. С. 118–180.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л. 4.
4. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 154. Л. 9, 19, 21; Там же. Д. 156. Л. 1–3; Д. 158. Л. 1.
5. *Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве. С. 137.
6. *Там же.* С. 138.
7. *Безотосный В., Самонин С.* Казаки-гвардейцы // Родина. 1998. № 3. С. 61.
8. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С. 375–376.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 92. Л. 48об-51.
10. *Матвеев О.В.* Указ. соч. С. 140.
11. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л.1; ПСЗ. Собр. 1. Т. 32 (1813). № 25375; ПСЗ. Собр. 1. Т. 33 (1816). № 26181; ПСЗ. Собр. 2. Т. 17 (1842). № 15809; ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2829. Л. 4; Ф. 332. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–16.

Э.Э. Исмаилов (г. Москва)

Азербайджанцы в Конвое Императоров: команда и взвод Мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя

Историю Императорского Конвоя большинство специалистов начинают с создания Гвардейских казачьих частей, многие из которых в XVIII и в начале XIX столетия периодически использовались в качестве почетного эскорта и для выполнения охранных функций особ Российских Монархов (например, придворные Донская и Чугуевские казачьи команды (1775 г.), Лейб-казаки, Черноморская сотня и др.).

Именно дата формирования Лейб-гвардии Черноморской сотни – 18 мая 1811 г. – отмечается как дата старшинства Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Сотня с момента своего создания была прикомандирована к Лейб-гвардии Казачьему полку. В 1813 г. Лейб-гвардии Черноморская сотня была переименована в эскадрон, который в 1842 г. был развернут в дивизион и отделен от Лейб-гвардии Казачьего полка. И только 2 февраля 1861 г. Лейб-гвардии Черноморский дивизион был соединен с Собственным Его величества конвоем, образовав лейб-гвардии 1-й, 2-й и 3-й Кавказские казачьи эскадроны.

Но первое подразделение в рядах Российской гвардии, специально созданное для конвойной службы при Высочайшем Дворе и имевшее соответствующее название, было сформировано лишь в начале царствования Императора Николая I. Этим подразделением стал учреж-

денный 1 мая 1828 г. Лейб-гвардии Кавказско-Горский взвод, составленный из князей и узденей Кабарды, Чечни, а также кумыков и ногайцев. 30 апреля 1830 г. взвод был развернут в полуэскадрон, в котором, согласно штатам 1830 г., полагалось иметь пять офицеров, девять юнкеров и 40 оруженосцев.

12 октября 1832 г. для Собственного Его Императорского Величества конвоя, «из людей всех полков Кавказского Линейного Казачьего войска, отличных храбростью и поведением», была сформирована команда Кавказского казачьего линейного войска.

30 апреля 1838 г. для Собственного Его Императорского Величества конвоя была сформирована команда лезгин (жителей Джарской области), а 11 марта 1839 г. – команда из чинов Закавказского конномусульманского полка, состоявшего при Главнокомандующем Действующей армией.

С воцарением на троне Императора Александра II в организации Конвоя произошли крупные изменения. Он стал состоять из двух эскадронов: Лейб-гвардии Кавказского эскадрона и Лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона.

Образованный в ноябре 1856 г. лейб-гвардии Кавказский эскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя состоял из четырех взводов.

1-й взвод – это вновь сформированная команда Грузин, в которую набирали «молодых людей знатнейших княжеских и дворянских фамилий православного исповедания, из Тифлисской и Кутаисской губерний».

2-й взвод – команда Горцев – комплектовалась на прежнем основании – прямо с Кавказа и «исключительно из знатных фамилий».

В 3-й взвод – команда Лезгин – стали принимать не только выходцев из Джаро-Белоканского округа, но «и Лезгин Прикаспийского края, из тамошних знатнейших фамилий».

4-й взвод – команда Мусульман – стала комплектоваться «из почетнейших фамилий ханов и беков Закавказского края, прямо из оног».

Причины создания этого необычного подразделения были исключительно политическими, поскольку кавказский регион в этот период на 60 лет стал ареной боевых действий Российской Императорской армии (самая длительная война в ее истории). Самодержавная власть такими мерами искала опору в среде местной знати, готовила будущие региональные кадры на управленческие посты, с помощью престижной и почетной в глазах кавказцев службы при Русском Императоре пыталась приручить верхушку кавказских народов.

Во время службы кавказцы проходили обучение русскому языку и основам других наук, им были созданы все условия для комфортного содержания с учетом их национального менталитета. В штате для отправления религиозных обрядов были предусмотрены эфенди для исповедовавших суннитское направление ислама и мулла для исповедовавших шиитское направление.

Эскадрон был упразднен 2 декабря 1881 г. после окончательного «замирения» Кавказа. Офицеры эскадрона были произведены в следующие чины, получив пожизненную пенсию.

За период своего существования эскадрон имел значение «проводника мирных идей культуры и цивилизации среди своих соплеменников, внушения им уважения и покорности русскому престолу», а в его рядах, в непосредственной близости от Российского Императора, успели пройти службу многие представители знатных фамилий большинства кавказских народов.

Кроме того, российские власти получали кадры, из которых формировались административные органы управления на местах. Всего за время своего существования, по данным первого летописца Конвоя Степана Петина, Конвой стал школой для военного обучения 754 офицеров-«азиатцев», из которых 524 были выпущены корнетами по кавалерии, а 230 – с 1869 г. – прапорщиками милиции [1].

Но эти цифры, по моим данным, не совсем точные. Так, только из команды Мусульман, абсолютное большинство офицеров и юнкеров (векилей) которой составляли азербайджанцы, за период с 1840 по 1857 г. в корнеты с состоянием по армейской кавалерии были произведены около 105 векилей (юнкеров), а за период с 1859 по 1881 г. – более 110 юнкеров были произведены в прапорщики милиции. Многие из них в дальнейшем продолжили свою военную карьеру.

Обратимся теперь кратко к истории создания и названия команды и взвода Мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия на территории Южного Кавказа существовало более двух десятков независимых и полунезависимых азербайджанских государств – ханств и султанств, образовавшихся, в основном, после гибели Надир-шаха Афшара и распада его Империи в 1747 г.

Таковыми государствами являлись – *Ардебильское, Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Карадагское, Кубинское, Макинское, Марагинское, Нахичеванское, Сарабское, Талышинское, Тебризское, Шекинское, Шемахинское, Урмийское, Хойское и Эри-*

ванское ханства, Илисуьское (Елисуьское) султанство и Джаро-Белоканские вольные общества, а также зависимые от своих более сильных соседей Джаватское ханство, Арешское, Борчалинское, Казахское, Куткашинское, Памбакское, Сальянское, Шамшадильское и Шурагельское султанства.

В результате двух Русско-иранских войн в первой четверти XIX столетия территория исторического Азербайджана была разделена на Северную и Южную части. Таким образом, зажатые с севера и юга более сильными соседями, азербайджанские государственные образования потеряли свою самостоятельность, а азербайджанский народ в результате этого акта оказался расколотым на две части.

Более того, с подчинением Северного Азербайджана Российской Империей в официальный обиход последней вошли искаженные этнические названия азербайджанцев, которых называли либо «татарами» («закавказскими татарами», «азербайджанскими татарами»), либо «персами» (в частности в Дербентском и Бакинском регионах), либо просто по конфессиональной принадлежности – «мусульманами».

Эти этнические названия легли в названия иррегулярных воинских частей Российской Империи, которые были сформированы из азербайджанцев. Такими частями являлись, например, четыре конно-мусульманских полка периода Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Кавказской войны и Восточной войны, Закавказский конно-мусульманский полк (1835–1857 гг.), команда Мусульман Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1839–1856 гг.), 4-й взвод Мусульман Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его императорского Величества Конвоя (1856–1881 гг.) и Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917 гг.).

В то же время самоназвание народа являлось «турки», «тюрки» (азербайджанские турки) и также назывался язык: тюркский (азербайджанско-тюркский). Эти названия вернулись в официальный обиход лишь в 1918 г. с восстановлением государственности на территории Северного Азербайджана.

Первые иррегулярные полки, сформированные из азербайджанцев, или как их называли в тот период – из закавказских мусульман (закавказских татар), появились в России в самом начале царствования Императора Николая I (1825–1855 гг.). В период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом графом И.Ф. Паскевичем-Эриванским были сформированы из жителей Закавказских мусульманских провинций, т.е. из жителей бывших азербайджанских владений, четыре

мусульманских конных полка и отдельная часть под названием «Конница Кянгерлы» [2].

Эти полки были сформированы по территориальному признаку. 1-й конно-мусульманский полк был составлен из жителей Карабахской провинции (бывшее одноименное ханство); 2-й конно-мусульманский полк – из жителей Шекинской и Ширванской провинций (бывшие одноименные ханства); 3-й конно-мусульманский полк – из жителей Елисаветпольского округа (бывшее Гянджинское ханство) и «татарских» дистанций: Борчалинкой, Казахской и Шамшадильской (бывшие одноименные султанства); 4-й конно-мусульманский полк – из жителей Армянской области (бывшее Эриванское ханство). Конница Кенгерли была составлена из 250 всадников – жителей бывшего Нахичеванского ханства [3].

Командирами конно-мусульманских полков были назначены русские штаб и обер-офицеры. Помощниками к ним назначались «беки из самых лучших и богатейших фамилий, имеющие чины офицерские, как равно и сотенные начальники из таковых же назначались» [4].

О том, как сражались азербайджанские воины конно-мусульманских полков и конницы Кенгерли свидетельствуют многочисленнее документы и воспоминания очевидцев. Так, очевидец Соганлугского сражения русский историк и писатель П. Зубов писал: «Надо видеть сии полки в сражении, чтобы судить о них: это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятеля и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их 19 июня 1829 г. на высотах Соганлуга в том знаменитом бою... и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими» [5].

«Долгом считаю свидетельствовать, – писал генерал-адъютант граф И.Ф. Паскевич-Эриванский в Петербург 23 сентября 1829 г., докладывая Императору об одержанной победе под крепостью Ольгиси, – об отличной храбрости мусульманских полков... Добытые ими семь знамен и ключ крепости буду иметь счастье повергнуть к стопам В.И.В. вслед за сим» [6].

26 октября 1830 г. Император Николай I, «желая ознаменовать благоволение Свое» к конно-мусульманским полкам и коннице Кенгерли, «с отличною храбростью и постоянным мужеством служившим в войне с Турциею», пожаловал им особые знамена с изображением на них российского герба и с сохранением в гербе изображения Св. Георгия; на древках же знамен вместо креста было помещено вензелевое имя Императора [7].

В середине 1830-х годов произошло событие, сыгравшее значительную роль в приобщении азербайджанцев к регулярной военной службе. По ходатайству наместника Царства Польского – бывшего командира Отдельного Кавказского корпуса – генерал-фельдмаршала князя Ивана Фёдоровича Варшавского графа Паскевича-Эриванского – при Отдельном Кавказском корпусе в 1834 г. было начато формирование Закавказского конно-мусульманского полка.

Этот полк напрямую связан с созданием в дальнейшем команды Мусульман Собственного Е.И.В. Конвоя. В официальном воззвании Кавказских властей «к мусульманскому населению» (т.е. к азербайджанцам) так называемых Мусульманских провинций, Армянской области и Татарских дистанций Грузии, говорилось, что главная цель формируемого полка заключается в том, «чтобы доставить средство достойным молодым бекам, хорошим наездникам, видеть свет, познакомиться с лучшим порядком и, по возвращении на родину, употребить себя с большею пользою на службу в провинциях». После того как полк был сформирован, он был представлен командиру Отдельного Кавказского корпуса и 1 октября 1834 г. направлен из Тифлиса в Варшаву. 2 марта 1835 г. Закавказский конно-мусульманский полк прибыл в столицу Царства Польского [8].

Закавказскому конно-мусульманскому полку было выдано почетное знамя 3-го конно-мусульманского полка, пожалованное этому полку в 1830 г. В 1849 г., когда Закавказскому конно-мусульманскому полку за подвиги в Венгерской кампании было вручено Георгиевское знамя, почетное знамя 3-го конно-мусульманского полка было вновь отправлено на хранение в Елисаветполь [9].

Новый Закавказский иррегулярный конный полк, так же как и предыдущие 4 иррегулярных конных полка, получил название *Мусульманского* полка – вероятно по одному из этнических названий азербайджанцев, употреблявшихся в Российской Империи в первой половине XIX столетия.

По положению 1835 г. командир полка должен был избираться командиром Отдельного Кавказского корпуса из числа «Русских Штаб-Офицеров, и преимущественно из командовавших уже подобными полками и знающих Татарский (т.е. азербайджанский. – Э.И.) язык» и утверждаться Высочайшим приказом [10].

В сравнении с ранее организованными конно-мусульманскими полками Закавказский конно-мусульманский полк имел, очень важные, на мой взгляд, отличия, которые приближали его к регулярным полкам Русской кавалерии. В отличие от уже существовавших азербайд-

жанских иррегулярных формирований, дислоцировавшихся на Кавказе, местом дислокации Закавказского конно-мусульманского полка была выбрана Варшава. До этого конно-мусульманские полки собирались только на период военных действий, а вновь сформированный Закавказский конно-мусульманский полк должен был нести службу постоянно в составе Действующей армии. А также ряд других отличий.

11 марта 1839 г. Император Николай I подписал указ «о формировании особой команды для Конвоя Его Величества из находящегося в действующей армии конно-Мусульманского полка». Государь Николай I, «признавая полезным иметь в составе Собственного Его Величества Конвоя команду из находящегося в действующей армии конно-Мусульманского полка, Высочайше повелеть соизволил: 1) Сформировать таковую команду из двух обер-офицеров, четырех вейкелей и двадцати четырех всадников. 2) Команду эту отправить в С. Петербург в будущем Апреле месяце...» [11].

11 февраля 1840 г. Императором Николаем I был подписан указ «о комплектовании команды мусульман Собственного Его Величества конвоя чинами от конно-мусульманского полка». Согласно этому указу нижние чины команды Мусульман могли поступить на службу в команду только из Закавказского конно-мусульманского полка [12].

Правило комплектования команды Мусульман Собственного Е.И.В. конвоя чинами из Закавказского конно-мусульманского полка просуществовало вплоть до конца 1856 г., связав эти два азербайджанских подразделения Российской армии.

Служба в Конвое сыграла огромную роль в привлечении азербайджанцев к военной и, что особенно важно, к профессиональной военной службе. Часть из них впоследствии переводились и назначались в регулярные части Русской армии. Многие из тех кто, завершив службу в Конвое и возвратившись с офицерским чином на родину, направляли затем своих детей на военную службу, а в дальнейшем и в военно-учебные заведения.

Еще одно азербайджанское иррегулярное подразделение, которое косвенно имело отношение к созданию, а вернее к обмундированию, команды Мусульман Собственного Е.И.В. Конвоя, была нахичеванская команда конница Кенгерли.

Кенгерлинские всадники были подчинены непосредственно представителю нахичеванского ханского дома нахичеванскому наibu полковнику Эксан-хану. С ведением русского правления кенгерлинцы продолжали исполнять свою главную миссию: в период Русско-ту-

рецкой войны 1828–1829 гг. выставили конницу в 250 всадников, а по окончании военных действий выполняли полицейские функции в Нахичеванской провинции, содержали караулы по реке Аракс, конвоировали курьеров и транспорт. Кроме того, со второй половины 1830-х гг. кенгерлинцы за собственный счет отправляли в Варшаву в Закавказский конно-мусульманский полк до 30 всадников в год [13].

В 1837 г. Император Николай I решил лично посетить завоеванный Кавказ. Воспоминания Императора Николая I о посещении им Кавказа были записаны шефом жандармов графом А.Х. Бенкендорфом: «Спустившись в долину, я увидел перед собою выстроенную к бою бесподобную конницу Кенгерли, в однообразном одеянии и на чудесных лошадях; начальник ее Эсхан-хан, подсакав ко мне, отпортовал по-русски, как бы офицер наших регулярных войск...»

Для представления Императору Эксан-хан заказал своим всадникам «нарочно приготовленную однообразную одежду белого цвета и богатое вооружение» [14].

Вероятно, под впечатлением этого смотра император через два года и распорядился сформировать в своем конвое команду Мусульман, парадный мундир которых был также белого цвета.

Однако необходимо отметить, что первый офицер-азербайджанец конвоя начал службу в нём гораздо раньше формирования команды Мусульман. Им стал сын бывшего хана Ширванского генерал-лейтенанта Мустафы-хана – **Джавад-хан Ширванский**, поступивший на службу в Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон 6 апреля 1834 г. в чине корнета [15].

Затем, уже в команду и 4-й взвод Мусульман Собственного Е.И.В. Конвоя поступили на службу следующие офицеры-азербайджанцы: поручик *Алиаскар-Бек-Гассан-Бек-Оглы*, корнет *Фараджул-Бек-Ага-Ирза-Бек-Оглы*, корнет *Исрафил-Бек-Эдигаров*, поручик *Мирза-Мейти-Бек-Везиров*, поручик *Мамаджан-Бек-Эдигаров*, корнет *Мирза-Гаджи-Бек-Новрузов*, корнет *персидский принц Риза-Кули-Мирза*, поручик *Ага-Крым-Султанов*, корнет *Ханлар-Ага-Зиатханов*, поручик *Мирза-Мамед-Ага-Гаибов*, корнет *персидский принц Акбер-Мирза*, корнет *Балахан-Хан-Ширванский*, корнет *персидский принц Фатали-Мирза* [16].

По-разному сложились их судьбы. Поручики *Мамаджан-Бек-Эдигаров* и *Мирза-Мамед-Ага-Гаибов*, а также корнет *Ханлар-Ага-Зиатханов* ушли из жизни, будучи на службе в Конвое. Другие сделали завидную военную карьеру: пятеро из них стали генералами.

Кроме того персидский принц Риза-Кули-мирза стал первым азербайджанцем-офицером Свиты Его Величества. Он был пожалован за

заслуги придворным чином флигель-адъютанта, а его старшая дочь Дильшад-Ага – звания Фрейлины Императрицы [17].

Также необходимо отметить, что уже со второй четверти XIX столетия азербайджанские офицеры служили и в регулярных частях Русской армии. Некоторые из них особо отличились в период Восточной войны 1853–1856 гг. Так, майор лейб-карабинерного (13-го лейб-гренадерского) Эриванского Его Величества полка *Алиамбар Измаилович Визиров* в марте 1856 г. за боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. [18]

Уже к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. азербайджанские по происхождению офицеры не только служили в регулярных частях Русской армии, но и командовали регулярными кавалерийскими и пехотными полками. Так, к примеру, бывший командир 4-го взвода Мусульман лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Е.И.В. конвоя полковник *Мирза-Гаджи-Бек-Новрузов* в период войны командовал 15-м драгунским Тверским полком.

Другой бывший офицер Собственного Е.И.В. Конвоя (3-го взвода Лезгин) – полковник *Бала-Киши-Али-Бек-Араблинский* – перед самым началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был назначен командиром 3-го линейного Кавказского батальона, а в феврале 1878 г. – командиром 160-го пехотного Абхазского полка [19].

В кампании 1877 г. вновь приняли участие и иррегулярные части, полностью или частично сформированные из азербайджанцев: Бакинский, Елисаветпольский, Закатальский и Эриванский конно-иррегулярные полки, а также Александропольский конный дивизион и Борчалинская конная сотня.

Некоторые из них были сведены в конно-иррегулярные бригады. Так, 5 мая 1877 г. азербайджанские Елисаветпольский и Закатальский конно-иррегулярные полки были сведены в конно-иррегулярную бригаду, командующим которой был назначен один из бывших командиров 4-го взвода Мусульман лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Е.И.В. Конвоя – флигель-адъютант полковник персидский принц Риза-Кули-мирза Каджар.

Последним же этническим азербайджанцем, служившим в Собственном Е.И.В. Конвое, стал сын принца Риза-Кули-мирзы Каджара – принц Александр Петрович Риза-Кули-Мирза, поступивший в апреле 1903 г. на службу в Конвой в чине сотника в Лейб-гвардии Кубанскую сотню.

Под этим именем был известен младший сын принца Риза-Кули-мирзы, рожденный от его второй жены Александры Туган-Мирза-Ба-

рановской. Незадолго до рождения сына Александра Туган-Мирза-Барановская приняла православное крещение, а затем и их новорожденный сын также был крещен по православному обряду. Восприемниками при крещении были Великий князь Петр Николаевич и Великая княгиня Александра Николаевна. Мальчика назвали в честь Императора Александра II, а отчество он получил от своего крестного отца. При этом имя его родного отца – принца Риза-Кули-мирзы – использовалось им в Российской империи, вероятно, в качестве фамилии.

В 1903 г. принц Александр Риза-Кули-Мирза, штабс-ротмистр 178-го резервного пехотного Изборского полка, был переведен на службу в Собственный Е.И.В. Конвой. Примечательно, что когда в октябре 1911 г. торжественно отмечался столетний юбилей Собственного Е.И.В. Конвоя и для чинов конвоя по этому поводу были пошиты исторические формы одежды всех его подразделений, то для подъясула принца Александра Риза-Кули-Мирзы была подготовлена форма «азербайджанского» 4-го взвода Мусульман образца 1857 г.

В конце 1915 г. есаул принц Александр Риза-Кули-Мирза выступил одним из инициаторов создания под председательством Великого князя Михаила Александровича особого комитета, целью которого было бы «изыскание средств для призрения всех защитников Родины, потерявших трудоспособность за ранами, увечьями и болезнями, а также для объединения всех благотворительных учреждений, обществ и лиц, имеющих своею задачею призрение названных жертв войны».

После образования комитета, названного Георгиевским комитетом Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Александровича, приказом по Конвою в феврале 1916 г. есаул персидский принц Риза-Кули-Мирза был командирован во временное распоряжение Великого князя Михаила Александровича для участия в занятиях Георгиевского комитета с продолжением несения службы в Конвое.

Принц Александр Риза-Кули-Мирза являлся членом Совета Георгиевского комитета и управляющим отделом по рассмотрению проектов, приносящих доход комитету. Как было отмечено в его краткой записке о службе, составленной в 1918 г., принц Риза-Кули-Мирза был «инициатор основания Георгиевского комитета, собравшего за первый год и два месяца до большевиков 7 миллионов рублей».

После Февральской революции Собственный Е.И.В. Конвой был переименован в Конвой Верховного главнокомандующего. В Царском Селе, где находилась Семья бывшего Императора Николая II, в эти дни восстали стрелки, общей численностью свыше 40000 человек. 28 февраля по тревоге в Александровский дворец были вызваны две сотни

бывшего конвоя под командой есаула принца Риза-Кули-Мирзы. Умелые действия и распорядительность принца Александра Риза-Кули-Мирзы во многом смогли предотвратить кровопролитие, которое могло возникнуть в Царском Селе между восставшими стрелками и отрядом, охранявшим Императорскую Семью в Александровском дворце.

В апреле 1917 г. последовало распоряжение об отправке казаков бывшего конвоя на Кавказ. Принц Александр Риза-Кули-Мирза, как не природный казак, с переименованием за выслугу лет в полковники (6 мая 1917 г.) поступил в резерв чинов штаба Петроградского военного округа. 25 мая 1917 г. он был командирован для несения службы в Георгиевский комитет, а уже летом 1918 г. оказался в Екатеринбурге.

По какой причине он отправился в Екатеринбург – в настоящее время остается загадкой. Можно предположить, что принц Александр Риза-Кули-Мирза пробрался в Екатеринбург в связи с тем, что в этом городе находилась в заключении царская семья и он вынашивал какие-то планы по ее освобождению. К принцу тайно приходил знавший его лично камердинер Императора Т.И. Чемадунов и доносил ему об обстановке в доме инженера Ипатьева. Об этом Александр Петрович позже расскажет в своих воспоминаниях, опубликованных в газете «Новое русское слово».

С занятием города Екатеринбурга Белой армией полковник принц Александр Риза-Кули-Мирза в августе 1918 г. был назначен комендантом города, а в сентябре – помощником начальника гарнизона по военной части. В январе 1919 г. он был назначен начальником гарнизона города Екатеринбурга и занимал эту должность до марта 1919 г., когда был зачислен в резерв чинов при штабе Сибирской армии.

После занятия Екатеринбурга Красной армией принц Александр Риза-Кули-Мирза перебрался в Омск, затем в Читу, а в дальнейшем вместе с другими участниками Белого движения бежал из России в Харбин, откуда эмигрировал в США, где жил в городе Сиэтле. Вплоть до 1941 г. принц Александр Риза-Кули-Мирза публиковал свои воспоминания в газете «Новое русское слово» в Нью-Йорке. В них принц рассказывал обо всём самом интересном, что произошло за 15 лет его службы в Собственном Е.И.В. Конвое. Его воспоминания, которые удалось обнаружить в трех выпусках газеты «Новое русское слово» и представляющие определенный интерес, были помещены в приложении к книге «Персидские принцы из дома Каджаров в Российской Империи» [20].

Примечания

1. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой: Исторический очерк. СПб., 1899. С. 241–242.

2. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 18.

3. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 18.

4. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1894. Кн. 3. Москва, 1894. С. 378–416 (с. 379).

5. Цит. по: *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. Москва, 1969. С. 245.

6. Цит. по: *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. Москва, 1969. С. 251.

7. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 18–22.

8. Генерал-лейтенант князь Давид Осипович Бебутов. (Окончание) // Военный сборник. Год десятый. Т. LVI. № 7. Июль 1867 г. СПб., 1867. С. 109–140.

9. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 21.

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. X. Отделение 1. 1835. СПб., 1836. С. 695–698. № 8211.

11. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Отделение 1. 1839. СПб., 1840. С. 202–203. № 12098.

12. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XV. Отделение 1. 1840. СПб., 1841. С. 59. № 13155.

13. *Нагдалиев Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. Москва, 2006. С. 87–89.

14. Взгляд на Армянскую область. Из путевых записок Н. Нефедьева. СПб., 1839. С. 45.

15. Русский инвалид. 12 апреля 1834 г. № 92.

16. Гг. офицеры Собственного Его Императорского Величества Конвоя / *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества конвой. 1811–1911. Исторический очерк. СПб., 1911. С. 137–168 (приложение № XX).

17. *Исмаилов Э.Э.* Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи. М., 2009. С. 135–145, 262–263.

18. *Степанов В.С., Григорович Н.И.* В память столетнего юбилея Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1769–1869). СПб., 1869. С. 221.

19. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп 12. Д. 70726. Л. 94–107об.

20. *Исмаилов Э.Э.* Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи. М., 2009. С. 99–104, 275–282, 491–500.

И.Т. Марзоев (г. Владикавказ)

Тагаурские алдары в Собственном Его Императорского Величества Конвое

Императорский Конвой являлся элитной войсковой частью России. В 1828 г. был образован Кавказско-горский полуэскадрон, в котором проходили службу представители самых знатных кавказских родов. Число служащих в Конвое из горцев Кавказа доходило до 50 человек. Через каждые два года половина полуэскадрона заменялась новыми людьми. Делалось это с целью подготовки кадров для различных административных учреждений на местах [1]. Всего за 54 года существования Императорского Конвоя службу в нем прошли 754 человека [2]. Из них 18 представителей привилегированного сословия Тагаурского общества Северной Осетии.

Первым из тагаурских алдар в Конвой поступил **Кудаберд Джанхотович Дударов**, 1819 г. р. Корнет [3]. Зачислен в Лейб-гвардию Кавказско-горского полуэскадрона оруженосцем 3 января 1839 г., звание юнкера получил 30 июля 1839 г., в корнеты произведен 4 сентября 1842 г. с состоянием при Отдельном Кавказском корпусе [4]. В первом браке состоял с дочерью тагаурского алдара Залихан Кундуховой, во втором – с дочерью балкарского таубия Гульмехан Камболатовны Темиркановой.

Касполат Габисович Есенов (1819-1867), гвардии полковник. Начал службу 10 сентября 1839 г. оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона [5]. Заведовал конюшенной частью Царского двора. Сохранилась одна из его характеристик: «офицер весьма усердный и преданный, всегда отличающийся храбростью и неустрашимостью» [6]. Женат был на дочери грузинского дворянина Нине (Зали) Габриэловне Казбек-Моурави, правителя Дарьяльского и Гудамакарского ущелий при последних царях Грузии Ираклии II и Георгии XII [7].

Индрис Алхастович Кундухов, 1823 г. р., майор [8]. Службу начал оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона 24 ноября 1840 г. Приказом № 728 от 24 сентября 1842 г. произведен в юнкера. Выбыл из полуэскадрона корнетом 8 октября 1844 г. [9]. В чине капитана состоял на службе во Владикавказском линейном казачьем полку, находящемся в распоряжении начальника Владикавказского военного округа [10]. Женат был на дочери тагаурского алдара Елизавете Кучуковне Дударовой.

Касполат Дзамболатович Кануков, 1819 г.р., подпоручик [11]. Службу начал 1 сентября 1841 г. в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, в юнкера произведен приказом № 728 от 24 сентября 1842 г., в корнеты произведен в сентябре 1845 г. [12]. Женат был на дочери тагаурского алдара Зараде Беслановне Тулатовой.

Караше Шаулохович Шанаев, 1819 г. р., поручик [13]. Военную службу начал 9 июля 1842 г. оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона, произведен в юнкера приказами № 927 и № 994 от 29 октября 1844 г. [14]. Женат был на дочери тагаурского алдара Кыз Мамсуровой.

Касполат Джанхотович Дударов, 1816 г.р., подпоручик [15]. Начал службу в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона 9 июля 1842 г. оруженосцем [16]. Приказом от 24 сентября 1840 г. произведен в корнеты, приказом № 918 от 18 сентября 1845 г. произведен в юнкера. Был женат на дочери тагаурского алдара Жантиева.

Магомет Тау-Султанович Дударов, 1816 г.р., подпоручик [17]. Службу начал оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона 9 июля 1842 г., произведен в юнкера приказом № 918 от 18 сентября 1845 г. [18]. Женат был на дочери кабардинского 1-й ст. узденя Маржанкыз Бештоковой.

Кази-Магомет Джанхотович Дударов, штабс-ротмистр, помощник пристава Алагирских и Куртатинских народов. Службу в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона начал 10 сентября 1846 г. Переведен в полуэскадрон из штата капитанов милиции. В июле 1846 г. награжден орденом Св. Анны с бантом. Будучи штабс-ротмистром 5 апреля 1849 г. исключен умершим [19].

Магомет Иналович Дударов (1823–1893), генерал-майор. Образование получил в Константиновском военном училище. В службу вступил 12 декабря 1838 г. воспитанником в Дворянский полк (Константиновское военное училище). За отличие по службе 24 ноября 1841 г. был произведен в корнеты. По распоряжению начальства 31 декабря 1841 г. прикомандирован к Горскому казачьему полку. За отличие, оказанное в делах против горцев 4 мая 1844 г. произведен в поручи-

ки. Со старшинством – 30 сентября 1843 г. За таковое же отличие, оказанное в делах против горцев в 1843 г., 4 октября 1844 г. произведен в штабс-ротмистры. 16 августа 1845 г. за отличие, оказанное в делах против горцев в 1844 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 3 ст. с бантом. 5 декабря 1846 г. переведен в Лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк поручиком с оставлением при Отдельном Кавказском Корпусе. За отлично-усердную службу и раны, полученные в делах с неприятелем, 24 декабря 1847 г. Всемилостивейше разрешено носить голубой мундир азиатского покроя. 10 июля 1850 г. переведен в Кавказско-горский полуротмистры с прикомандированием к штабу Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Главного Начальника Военно-учебных заведений. 11 декабря 1850 г. произведен в штабс-ротмистры с оставлением при штабе Его Императорского Высочества Главного Начальника Военно-учебных заведений. На вакансию произведен в ротмистры 30 марта 1852 г. За отличный порядок при вступлении отряда Военно-учебных заведений в лагерь, за линейное учение и тревогу ему было объявлено именное Монаршее благоволение в Высочайшем приказе от 21 июня 1855 г.

Произведен в полковники 15 апреля 1856 г., со старшинством – с 22 апреля 1856 г. Всемилостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы «За 15 лет 22 августа 1859 г.», «За отлично-усердную и ревностную службу 23 августа 1861 г.». Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. Высочайшим приказом от 25.06.1861 г. назначен командиром Терского конно-иррегулярного полка с зачислением в армейскую кавалерию. За отличие, оказанное в делах с горцами во время зимней экспедиции в Аргунском округе в 1861 году, 23 мая 1863 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами. За безупречную службу в офицерских чинах 25 лет 22 сентября 1869 г. Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом 22 сентября 1869 г. За отлично-усердную и ревностную службу 18 сентября 1871 г. произведен в генерал-майоры с оставлением по Армейской кавалерии и в распоряжении начальника Терской области. Назначен Почетным Мировым Судьей Владикавказского Мирового округа 3 июля 1875 г. За отличие по службе награжден орденом Св. Владимира 3 ст., для мусульман установленный 30 августа 1881 г. Высочайшим приказом по военному ведомству зачислен в запас Армейской Кавалерии с оставлением в распоряжении Начальника Терской области в мае 1888 г. За отлично-усердную службу в октябре 1888 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Станисла-

ва 1-й ст. Был награжден также бронзовой медалью в память войны 1853-1856 гг. на Андреевской ленте, крестом с надписью «За службу на Кавказе» и бронзовой медалью в память Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. [20]. Женат был на дочери тагаурского алдара генерал-лейтенанта Шахар-Муссаевне Кундуховой.

Эльбуздуко Индрисович Дударов, 1819 г. р., подпоручик. Службу начал в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуротмистры оруженосцем 18 сентября 1846 г. [21]. Звание подпоручика получил 5 мая 1851 г. Эмигрировал в Турцию.

Пшимахо Тарашевич Туганов, 1822 г. р., штабс-капитан. Службу начал оруженосцем в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуротмистры 18 сентября 1846 г. [22]. В юнкера произведен 31 августа 1847 г. За выслугу лет 6 октября 1854 г. произведен в корнеты с состоянием по кавалерии. За отличие в делах против горцев 2 мая 1854 г. произведен в подпоручики. За отличие против турок 27 сентября 1855 г. произведен в поручики. Награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». В штабс-ротмистры произведен 14 октября 1860 г. По распоряжению начальства 1 мая 1861 г. прикомандирован к Терскому конно-иррегулярному полку. За отличие в делах против горцев 31 декабря 1862 г. произведен в ротмистры. Имел бронзовую медаль в память войны 1853-1856 гг. и серебряную медаль «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 годах.»

За отличное мужество и храбрость, оказанные им в делах с горцами в Чечне и Дагестане в продолжение летней экспедиции 1859 г. и постоянную преданность русскому правительству был представлен к чину штабс-капитана [23]. Женат был на дочери тагаурского алдара Инуса Дударова – Хуре, детей не имел [24].

Иналди Дударович Дударов, 1834 г. р., ротмистр [25]. В службу вступил кадетом в Павловский кадетский корпус. Унтер-офицер с 29 мая 1853 г. Произведен в корнеты 13 августа 1853 г. с определением в Лейб-гвардию Кавказско-горского полуротмистры. Зачислен по кавалерии поручиком 11 ноября 1853 г. По распоряжению начальства 2 марта 1854 г. прикомандирован к Гусарскому генерал-лейтенанта Палена полку, затем, 22 марта того же года – к Гусарскому Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полку. По распоряжению начальства 20 апреля 1854 г. отчислен в резервный дивизион того же полка, вошедший в состав резервной бригады 1-й легкой Кавалерийской дивизии. Произведен в штабс-ротмистры 28 ноября 1856 г. После расформирования резервной бригады 7-й легкой кавалерийской дивизии, снова прикомандирован к дей-

ствующим дивизионам Нарвского Гусарского Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полка 16 декабря 1856 г. В чине ротмистра с 13 января 1860 г. Высочайшим приказом от 29 декабря 1861 г. переведен в Терский конно-иррегулярный полк. Утвержден в настоящей должности 28 февраля 1864 г. Награжден светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг. и орденом Св. Станислава 3-й степени 19 апреля 1865 г. [26].

Темир-Болат Батуевич Дударов, 1824 г.р., подполковник, службу начал в Лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона 17 апреля 1858 г. Переведен в полуэскадрон из ротмистров по кавалерии. Будучи Гвардии штабс-ротмистром, 1 мая 1862 г. переведен подполковником по армейской кавалерии. Эмигрировал в Турцию. Ротмистр [27].

Агубекир Тау-Султанович Дударов, 1825 г.р., корнет [28]. Служил в Кавказско-Горском полуэскадроне [29]. Сотенный командир Осетинского дивизиона. Георгиевский кавалер [30]. Эмигрировал вместе с семьей в Турцию.

Ибрагим Афакоевич Тулатов, 1854 г. р., прапорщик милиции [31].

1 августа 1877 г. зачислен во 2-й взвод Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона Собственного Его Величества конвоя оруженосцем. В юнкера произведен 15 января 1879 г. Награжден вензелевым изображением умершего императора Александра Николаевича 6 апреля 1881 г. Высочайшим приказом от 8 августа 1881 г. произведен из юнкеров в прапорщики милиции с награждением золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте с надписью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра Александровича» [32].

В первом браке состоял с дочерью дигорского баделята генерала Асланбека Туганова – Керти и имел от этого брака сына Камбия. Его вторая жена – дочь дигорского баделята Паца Хаджи-Муссаевна Кубатиева, третья – дочь дигорского баделята Гошенана Кубатиева, четвертая жена – номылус Сидо, от которой имел двух сыновей: Чермена и Баботи.

Иналдыко Кудабердович Дударов, род. 9.12.1852 г.р., войсковой старшина, командовал I-м Волжским полком. Образование получил при доме родителей. В службу вступил 1 августа 1877 г. во 2-й взвод Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона Собственного Его Величества оруженосцем. Произведен в юнкера 4 мая 1878 г. 1 августа 1879 г. награжден первым призом – золотыми часами с такою же цепочкой за стрельбу. 6 апреля 1881 г. награжден вензелевым изображением Александра Николаевича. По экзамену 1 октября 1881 г. произведен в подхорунжие. Высочайшим приказом от 9 декабря 1881 г.

произведен в хорунжие. 15 июня 1882 г. награжден серебряной медалью с надписью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра Николаевича» для ношения на Анненской ленте. Высочайшим приказом от 30 октября 1888 г. пожалован орденом Св. Станислава 3 ст. В 1886 г. состоял на службе в Горско-Моздокском казачьем полку. В первом браке состоял с дочерью тагаурского алдара Шанаева. После развода с ней сочетался браком со швейцарской подданной Елизой Гирь. Дети от первого брака: Элкан, Эльберд и Эдык [33]. От второго брака: сын Эскер. Сотник – с 31 декабря 1885 г., со старшинством – с 9 декабря 1885 г. Подъесаул с 28 октября 1892 г. Есаул с 1 июня 1901 г. Войсковой старшина с 25 января 1905 г. В 1906 г. награжден орденом Бухарской Золотой Звезды 3-й ст. [34].

Дзамболат Дзагулович Алдатов, 1850 г.р., подпоручик, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 31 августа 1877 г. награжден знаком отличия военного ордена 4-й степени под № 1923. 12 мая 1880 г. зачислен во 2-й взвод горцев Лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его Величества Конвоя оруженосцем. 6 апреля 1881 г. награжден вензелевым изображением имени умершего Императора Александра Николаевича. 4 сентября 1881 г. произведен в юнкера. Высочайшим приказом произведен в прапорщики милиции, с награждением серебряной медалью для ношения на шее на Анненской ленте с надписью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра» [35].

Гласному общему собранию Тифлисского Городского Общественного Управления не служащему прапорщику милиции Алдатову вручили орден Св. Станислава 3-й ст. за отличную усердную службу [36]. Значился всадником в Списке чинам 1-й сотни Терско-горского Конно-иррегулярного полка от 23 января 1877 г. [37]. Женат был на дочери кабардинского 1-й ст. узденя Гуашанана Коголкиной.

Прослуживший в Конвое начался в гражданский и военный аппарат управления. По желанию он мог быть зачисленным на службу в Российскую регулярную армию, казачьи войска или в милицию. Бывали и случаи исключения из Конвоя. Так, в де-

кабре 1862 г. «за строптивый характер» был уволен из конвоя тагаурский алдар **Бимбулат Знаурович Тулатов** [38], 1836 г. р., находился в аманатах в Санкт-Петербурге. Службу начал 1.07.1861 г. в Лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона [39]. Женат был на дочери тагаурского алдара Гошахан Дженаевне Дударовой. Значился медиатором в 1878 г. [40].

В 1917 г. Конвой был разделен на Терский и Кубанские гвардейские казачьи дивизионы, которые в эмиграции вновь объединились в Собственный Его Императорского Величества Конвой.

Примечания

1. *Акиев Х.А.* Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории классобразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С.89.
2. *Там же.* С.90
3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 291. Оп.1. Д.4. Л. 38 об.
4. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002. С. 8, 16.
5. *Там же.* С.11.
6. *Кусов Г.И.* Вокруг Коста. Орджоникидзе, 1979. С. 44.
7. *Там же.* С.44.
8. ЦГА РСО. Ф. 291. Оп.1. Д.4. Л.6./
9. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.50.
10. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д. 278. Тетр. 23 «а». Л. 47 об.
11. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.17, 27.
12. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.4. Л. 12.
13. ЦГА РСО. Ф.291. Оп.1. Д.4. Л.13 об.
14. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002. С.15, 24.
15. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.4. Л.38 об.
16. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.23.
17. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.9. Л.311.
18. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.14, 27.
19. *Там же.* С.65.
20. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.285. Л.21-25.

21. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.31.
22. *Там же.* С.31.
23. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д.276. Тетр.10. Л.64.
24. *Там же.* Тетр.9. Л.6-7.
25. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.195. Л.44.
26. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр. 9. Л.39-40.
27. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д. 195. Л.45.
28. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д. 9. Л. 308.
29. ЦГА РСО-А. Ф.233. Оп.1. Д. 7. Л. 17.
30. ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп.1. Д. 168.
31. ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп.1. Д. 74. Тетр.4. Л.11.
32. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 275. Л.88.
33. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 275. Тетр. 3. Л.24-25.
34. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д. 277. Тетр.19. Л.11-11 об.
35. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д.275. Тетр. 4. Л.94.
36. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д.278. Тетр. 23 «а». Л.4.
37. НА СОИГСИ. Ф. 1. Оп.1. Д.195. Л.84.
38. *Акиев Х.А.* Указ. соч. С.91.
39. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С.59.
40. *Джанаев А.К.* Феодальное землепользование в Стыр-Дигории // Известия Северо-Осетинского Научно-исследовательского института. Т. 15. Вып. 3. Дзауджикау, 1948. С. 78.

Ю.Н. Свидин (г. Краснодар)

Кубанские казаки Свидины на службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое

На протяжении двух столетий представители кубанского казачьего рода Свидины служили в Собственном Его Императорского Величества Конвое, как рядовыми, так и офицерами.

В разные годы в Императорский Конвой были зачислены: Мартин Ефремович, Егор Гаврилович, Степан Васильевич, Алексей Васильевич, Борис Гаврилович, Семен Гаврилович, Иван Гаврилович, Мойсей Борисович, Лаврентий Егорович, Михаил Иванович Свидины.

Мартин Ефремович Свидин, казак станицы Шкуринской Черноморского казачьего войска, служил в 1830 – 1840 годах во втором эскадроне Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона. На то время дивизион, с которого начинался Императорский Конвой, в состав его не входил. «Не умеющей грамоте» (по формулярному списку), Мартин состоял рядовым в отряде, действующем за Кубанью против горцев, в

«подкреплении границы» на кордонах. В феврале 1838 года лично взял двух «хищников» в плен, затем в походе через «Бугазское гирло» до конца мая находился в крепости Анапа. Был в «сильных» с горцами перестрелках, во время нападения их на отряды, вышедшие из крепости. За отличия в 1839 году Мартин Свидин награжден знаком отличия Военного Ордена Святого Георгия 4-й степени [1].

Казак станицы Суворовской Кубанского казачьего войска Егор Гаврилович и Степан Васильевич Свидины, зачисленные в 1880 году рядовыми в 1-й Кубанский эскадрон, участвовали с Императорским Конвоем в церемонии коронавания Их Императорских Величеств, а по прошествии четырех лет службы уволились на льготу [2]. Егор Свидин (мой прадед), переведенный в строевой состав войска, в 1886 году опять вернулся в Конвой – унтер-офицером. В 1920 году он был зарублен чекистами в тюрьме «Машук» под г. Пятигорском.

О Моисее Борисовиче сохранилось следующее свидетельство. 30 марта 1895 года командир полка, расположенного в г. Кутаиси, полковник Шведов писал: «Сообщаю войсковому штабу, что старший урядник вверенного мне полка Моисей Свидин росту 2 аршина 9 вершков, физически здоров и по нравственным качествам соответствует назначению в Конвой, но не имеет хорошей строевой лошади, такую он обязывается приобрести по случаю назначения» [3].

О Лаврентии Егоровиче Свидине командир Конвоя полковник барон Унгерн-Штенберг в марте 1897 года писал в войсковой штаб: «Командующий Императорскою главною квартирою разрешил зачислить во вверенный мне Конвой на имеющуюся вакансию казака ст. Суворовской – Лаврентия Егоровича Свидина. О чем сообщая войсковому штабу, прошу распоряжения о командировании в Конвой казака Свидина и высылке на названного казака послужного списка. Начальник канцелярии Императорской Главной квартиры уведомляет атамана Кубанского казачьего войска, что вследствие представления командира Собственного Его Величества Конвоя, Командующий Императорской Главной Квартирой разрешил: казака Кубанского казачьего войска ст. Суворовской Лаврентия Свидина зачислить в Л. ГВ. 1-ю Кубанскую казачью сотню Конвоя, на имеющуюся вакансию. О чем канцелярия имеет честь уведомить Ваше Превосходительство для сведения» [4].

Службу в Конвое Лаврентий Свидин нес исправно. Он дежурил у спальни Государя Николая II в Зимнем дворце. В роду Свидиных часто пересказывали историю, произошедшую с ним. Однажды во время несения службы конвонец устал и заснул стоя. В этот момент мимо него проходил Государь. Утром Император спросил: «Что Вы делали

ночью»? – «Дежурил». – «А как же Вы меня не видели?» – «Простите, Ваше Величество, я заснул». «Ну что же, – сказал Царь, – «Плоть есть плоть». В станице Суворовской, сколько раз дед не рассказывал эту историю, больше всего удивлялись тому, что Государь никак не наказал конвойца, проявил великодушие.

Во время коронавания в Ливадии дед принимал участие в джигитовке. Его лошадь понеслась к обрыву у моря, он с трудом ее удержал, но не удержался в седле, упал, повредил почку и был списан на льготу. Вскоре его семья переехала из ст. Суворовской в ст. Ново-Суворовскую. Теперь она соединена со ст. Выселки. Его избрали казначеем при казачьем правлении. Когда станица переходила из рук в руки то к корниловцам, то к красным, дед погрузил несгораемый ящик на подводку и привез ее в ст. Пашковскую к своему другу по службе в Конвое. Когда красные взяли Екатеринодар, ящик Лаврентий Егорович забрал и отдал в Ревком, за что ему подарили волчий тулуп и корову. Однако, службу в Императорском Конвое ему не простили. Он вынужден был скрываться от советской власти, спасая свою жизнь и членов своей семьи. Семья переезжает в Казачий брод (рядом с с. Красная поляна – Сочи), но и там его достали, посадили в тюрьму в г. Новороссийске. Худого, болезненного из тюрьмы его вытащил сын, Николай Свидин. Вскоре они уехали в Азербайджан, там еще не было советской власти. И только в 1933 году переехали в Майкоп, где уже жила семья его сына Николая Лаврентьевича (моего отца). Умер Лаврентий Егорович в 1941 году в г. Майкопе. Его сын Иван, 1900 года рождения, в 17 лет участник Русско-турецкой войны, Георгиевский кавалер, в 18 лет зарублен в поселке Энем 30 марта 1918 года. Погребен в ст. Ново-Суворовской. Об этом говорит приказ атамана отдела полковника Косинова и утвержденный именной список офицерам и казакам ст. Ново-Суворовской, убитым большевиками за время с 29 января по 18 августа 1918 года. Сын Моисей погиб в 1941 году под Киевом. Сын Николай в марте 1945 года был тяжело ранен, потерял ногу и получил множество ранений. Умер в 1980 году, похоронен в г. Краснодаре. Сын Алексей получил множество ранений, умер в г. Апшеронске. Это были настоящие сыновья своей Родины.

Иван Гаврилович Свидин поступил в Конвой еще в 1878 году при Императоре Александре III. Его грудь, была покрыта орденами, медалями и знаками. Родился он 27 марта 1843 года в ст. Суворовской Хоперского полкового округа войска Кубанского. На службу вступил рядовым в 14-ю конно-артиллерийскую батарею с 1 января 1861 года и сразу попал в боевую обстановку при покорении Западного Кавказа. За

высказанную в делах против горцев в эту войну отличную храбрость он был произведен в урядники и награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени, а затем, по окончании Ставропольского юнкерского училища по первому разряду, был зачислен 17 июня 1873 года в Хоперский конный полк и 2 декабря того же года, был произведен в хорунжие. Сами за себя говорят награды, которые он получил в Русско-турецкую войну 1877 – 1878 г.г. в Европейской Турции, а именно: Св. Владимира 4-й степени, Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, с мечами и бантами и чин сотника – все это исключительно за боевые отличия, причем все ордена, начиная с Владимира, были получены в чине хорунжего. За эти боевые подвиги и выдающуюся боевую способность, обратившую на себя внимание высшего военного начальства – от генерала Скобелева до Государя, – Иван Гаврилович Свидин Высочайшим приказом 19 мая 1878 года был зачислен в Собственный Его Величества Конвой. Здесь он прослужил более 20 лет, после чего был произведен в полковники и уволен в отставку с мундиром и пенсией. Среди знаков прикрепленных ниже колодки – вензель Императора Александра II, Императора Александра III и Николая II (выдавался при выходе в отставку беспорочно служивших в Конвое при обоих Императорах).

Опубликованы воспоминания И.Г. Свидина о последней Русско-турецкой компании, полной трагических событий, а так же из жизни Кавказской войны, где ему пришлось впервые принять огненное крещение на восемнадцатом году жизни. Когда он был в малом чине – корнетом, то был утверждён в правах потомственного дворянина указом Правительствующего сената. Был женат на дочери казака Ксении Харитоновны Тароловой. Имел сыновей: Владимира 1870, года рождения, Михаила, 1876 г. р. и дочерей – Прасковью, 1871 г. р., и Анну 1881 г. р. Умер Иван Гаврилович Свидин в 1928 году. Похоронен в ст. Баталпашинской, теперь, г. Черкесск.

Заслуживает внимание речь, произнесённая принимавшим парад полковником Свидиным перед Георгиевскими кавалерами 26 ноября 1910 года:

«– Г.г.! Никакой самой долгой, верной и преданной службой, никакими заслугами перед Царем и Родиной на гражданской службе нельзя получить этого белого креста, что украшает вашу грудь. Его дают только тем, кто боролся с врагом и в глаза заглядывал смерти. Всякий из вас, прежде чем получить белый крест, ждал себе другого креста – того, что венчает могильный холм, и не на родной стороне, а на далекой чужбине. Всякий из вас, вырывая свой крест из костлявой

руки смерти, защищал не собственную семью и не собственное достоинство, а общую нашу семью и дом – честь Царя.

Вот почему при виде креста вашего, бьется сильно сердце, подымается рука ломать шапку, чтобы поклониться подвигу вашему. Вот почему первое всего надлежит нам вспомнить тех многих товарищей ваших, что сложили свои русские кости на далекой чужой стороне, под единым и то ненадолго доставшимся им надмогильным крестом. Вспомним молитвенно и осеним себя крестным знаменем, поминая всех тех забытых чудо-богатырей русской земли, что сложили свои головы в ратном бою – от высоких и угрюмых гор Швейцарии и Балкан до зеленых сопот Манчжурии, – имена Ты, Господи, еси...

Помянем теперь наших старших братьев по кресту славного века Матери Отечества, великой Государыни Екатерины II, а первое всех Светлейшего князя Итальянского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, графа Петра Румянцева, Светлейшего князя Потемкина. Помянем Орлов царствования Александра I и прежде всех Его Самого Благословленного. Он не носил креста, но несколько раз заслужил его, защищая родную землю и славу России; светлейшего князя Кутузова-Смоленского, князя Багратиона, Милорадовича, Баркляя де Толли, Коновницына, Кавказского льва – князя Цицианова. Помянем славных героев царствования Государя Николая Павловича: Дибича-Забалканского, Паскевича-Эриванского, кавказца Котляревского, приснопамятных севастопольцев: Нахимова, Корнилова, Истомина. Помянем славные имена героев царствования Александра II-Освободителя, покорителей Кавказа: Барятинского, Евдокимова, покорителя Хивы – Кауфмана, Черняева, взявшего Ташкент. Помянем героев последней турецкой войны: того, кто вел Русские войска к победам, кто так любил и знал русского солдата – Великого князя Главнокомандующего Николая Николаевича, Великого князя Михаила Николаевича, Гурко, Радецкого, Столетова, Драгомирова, Тотлебена и незабвенного нашего «белого генерала» – Михаила Дмитриевича Скобелева.

Слава, честь именам их, вечная память, а душам их, столь любившим Россию, – безмятежный покой.

Теперь же подыдем чару нашу за здравие и благоденствие живых памятников нашей боевой Севастопольской и Кавказской славы: Нашего единственного фельдмаршала – графа Дмитрия Алексеевича Милютин и других, да живут они многие, многие годы! Ура!

А теперь и к вам, г.г. кавалеры, обращаю я свое, идущее от сердца слово. За вами я вижу многих ваших славных товарищей, что рассе-

яны по лицу земли родной, и к вам и к нам – героям Тюрнечена, Порт-Артура, Кинчжоу, Вафангоу, Дашичао, Ляояна, Шахе, Сандена и Мукдена слово мое:

Не было побед в эту тяжелую минувшую Маньчжурскую войну. На то была воля Божия. Но и не было войн тяжелее минувшей. За 10000 верст от родной земли вы жили в чужой неприветливой стороне, среди непролазной грязи или в вихрях пыли двадцатиградусного бесснежного мороза; жили в землянках или под открытым небом и сразу вставали на бой с врагом – и каким! Ведь те, что сражались с вами, все себя обрекли на смерть; над каждым из японских воинов был на родине совершен уже погребальный обряд. Такого врага не знал никто из величайших полководцев мира, от Александра Македонского до нашего Суворова. Самые величайшие битвы, которые знает история – при Каннах, Касалаунская, Лейпцигская и Бородинская, не считывали и 500000 сражавшихся, а под Мукденом вас и японцев было свыше миллиона. Самая долгая битва, так называемая “битва народов” Лейпцигская, шла три дня, а под Мукденом вы бились две недели. Потому, когда вас спросят: «Одержали ли вы победу?», скажите: «Господу неужгодно было ее нам даровать» – и покорно склоните голову вашу перед Промыслом Божиим. Но когда вас спросят: «Защищали ли вы честь России?», – поднимите горделиво головы и скажите: «Да, мы ее защищали, не жалея себя; мы ее защищали тремястами тысяч поверженного врага, мы ее заслонили там, в далекой Манчжурии, таким толстым покровом нашей крови, что уже никто к ней прикоснуться не смеет...»

Пройдут года, развернутся страницы истории и испишутся на них подвиги ваши, и спасибо вам скажет русский народ.

Выше головы, кавалеры! И смотрите, как моя – перед вами, хоперцы, склоняется в низком поклоне голова, – со словами самой теплой, сердечной благодарности за вашу службу Родине и Царю-Батюшке.

Героям, георгиевским кавалерам ура! И.Г. Свидин».

Михаил Иванович Свидин – последний представитель фамилии в Императорском Конвое. Он был сыном Ивана Гавриловича Свидина. О нем достаточно полно написано в книге П.Н. Стрелянова (Калабухов) «Собственный Е.И.В. Конвой. Гвардейский дивизион после 1917 года» [6], которым одно время командовал М.И. Свидин. В Гражданскую войну Дивизион сражался на стороне Белых. После эвакуации Белых из Крыма военные структуры Русской Армии не были распущены. То, что осталось от Армии, сохранилось в виде рассеянных по разным странам военизированных формирований, составляющих

Русский Общевоинский Союз (РОВС). В виде воинского формирования Дивизион формально просуществовал вплоть до 1941 года. В 1916 году Михаил Иванович – командир Лейб-Гвардии 2-й Кубанской сотни. Он родился в 1876 году. 20 лет провёл в эмиграции, жил очень скромно в Югославии, во Второй Мировой войне участия не принимал. Однако, его, почти 70-летнего старика, англичане выдали в Лиенце особистам Красной Армии.

Такова история рода Свидиных в контексте истории Императорского Конвоя. Как видим, все они были достойными воинами, служившими Царю и Отечеству.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 332. Оп.1. Д. 1017. Л. 181.
2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5606. Л. 42; Ф. 396. Оп. 1. Д. 4863. Л. 34-36.
3. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6443. Л. 321.
4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7090. Л. 23.
5. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 508. Л. 25; Ф. 332. Оп.1. Д. 345. Л. 4.
6. Цит. по: *Галушкин Н.В.* Собственный Е.И.В. Конвой. *П.Н. Стрелянов* (Калабухов). Гвардейский Дивизион / Научная редакция, предисловие, приложения и комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова). М., 2008. С. 442.

М.И. Барзбиев (г. Нальчик)

Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя

К моменту официального вхождения Балкарии (1827 г.) и Карачая (1828 г.) в состав Российского государства общественный строй карачаево-балкарцев характеризуется как феодальный. Высшим сословием балкарцев и карачаевцев являлись князья (бии, таубии) [1]. Одной из важнейших обязанностей представителей высшего сословия являлась охрана территории страны от посягательств извне. Каждый мужчина из княжеского сословия должен был иметь оружие и коня и в военное время по первому призыву старшего князя (олий) явиться под его команду готовым к походу [2].

В 1828 г. для большего вовлечения в военно-политические структуры Российской Империи представителей кавказских этносов и усиления влияния на присоединенные кавказские территории Царские власти сформировали Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полускадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Конвой

нёс службу в Санкт-Петербурге. В него принимались исключительно представители знатнейших фамилий народов Кавказа [3].

Цель настоящего исследования состоит в определении общего количества представителей карачаево-балкарской аристократии, служивших в Императорском Конвое и ознакомлении с их краткими биографическими данными.

Абаев Асланбек Канукович (1816 – 1868 г.), корнет, из таубиев Малкарского общества Балкарии. В 1823 г. был аманатом в Георгиевской крепости, после чего направлен на учебу в Георгиевское приходское училище [4]. 24 декабря 1834 г. поступил оруженосцем в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон. 28 сентября 1838 г. произведен в корнеты с состоянием по армейской кавалерии. После службы в Кавказско-Горском полуэскадроне был прикомандирован к Моздокскому линейному казачьему полку [5]. В составе этого полка принимал участие в военных действиях на Северном Кавказе.

Награды: орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» за отличие при штурме Аргуани в 1839 г. и серебряная медаль за взятие штурмом Ахульго в 1840 г. В 1847 г. за отличное усердие и преданность Российскому правительству Асланбек Абаев был награжден 215 руб. серебром [6].

Асланбек Абаев скончался 22 октября 1868 г. [7]. Был дважды женат (1 супруга – балкарская княжна Суюнчева Аминат Алановна; 2-я жена N). Сыновья – Султанбек (1845 – 21.01.1888; 1 ж. балкарская княжна Шакманова Бабуш Иссаевна; 2 ж. балкарская княжна Келеметова Суйдум Мембулатовна), Солтанбий (он же Ханбелек) (1854–1877), Кайтуко (1858-между 1886 и 1889 гг.), Магомет (он же Махай) (1861 – после 1893), Магомет-Мурза (он же Нану) (1862–?). Дочери – Пашахан (1853-?), Ханифа (1860-1929; м. азербайджанский дворянин Меликов Гасан-бек).

Абаев Батырбек Канукович (?–1863г.), корнет, из таубиев Малкарского общества Балкарии. Родной брат корнета Асланбека Абаева. Следует отметить, что в Лейб-Гвардии Кавказско-Горском полуэскадроне с 1842 по 1846 гг. служил однофамилец и тезка таубия Абаева кабардинский дворянин из Малой Кабарды, впоследствии подпоручик – Батырбек Абаев, с которым не следует путать таубия Батырбека Кануковича [8]. В 1853 г. корнет Абаев писал, что в 1852 г. вследствие несчастного случая потерял левую руку по локоть [9]. Это увечье явилось препятствием для дальнейшей службы Батырбека Абаева в полуэскадроне.

18 мая 1893 г. начальник II участка Нальчикского округа сообщил в управление Нальчикского округа: «Корнет Батыр-Бек Абаев, житель Общества Балкарского, лет до 30 тому назад как умер» [10].

Женат Батырбек Абаев не был, и после смерти его имущество было разделено между его родными братьями Асланбеком и Мурзабеком [11].

Абаев Султанбек Асланбекович (1845–21.01.1888), прапорщик, музыкант-скрипач, первый учитель музыки из северокавказских горцев, происходил из таубиев Малкарского общества Балкарии. Сын корнета Асланбека Абаева.

В 1854г. был зачислен в Кабардинскую школу, располагавшуюся в Нальчике, по окончании которой как один из лучших учеников был направлен в мае 1858 г. для продолжения образования в Ставропольскую гимназию. Во время учебы в Нальчике Султанбек услышал игру на скрипке одного из офицеров, что произвело на него сильнейшее впечатление. Он самостоятельно смастерил поразивший его музыкальный инструмент, на котором играл до тех пор, пока отец не достал ему настоящей скрипки. На этой скрипке Султанбек самоучкой наигрывал слышанные им мелодии.

Увлечение игрой на скрипке молодого горца нашло поддержку у начальника Кабардинского округа князя В.В. Орбелиани, оказавшего помощь Султанбеку в оплате занятий музыкой у частного учителя в Ставрополе. Вместе с тем, в 1862 г., князь Орбелиани ходатайствовал от имени жителей Кабардинского округа о зачислении Султанбека в только что открытую в Санкт-Петербурге консерваторию.

Прибыв в Санкт-Петербург Абаев, успешно сдал вступительные экзамены, поразив экзаменаторов, в числе которых был всемирно известный скрипач Генрик Венявский, своим безупречным музыкальным слухом. После успешно выдержанного экзамена Султанбек Абаев был принят в группу скрипачей, с которыми непосредственно занимался Венявский. Так как обучение в консерватории было платным, Султанбек вынужден был в марте 1863 г. поступить на службу оруженосцем в лейб-гвардии Кавказско-Горский эскадрон. Однако даже после этого Абаев не избежал материальных трудностей, в связи с чем так и не смог завершить обучение в консерватории.

В 1869 г. Султанбек Абаев был произведен в прапорщики и направлен для продолжения военной службы на Кавказ с прикомандированием к Сунженскому полку Терского казачьего войска. На родине Султанбек совмещал военную службу с концертной деятельностью. Его выступления перед публикой Нальчика и Владикавказа неизменно пользовались большим успехом, что видно из большого количества восторженных отзывов, печатавшихся на страницах местных периодических изданий. Среди исполнявшихся Абаевым музыкальных произведений можно назвать «Венецианский карнавал», «Эле-

гия» и «Большая фантазия» на темы из оперы Г. Эрнста «Отелло», «Вальс меланхолик», «Камаринская» М.Глинки, «Романс» Б. Ромберта, «Большая фантазия для скрипки из Ламбарди» и др.

Вместе с тем, в 1870 г. Султанбек Абаев стал заниматься и музыкально-преподавательской деятельностью, поскольку ему предложили стать учителем музыки Владикавказского реального училища. Уже через полгода занятий оркестр, сформированный Абаевым из воспитанников реального училища успешно выступил перед Наместником Кавказа командующим Кавказской армией Великим князем Михаилом Николаевичем.

Успехи в музыкальном образовании учащихся реального училища привели к тому, что в 1882 г. Султанбек Абаев был приглашен учителем музыки и в незадолго до этого открывшуюся Владикавказскую классическую прогимназию. В прогимназии Абаев также в скором времени из учащихся организовал оркестр, с которым, несмотря на свое тяжелое материальное состояние, занимался бесплатно.

В последние годы жизни Султанбек Абаев занимался композицией и аранжировкой национальных мелодий. В числе произведений Абаева можно назвать: «Русские мотивы», «Мотивы горцев Терской области», «Утро в горах», «Обедня» и «Горный марш», не дошедшие, к сожалению, до нашего времени [12].

Награды: орден Св. Станислава 3-й ст. – 1880 г., серебряная медаль для ношения на шее с надписью «За службу в Конвое Государя Императора Александра Николаевича», бронзовая медаль в память турецкой войны 1877-1878 гг. [13]. Был дважды женат (1ж. балкарская княжна Шакманова Бабуш Иссаевна; 2ж. балкарская княжна Келеметова Суйдум Мембулатовна). Детей не имел.

Айдаболов Мембулат N (1821–1865), корнет, из таубиев Малкарского общества Балкарии. 9 июня 1842 г. поступил оруженосцем в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон [14]. 18 сентября 1845 г. произведен в юнкера приказом № 918 [15]. 7 ноября 1846 г. в чине корнета завершил службу в полуэскадроне и отправился на родину [16]. На этом военная служба Мембулата Айдаболова была завершена.

В архивном документе отмечено, что в 1856 г. корнет Айдаболов являлся помощником пристава балкарского народа [17]. Во время подготовки к отмене крепостного права на Северном Кавказе был избран депутатом от Балкарского общества для нахождения при «Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области» [18].

Умер в 1865 году [19]. Был женат на балкарской княжне Джанхотовой Джаннетхан Аслановне. Сыновья: Анзор (1846–09.05.1915г.;

ж. балкарская княжна Амирханова Шеша Чепелеовна), Заурбек Мембулатович (1850–после 1889 г.). Дочь: Джулдуджан (1854–1922; муж – карачаевский князь Крым-Шамхалов Биаслан Мурзабекович).

Казбеков Иналук Асланбекович (1831–19.04.1869), поручик, из таубиев Малкарского общества Балкарии. В «Краткой записке о службе состоящего по Армейской Кавалерии корнета Иналуко Казбекова» отмечается, что на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон он вступил оруженосцем 16 февраля 1854 года. 16 января 1857 г. Иналук Казбеков был произведен в юнкеры, а 25 марта 1858г. произведен в корнеты с состоянием по армейской кавалерии [20]. Там же указывалось, что Казбеков был в походе с 20 июля по 24 сентября 1856г. в составе отряда войск гвардейских и гренадерских корпусов, собранных в Москве «по случаю Священнейшаго коронавания Их Императорских Величеств» [21].

Следует отметить, что в записке Иналук Казбеков назван происходящим не из балкарских таубиев, а из осетинских (дигорских) феодалов – баделят. Ситуация с подобным наименованием этнического происхождения корнета Казбекова может быть прояснена из прошения, поданного начальнику Кабардинского округа в 1859 г. самим Казбековым и его родственником таубием Темиркановым. В этом прошении отмечено следующее: «...отцы наши с подвластными жили в Балкарии и в недавнее время по случаю происшедшей ссоры переселились с подвластными нам людьми в аул Кобанова, где, прожив несколько лет с разрешения Начальства переселились мы на собственную нашу землю под названием Хазников в ведении Вашего Сиятельства» [22]. Таким образом, видно, что на самом деле Иналук Казбеков являлся не осетином, а балкарцем, проживавшим какое-то время в Осетии.

В марте 1860 г. полковой командир Владикавказского казачьего полка сообщал помощнику начальника Кабардинского округа князю Баратову: «Состоящий по Армейской Кавалерии Корнет из Балкарцев Иналук Казбеков обратился ко мне с просьбою, о прикомандировании его на службу к вверенному мне полку» [23]. Однако в предписании начальника штаба войск Терской области указывалось, что эта просьба Иналука не могла быть удовлетворена по причине отсутствия во Владикавказском казачьем полку «для азиатских офицеров вакансии» [24].

Впоследствии таубий Казбеков был прикомандирован к Кубанскому казачьему дивизиону. Находясь на службе в этом дивизионе в чине поручика 19 апреля 1869 г. Иналук Казбеков скончался [25]. Женат поручик Казбеков не был и потомков не имел.

Келеметов Исхак Кучукович (1827–?), корнет, из таубиев Чегемского общества Балкарии. В 1847 г. в возрасте 20 лет был аманатом в

крепости Нальчик [26]. На службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон поступил оруженосцем 21 июля 1848 г. Полуэскадрон покинул в чине корнета 19 августа 1852 г. [27]. Можно отметить, что перед поступлением на военную службу у Исхака Келеметова было право выбора между Лейб-Гвардии Кавказско-Горским полуэскадром и Кавказско-конно-горским дивизионом, располагавшимся в Варшаве. По соображениям престижности службы в гвардии, в Санкт-Петербурге таубий Келеметов выбрал Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон [28].

В 1856 г. Исхак Келеметов состоял на службе во 2-м Волгском казачьем полку [29]. К сожалению, на данный момент сведениями о дальнейшей судьбе корнета Келеметова мы не располагаем.

Келеметов Хан-Гирей Джумаевич (1846 – после 1896 г.) прапорщик, из таубиев Чегемского общества Балкарии. Начальное образование Хан-Гирей Келеметов получил в Нальчикской горской школе [30]. Современный исследователь А. Коркмасов в статье «История наших поколений, или кавказские гвардейцы в свите Императора» приводит список кавказцев, служивших в Лейб-Гвардии Кавказском эскадроне с 1869 по 1873 гг. и произведенных в офицерские чины. В этом списке присутствует и юнкер Хан-Гирей Келеметов, служивший во втором взводе полуэскадрона [31]. В 1874 г. Хан-Гирей носил чин прапорщика и проживал у себя на родине в Чегемском ущелье Балкарии [32].

Прапорщик Келеметов принимал участие в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. в составе Кабардино-кумыкского конного полка. [33]. К сожалению, дату смерти Хан-Гирея Келеметова на данный момент нам выяснить не удалось. Известно, что к 1896 г. он потерял зрение, и его родственник А. А. Урусбиев ходатайствовал о предоставлении ему государственной пенсии [34]. Прапорщик Келеметов был женат на осетинской княжне Фердаус Каражаевой [35]. Сын – Исмаил (1886–2.07.1915). Дочь – Нагураш (1880–?).

Крым-Шамхалов Ислам Хасанович (Пашаевич) (31 марта 1864 г. – 1910г.), прапорщик, из карачаевских биев. Воспитывался в семье своего родного дяди известного общественно-политического деятеля Балкарии Исмаила Урусбиева [36].

В 1877 г. Ислам Пашаевич направляется на учебу в Ставропольскую гимназию, в которой он проучился два года. В 1880 г. Ислам шестнадцатилетним юношей поступает на службу в Конвой Его Императорского Величества и уезжает в Санкт-Петербург. Военная служба не прельщала Ислама, и после производства в офицеры он выходит в отставку и возвращается на родину в Карачай в возрасте двадцати лет.

В Карачае Ислам Пашаевич активно занимался общественной деятельностью, защищая интересы своего народа в самых различных общественных организациях и официальных структурах. Несколько лет он исполнял обязанности старшины своего родного аула Карт-Джурт, заведовал общественными лесами, был почетным попечителем Тебердинского училища, в 1892 г. переезжает в Теберду и основывает там оздоровительный поселок для лечения больных туберкулезом. Ислам возглавлял просветительское движение в Карачае, много внимания, сил и средств уделяя открытию начальных училищ и школ в горных аулах.

Ислам Крым-Шамхалов получил известность как талантливый живописец. По рекомендации Н. А. Ярошенко в 1905 г. он поступил в художественную школу в Москве, которую вынужден был покинуть по состоянию здоровья. Его работы использованы в качестве иллюстраций в книге И. Ф. Мушкетова «Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты» («Вершина Бели ала кая», «Вершина Доммай ёльген издали», «Ледник Аманауз», «Клухорское озеро» и др.). Из живописного наследия Ислама сохранились картины «Сосна», «Аманауз», «На опушке леса», «Шайтан кала», «Черное озеро» и др. Известны были также «Портрет молодой женщины», «Ярошенко на этюдах», «Мать и малыш», «Мальчик-карачаевец», «Старик-карачаевец». Персональная выставка картин Ислама Крым-Шамхалова впервые состоялась после его смерти в 1911 году.

В последние несколько лет жизни он трудился над составлением азбуки карачаево-балкарского языка на латинской графической основе, но завершить это начинание не успел. 3 декабря 1910 года, в возрасте 46 лет он скончался от туберкулеза в Ялте. Похоронен в Теберде [37].

Ислам Крым-Шамхалов был женат на карачаевской княжне Софиат Мырзакуловне Дудовой. Дочь Мариям умерла в детстве [38].

Кучуков Али Темирбулатович (1823–?), корнет, из таубиев Чегемского общества Балкарии. Таубий Кучуков поступил на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон оруженосцем 18 сентября 1846 г. 15 сентября 1848 г. был произведен в юнкеры, а 6 октября 1850 г. в корнеты с состоянием по армейской кавалерии [39]. В 1856 г. совместно с корнетом Мембулатом Айдаболовым и юнкером Шакмановым был помощником пристава балкарского народа [40]. В 1869 г. получил разрешение на выезд из Российской Империи вместе со своей семьей на один год для совершения паломничества в Мекку [41]. Из паломничества на родину корнет Кучуков не вернулся, обосновавшись на постоянное жительство в Османской империи.

Был женат на балкарской княжне Суюнчевой Хабле Казиевне. Сыновья: Хамзат (?-?), Ахлау (1857-?). Дочери: Хужай (1852-?; м. балкарский князь Келеметов Исхак Джумаевич), Мамук (1860-?).

Урусбиев Асланбек Мырзакулович (Александр Александрович) (1840 – после 1895 г.), полковник, из таубиев Урусбиевского общества Балкарии. Начальное образование Асланбек Урусбиев получил в Нальчикской горской школе [42]. 27 мая 1859 г. Асланбек Урусбиев и его родственник Таусултан Шакманов подали прошение начальнику Кабардинского округа князю Орбелиани: «Имея ревностное желание служить в собственном Его Императорского Величества конвое, почему осмеливаемся утруждать Особу Вашего Сиятельства покорнейшею просьбою принять на себя труд исходотайствовать о зачислении в конвой на действительную службу – на имеющиеся в оном вакансию» [43]. Однако из-за отсутствия вакансий им было отказано в зачислении в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский эскадрон. Этот отказ не отбил у молодого таубия желания служить в этом гвардейском подразделении и в 1865 г., когда представилась возможность, он начал службу оруженосцем во 2-м взводе горцев эскадрона [44]. Через два года, 10 октября 1867 г. Асланбеку Урусбиеву был присвоен первый офицерский чин – корнета [45]. Незадолго перед этим начальник Кавказской кавалерийской дивизии генерал-майор граф де Тулуз-Лотрок сообщил начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову, что готов определить в 15-й драгунский Тверский полк оруженосца Урусбиева после производства в первый офицерский чин. В связи с тем, что в это время существовало правило, по которому запрещено было направлять на службу в Терскую область офицеров из числа местных уроженцев, назначение Урусбиева в Кавказскую кавалерийскую дивизию не состоялось [46]. В результате, корнет Урусбиев оказался на службе в Лейб-Гвардии Атаманском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку, из которого 23 сентября 1870 г. вновь был переведен на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский эскадрон [47]. 8 октября 1881 г. был произведен в ротмистры с зачислением подполковником по армейской кавалерии [48].

После убийства Императора Александра II 1 марта 1881 г. подполковник Урусбиев принял участие от Балкарского народа в коронации нового императора Александра III, преподнеся Императору в дар «азиатское ружье» [49]. Во время посещения Северного Кавказа Александром III в 1888 г. подполковник Урусбиев был включен в список «Депутатам и почетным туземкам и туземцам, назначенным от Нальчикского округа для приветствования Их Императорских Величеств».

Он также присутствует и в списке «Лиц кои могут быть удостоены приглашений к Высочайшему столу» [50]. Вскоре после этого, приказом по Кавказскому Военному округу за №327 от 14 ноября 1888 г. Асланбек (Александр) Урусбиев был произведен в полковники с состоянием по армейской кавалерии [51].

В 1894 г. от Кабарды и Балкарии в траурных церемониях похорон Александра III назначены были участвовать полковники К. Кудентов и А. Урусбиев. Они же приняли участие в торжествах по случаю бракосочетания Государя Николая II с Александрой Федоровной с подношением «хлеба и соли Их Императорским Величествам» [52].

Принимал участие в военных действиях на Северном Кавказе. Награды: орден Св. Станислава 2-й ст. – 21 июня 1883 г., серебряная медаль «За покорение Чечни и Дагестана», светлобронзовая медаль в память турецкой войны 1877-1878 гг., «вензелевое изображение Имени в Бозе почившаго Государя Императора» [53]. 4 января 1895 г. начальник Нальчикского округа в рапорте начальнику Терской области ходатайствовал о награждении полковника Урусбиева орденом Св. Анны 2-й ст. При этом начальник округа дал ему следующую характеристику: «Занимая почетное положение среди туземного населения, и пользуясь его уважением, всегда оказывает на него благотворное влияние, укрепляя в преданности Правительству. Помимо того Полковник Урусбиев построил в горных пастбищах в ущелье р. Баксана, образцовую сыроварню и развил улучшенные породы рогатого скота, раздавая безвозмездно по несколько голов этого скота ежегодно, для улучшения их скотоводства, Полковник Урусбиев содействует к развитию местного хозяйства» [54].

Был женат на русской дворянке Егорской Клавдии Матвеевне, в связи с женитьбой на которой принял православие и имя – Александр Александрович. Дети: Сергей (17.09.1869–29.12.1898), Исмаил (05.02.1874–1912; ж. Венеровская Екатерина Константиновна).

Урусбиев Сергей Александрович (1868–29.12.1898), сотник, из таубиев Урусбиевского общества Балкарии, сын полковника Урусбиева. Получил среднее образование во Владикавказском реальном училище [55]. Служил в 1-м Сунженско-Владикавказском конном полку Терского Казачьего войска. 14 ноября 1895 г. в чине сотника переведен служить в Лейб-Гвардии Кубанскую сотню Собственного Его Императорского Величества Конвоя [56]. Принимал участие в коронационных торжествах 1896 г. Николая II и Александры Федоровны, завершившиеся Высочайшим смотром войск. После смотра Царская Семья отбыла в Ильинское – имение Великого Князя Сергея Александрови-

ча. Н.В. Галушкин писал: «Отдых Государя с его Августейшей супругой в Ильинском охраняла полусотня Конвоя при трех офицерах (есаул Петин, сотник Урусбиев и хорунжий князь Витгенштейн)» [57].

Скончался Сергей Александрович Урусбиев 24 декабря 1898 г. [58]. Был женат. Сын - Николай (1899-1965).

Шакманов Али Магометович (1816–1853), поручик, из таубиев Хуламского общества Балкарии. В 1841 г. возрасте 25 лет находился аманатом в крепости Нальчик. В ведомости «Аманатам от Горских народов», содержащихся в Нальчике за апрель 1841 г. отмечено, что Али Шакманов был взят в аманаты 10 марта 1839 г. [59]. На службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон поступил оруженосцем 9 июля 1842 г. Приказом № 927 от 29 октября 1844 г. был произведен в юнкера [60].

После производства в офицеры по армейской кавалерии был прикомандирован на службу к 1-му Сунженскому казачьему полку. В 1851 г. сопровождал в Санкт-Петербург посольство к Императору Николаю I владельца части Сванетии князя Отара Дадашкелиани. За участие в этом посольстве от Императора Али Шакманов был удостоен единовременного пособия в 150 рублей серебром [61].

Принимал участие в военных действиях на Северном Кавказе. Поручик Шакманов погиб в 1853 г. [62]. Был женат. Детей не имел.

Шакманов Шакман Каншаевич (1856–после 1914 г.), прапорщик, из таубиев Хуламского общества Балкарии. Начальное образование получил в Нальчикской горской школе [63]. В 1911 г. был составлен список офицеров, служивших в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Про присутствующего в этом списке прапорщика милиции Шакмана Шакманова сообщается, что в этом чине он находился с 8 августа 1881 г. [64].

В июне 1893 г. был назначен старшиной селения Хасаут [65]. В 1914 г. был избран в состав комиссии, наблюдавшей за деятельностью сельских комитетов Кабарды и Балкарии по записи добровольцев в Кабардинский полк Кавказской конной дивизии [66]. Был женат. Дочь – Гошаха (?–?).

Завершая данное исследование можно отметить, что на сегодняшний момент нам удалось выявить тринадцать представителей карачаево-балкарской аристократии, служивших в разное время в Собственном Его Императорского Величества Конвое. Наибольшее их количество, а именно – пять представителей происходило из аристократии Малкарского общества Балкарии. Из Чегемского общества Балкарии в Конвое служили три аристократа. По два представителя было от

Урусбиевского и Хуламского обществ Балкарии. Карачай был представлен одним аристократом.

Примечания

1. *Хатуев Р.Т.* Карачай и Балкария до второй половины XIX века: власть и общество // Карачаевцы и балкарцы (Этнография, история, археология). М., 1999. С. 151.
2. *Абаев М. К.* Балкария. Исторический очерк. Нальчик, 1992. С. 8.
3. *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 5.
4. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 1-3.
5. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. 40. Оп. 1. Д. 43. Л. 278–280.
6. Там же.
7. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 314. Л. 6.
8. *Казаков А.В.* Указ. соч.. С. 11.
9. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1365. Т. 1. Л. 109.
10. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 45. Т. 1. Л. 113 об.
11. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1154. Л. 7 об.
12. *Сафарян С.Н.* Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988.
13. Там же. С. 101, 120; ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 383. Л. 5–6 об.
14. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Лейб-гвардии Кавказско-горский полускадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002. С. 13.
15. Там же. С. 26.
16. Там же. С. 44.
17. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1825. Л. 23.
18. ЦГА КБР. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 224 об.
19. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1529. Л. 7.
20. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1092. Л. 5–5 об.
21. Там же.
22. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 920. Л. 6–6 об.
23. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1092. Л. 1.
24. Там же. Л. 10.
25. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1755. Л. 1.
26. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 663. Л. 1.
27. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч.. С. 46.
28. *Клочков Д.А.* «Отличные храбростью...». Собственный Его Императорского Величества Конвой. 1829-1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. Санкт-Петербург, 2007. С. 25.
29. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С. 46.
30. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1731. Л. 11 об.

31. *Коркмасов А.* История наших поколений, или кавказские гвардейцы в свите императора // http://renc.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=454
32. ЦГА КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.
33. *Саблиров М.З.* Алесандр Урусбиев – полковник российской армии / Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2002. № 5. С. 189.
34. *Там же.*
35. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX в. Нальчик, 2000. С. 58.
36. *Хабичева-Боташева З.Б.* Озарение души. (Картины жизни Ислама Крым-Шамхалова). Черкесск, 1985. С. 17; *Волкова Н.Г.* Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. Вып. 9. М., 1989. С. 190.
37. *Виттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Нальчик, 1993. Т. 1. С. 121–130; *Хатуев Р.Т.* Ислам-Бий. Заметки о жизни и творчестве И.Х. Крымшамхалова. Черкесск, 2009. С. 93, 94.
38. *Хатуев Р.Т.* Указ. соч. С. 31.
39. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168. Л. 56.
40. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1825. Л. 23.
41. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1007. Л. 216 об.
42. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1321. Л. 12об.
43. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 39. Л. 119.
44. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С. 220.
45. *Саблиров М.З.* Указ. соч. С. 187.
46. ЦГА КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 1-4.
47. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С. 70.
48. *Там же.*
49. *Саблиров М.З.* Указ. соч. С. 188.
50. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 130. Л. 58 –58 об.
51. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 267. Л. 10.
52. *Саблиров М.З.* Указ. соч. С. 188.
53. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 267. Л. 10 –10об.
54. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 316. Л. 17.
55. Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 год. Т. IV. Ч. 2. Нальчик, 2009. С. 7.
56. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С. 72.
57. *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой, М., 2004 // <http://www.regiment.ru/Lib/A/5/5.htm#>
58. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С. 72.
59. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 90. Т. 2. Л. 213.
60. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. С. 24.
61. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 38. Оп. 7. Д. 174. Л. 42.

62. ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1313. Л. 1–1 об.

63. Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 год. Т. IV. Ч. 1. Нальчик, 2008. С. 552.

64. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 815. Л. 26.

65. ЦГА КБР. Ф. 6. Оп. 2. Д. 9. Т. 2. Л. 95.

66. *Опрышко О.Л.* Указ. соч. С. 14.

В.И. Шкуро (г. Краснодар)

Императорский Конвой: первые сражения – первые герои

«...Наполеон, Великий Полководец, Император Запада, отступая из России в 12-м году, поражался смелости казаков и партизан и выразился: «Платов и Давыдов приводят меня в позорное бегство» - и казаки действительно привели в бегство всю армию Наполеона, отобрав у него награбленное серебро со святынь Московских соборов, которое и поныне хранится в Казанском соборе в Петербурге и я его видел ...»

*Кусов Инал Тегоевич, генерал-майор,
командир 1-й бригады 2-й Кавказской
казахьей дивизии. 23 сентября 1908 г.*

16 марта 1812 года Черноморская Лейб-Гвардия казачья сотня в составе Лейб-Гвардии казачьего полка выступила из Санкт-Петербурга на границу Царства Польского и Пруссии и выставила пограничные кордоны вдоль реки Неман. Обстановка в Европе была под стать погоде этой ранней весной. В феврале прусский король Фридрих-Вильгельм III подписал союзный договор с Наполеоном и его 42-тысячная армия вошла в состав Великой армии последнего. Русскому Императору Александру I стало ясно: избежать войны с Францией не удастся. Отдав распоряжения о формировании резервных воинских частей, увеличении выпуска оружия и заготовке продовольствия для армии, Император Александр I 14 апреля прибыл в город Вильно (ныне Вильнюс). Наполеон, находившийся в Дрездене, 15 мая выехал в Восточную Пруссию. Здесь сосредотачивалась его более чем полумиллионная армия, уверенная в своих силах и гордящаяся своими успехами при покорении почти всей континентальной Европы.

В ночь с 12 на 13 июня французские сапёры начали сооружать четыре понтонных моста через Неман. Переправой руководил лично Наполеон. Государь Император Александр I, получив известие о пе-

реправе французов на российскую территорию, подписал именной указ на имя Председателя Государственного Совета и Комитета Министров графа Салтыкова «О необходимости к отражению Французских войск от Российских пределов». В Указе говорилось: «Граф Николай Иванович! Французские войска вошли в пределы Нашей Империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое соблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместимые с достоинством Престола и пользою Моего народа. Все старания Мои были безуспешны. Император Наполеон в уме своём положил твёрдо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И поэтому не остается Мне иного, как поднять оружие и употребить все подручные Мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие Моего народа и храбрость войск Моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственною им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моём. Пребываю к Вам благосклонный» [1].

В тот же день Император отдал приказ по армии, в котором войска извещались о начале войны и им предписывалось медленно отступать перед более, чем в два раза превосходящими силами неприятеля, нанося ему всемерный урон. Заканчивался приказ словами: «Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищайте Веру, Отечество, Свободу. Я с Вами. На зачинающего Бог» [2].

Черноморская гвардейская казачья сотня, входила в состав Лейб-Гвардии казачьего полка и материалы о её боевом пути откладывались в делах этого полка и других воинских частей, в составе которых на протяжении войны входил этот полк. Поэтому в документах Государственного архива Краснодарского края есть только косвенные документы, по которым трудно установить ход событий. В свое время, в преддверии празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года, кубанский войсковой архивариус, есаул Кияшко Иван Иванович составил «Заметку об участии в боевых действиях строевых частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и в последующих кампаниях 1813–1814 гг.». Поэтому автор счёл возможным

за основу взять труд И.И. Кияшко, дополнив выявленными по другим источникам материалами.

Черноморские гвардейцы начали воевать с французами уже на второй день начала переправы через Неман французских войск. В составе Русской 1-й Западной армии казачья гвардия «участвовала в следующих делах, вместе с прочими войсками: при г. Троках 14-го июня, 16-го – под г. Вильною, 18-го – у корчмы Мери, 19-го – под Пивоварками, 21 и 22 – при отступлении Свенцян в разных авангардных делах, в особенности же сотня отличилась 23-го числа при Кочержишках, где она лихо врубилась в неприятельскую кавалерию и успешно отразила неприятельскую атаку» [3].

Действия черноморцев в боях этого периода были замечены и оценены командованием, причём, командир сотни **Бурсак Афанасий Фёдорович** был награждён сразу орденом Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом «За отличие в сражении при Кочержишках 28 июня 1812 года».

Далее Кияшко И.И. отмечает, что в июле месяце 1812 года сотня участвовала: «9-го июля – при селе Воскресенском и разбитии и истреблении неприятельского авангарда, состоявшего из 1500 человек, который был преследуем до их расположенного в лесу корпуса, причем, были взяты в плен 1 офицер и несколько нижних чинов; 10 и 11 чисел – у местечка Бешенковичи в удержании неприятеля, сивившегося в большом количестве переправиться через реку Двину, при этом был спасен магазин с провиантом; 14-го – при Будиновской переправе через р. Двину; 15-го июля – при отступлении к г. Витебску во многих перестрелках; под Витебском в атаке против двух кавалерийских полков под прикрытием батарей и пехотных колонн, где эти полки были истреблены; 16, 17 и 18-го – при отступлении к Поречью в беспрестанных перестрелках».

Есть сведения, что и в этот месяц некоторые гвардейцы-черноморцы были отмечены наградами. Так, командир сотни **А.Ф. Бурсак** «за участие в сражении под гор. Витебском получил ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение».

Зауряд-хорунжий сотни **Николай Степанович Заводовский** был награжден чином сотника «за отличие и храбрость при поражении Лейб-Гвардии Черноморскою сотнею двух эскадронов неприятельской кавалерии на пути от Витебска к Поречью, 16, 17 и 18 июля 1812 года», причём, он был «ранен пулею в левую руку».

В формулярном списке о службе есаула 9-го Черноморского пешего полка, а в 1812 году казака Черноморской гвардейской сотни **Степе-**

на **Степановича Белого**, составленном к 1 января 1827 года тоже отмечено, что он участвовал «14 июля (1812 года) при отступлении к Витебску, 15-го под Витебском в атаке против двух кавалерийских полков под прикрытием батарей и пехотных колонн, где они истреблены; 16, 17 и 18-го – при отступлении к Поречью 16, 17 и 18-го в беспрестанных перестрелках, и за оказанную помощь во всех сих делах отличную храбрость награжден Знаком отличия военного ордена Святого Георгия (Георгиевским крестом) под № 31910».

С.С. Белый – казак Вышестеблиевского куреня, служил на Черноморской пограничной линии в 1800–1811 гг. Во время службы в Черноморской гвардейской сотне 10 ноября 1815 года производится в корнеты, 10 февраля 1817 года в поручики, а по возвращении в Черноморское войско, 18 января 1818 года чин поручика переименован в есаула. Снова служит на пограничных караулах. С сентября 1819 года по октябрь 1823 года служил на границе Царства Польского и Пруссии. В списке дворян Черноморского казачьего войска, составленном 12 сентября 1827 года под № 17 значится «есаул Степан Степанович Белый. Проживает в городе Тамане» [4].

А вот в формулярном списке о службе его брата – есаула 8-го Черноморского конного полка **Ивана Степановича Белого**, из казаков Вышестеблиевского куреня, в наградной части перечисляются почти все те же места сражений вплоть до Смоленска и Бородино, а начинается боевой путь «при Высоком дворе», далее Троки, Вильно и т.д. Заканчивается же словами: «Потом в преследовании от Москвы до Границы, неоднократно был в партиях и за оказанную храбрость во многих делах награжден Знаком отличия военного ордена Святого Георгия под № 13289». В гвардейской сотне он сначала стал унтер-офицером, затем хорунжим, а «за хорошее поведение и труды, понесённые во всю Кампанию с французами 1812 года, произведен с переводом в войско Черноморское Сотником – 1815 года апреля 9». В том же списке дворян указано, что есаул Иван Степанович Белый имеет сына Александра и дочь Марию и проживает в Бейсугском округе при речке Челбасах» [5].

Казак **Константин Литвинов** из Леушковского куреня, (сейчас станица Старолеушковская) «за отличную храбрость, оказанную под гор. Витебском награжден Знаком отличия военного ордена Святого Георгия 4-й степени под № 31914» [6].

Наполеон предполагал разбить 1-ю Западную армию под Витебском, о чём уже было объявлено по войскам. Но русские в очередной раз незаметно оторвались от французов и направились к Смоленску,

где и соединились впервые с начала кампании. Получив это известие, Наполеон на целых две недели остановил «Великую армию», не зная, что делать дальше. На собранном им Военном совете впервые прозвучали слова, что русские специально заманивают французов вглубь своей территории, где ей грозит гибель. Вопреки мнению большинства своих маршалов, Наполеон решил двигаться за Русской армией. Больше Военных советов он не созывал.

После объединения Русских армий состоялся Военный совет, где большинство генералов высказались за решительное сражение под городом русской Славы – Смоленском. В то же время Командующий объединённой группировкой и одновременно Военный министр Барклай де Толли в донесении Императору Александру I, заверил последнего, что «рисковать без нужды вверенной ему армией не собирается». Сражение под Смоленском всё же состоялось и длилось два дня. Французы потеряли от 10 до 12 тысяч солдат, русские – 6-7 тысяч. Понимая, что при превосходстве противника в полтора раза сражения не выиграть, командующий уже в первый день боёв отправил 2-ю Западную армию на восток по Московской дороге, а 1-я Западная армия отступала из Смоленска по Петербургской, и позже просёлочными дорогами вышла на Московскую дорогу.

В «Заметке ...» И.И. Кияшко об этом говорится совсем коротко. Черноморская гвардейская сотня находилась «Августа 4 и 5-го – под Смоленском на левом фланге нашей армии у нашей армии у прикрытия батарей под сильными пушечными выстрелами; 7-го – при отступлении от г. Смоленска».

В формулярном списке о службе и достоинстве полковника **Андрея Лукича Перекреста**, составленном не позднее 1846 года, имеется такая запись: «Августа 4 и 5 при защищении города Смоленска, в удержании там неприятеля, за каковые дела награждён Знаком отличия военного ордена Святого Георгия под № 16293-м». Андриан Лукич – интересная личность. Из закубанских владельцев. В службу вступил казаком 20 мая 1797 года. С 15 ноября 1811 года по 23 ноября 1816 года служил в Черноморской гвардейской сотне. «За отличие оказанное в сражениях под Бородино и авангардных делах 7 и 8 сентября под Тарутиным ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован чином (офицерским) хорунжего. За отличную храбрость под г. Лейпцигом 4 октября 1813 года награждён орденом Святой Анны 4-й степени». С 1823 года попеременно был то на военной службе, то на гражданской: в войсковой канцелярии и гражданском суде. 25 июня 1846 года уволен с должности старшего члена войскового правления «по больничному состоянию» [7].

В то время, как 1-я и 2-я Западная армия после Смоленского сражения шли на восток, в Петербург вернулся после заключения мира с Турцией генерал-от-инфантерии Кутузов М.И. 8-го августа он был приглашён к Императору Александру I, который ознакомил его со своим рескриптом, в котором говорилось: «Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего Главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные военные достоинства Ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу Всемогущего Бога благословить деяния Ваши к славе Российского оружия, и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на Вас возлагает» [8].

Все ждали от нового Главнокомандующего решительных действий, но он, прибыв 17-го августа к армии в Царёво-Займище, отдал распоряжение войсковому священнику отслужить здесь при большей части армии молебен с иконой Смоленской Богородицы и 19-го августа издал приказ отступить дальше. Одновременно он отправил по Московской дороге полковника Толя К.Ф. с группой штабных офицеров для выбора места для Генерального сражения. Получив от Толя донесение, Главнокомандующий 22 августа лично прибыл к селу Бородино и осмотрел местность. Ещё два дня арьегард Русской армии сдерживал рвущегося вперёд противника, пока армия строила укрепления, но 24 августа противник вышел к Шевардинскому редуту. Начинаясь историческая битва. Основные события происходили 26 августа. Само сражение длилось 12 часов. Русская армия потеряла 46 % личного состава, французская 39 %. На рассвете 27 августа Русская армия начала отход к Можайску. 1-го сентября в подмосковной деревне Фили (4 км от нынешней Поклонной горы) состоялся знаменитый Военный совет. Полководец Кутузов М.И. взял на себя всю ответственность за оставление Москвы врагу и за последующее изгнание захватчиков.

И.И. Кияшко об этих днях пишет, что Черноморская гвардейская сотня была «в генеральном сражении под Бородино 26 августа на правом фланге атаки на неприятельские батареи и при завладении ими. При этой атаке хорунжий **Безкровный** первый, врубаясь на батарею с двумя взводами, захватил в плен 1 кавалерийского полковника, артиллерийского офицера и 9 нижних чинов, при этом под ним была убита лошадь картечью и сам он получил контузию в левую ногу; 27 и 28 при отступлении от Бородино к Москве; при переправе от Можайска неприятель усиливался занять выгодную позицию, для противодействия чему

сотня была выслана в стрелковую цепь и удерживала неприятеля метким огнем от 3 до 7 часов по полудни; за особенное отличие в этом деле **Безкровный**, по представлению графа Орлова-Денисова, был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». В другом месте своей «Заметки ...» Иван Иванович отмечает, что хорунжий **А.Д. Безкровный** «за отличную храбрость при наступлении неприятельских колонн от Можайска к Москве 28 августа и за все бывшие до сего арьегардные дела награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость». Ему же, в числе немногих русских офицеров довелось удостоиться Золотой сабли с надписью «За храбрость», алмазами украшенной.

Личность **Алексея Даниловича Безкровного** овеяна легендами. Происходит он из казаков Щербиновского куреня (сейчас станица Старощербиновская). Отец его имел армейский чин поручика. 15-летний Алексей Безкровный начал службу на Черноморской кордонной (пограничной) линии 18 декабря 1800 года. Здесь, 24 октября 1808 года он получает первый офицерский чин хорунжего. Следующий чин сотника он получает за боевые отличия на Бородинском поле. «За атаку против неприятеля в Юрбурге, захват барок на Немане с 5 тысячами четвертей овса, за участие при разбитии передовых неприятельских сил 4 декабря, а равно за храбрость в сражении при Эпинале, штурме городов Немура, Сезанна, Арса, Мелюна и других в январе, феврале и марте 1814 года (на территории Франции) награждён орденом Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом». О его боевых заслугах в Отечественной войне 1812 года вспомнили, когда пришло время возвращаться ему из Петербурга в Черноморию. Высочайшим приказом А.Д. Безкровный производится в полковники «за оказанные отличия в сражениях при Бородино и Лейпциге». С 27 ноября 1818 года он снова служит на Черноморской кордонной линии, с 22 августа 1827 года командует всей этой линией, а с 27 сентября того же года становится первым Наказным (назначенным) атаманом Черноморского казачьего войска. Во время очередной Русско-турецкой войны (1828–1829 гг.) он командовал Таманским отрядом. За отличие в этой войне производится в генерал-майоры и получает «награду героев» – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. Скончался **Безкровный** 9 июля 1833 года, похоронен на территории Войсковой богадельни, где сейчас расположена Первая городская больница.

1997 году в Крыму было создано казачье объединение «Черноморская казачья сотня». Создали его наши земляки, переселённые в массовом порядке туда после освобождения полуострова от немецких зах-

ватчиков. Эту сотню казаки считают наследницей той героической сотни, которая прославилась в Отечественную войну 1812 года. В станице Старощербиновской, откуда родом Безкровный и в городе Анапе, который он окончательно присоединил к России 12 июля 1828 года, ему установлены памятники. И только в нашем городе Екатерिनодаре (Краснодаре) нет не только памятника, но даже захудалой памятной доски [9].

В сентябре месяце Черноморская гвардейская сотня участвовала: «Сентября 14-го – при селе Кочерине, 15-го – при деревнях Сельце, Комлевом, Воскресенском и Ракином при истреблении неприятельских конных и пеших партий и взятии немалого количества их в плен.

Октября 6-го – при Тарутине в атаке на неприятельский авангард; при преследовании неприятеля от г. Малоярославца до г. Красного участвовала в сражениях: 22-го – при Вязьме, 26-го – под Дорогобужем, 28-го – при деревне Ляхове при взятии в плен генерала Ожеро с его корпусом и разбитии шедших на подкрепление последнего 2000 кавалерии и 500 человек пехоты; 30-го – при сел. Клементине, при разбитии неприятельского отряда и завладения магазином.

Ноября 3-го – под г. Красным при ударе на неприятельские гвардейские войска, ретировавшиеся от Смоленска к Красному и разбитии одной партии, 28-го ноября – в атаке на неприятельские пехотные колонны за г. Вильною и при отбитии 13 орудий, 29-го – при станции Сабилышки и взятии в плен более 1500 человек разных чинов.

Декабря 3-го сотня «командирована была начальником авангарда для открытия гор. Юбурга и, прибыв к нему и найдя его занятым сильным неприятельским отрядом, сотня немедленно атаковала неприятеля, опрокинула его и совершенно разбила, причём было взято в плен: 2 штаб-, 9 обер-офицеров и 280 нижних чинов и были отбиты французские барки на Немане, в которых находилось 5000 четвертей овса и разного хлеба; неприятель пытался было сжечь их, но молодцы гвардейцы не допустили этого; 4-го декабря сотня была командирована для открытия движения корпуса маршала Макдональда и, открыв таковое, напала на передовые части этого корпуса, разбила их и взяла в плен 2 обер-офицеров и 116 нижних чинов и ею же был отбит магазин для войск маршала Макдональда».

Конечно, и в период изгнания захватчиков военное командование отмечало героев. В выявленных к настоящему времени исследователями сведениях о Георгиевских кавалерах, содержится самая разнообразная информация. Так о **Евграфу Васильевиче Маслиннике** из Новонижестеблиевской станицы сообщается, что «за оказанную во многих сра-

жениях 1812 года отличную храбрость пожалован Знаком отличия Военного Ордена под № 23993». О казаках **Кирилле Павловиче Корниенко** из станицы Конеловской, **Якове Яковлевиче Приймаке** из Старощербиновской станицы и **Платоне Савиче Юшке** сделаны стандартные записи: «за оказанную в разных делах храбрость награждён Знаком Отличия Военного ордена под № 31912» у третьего; «за оказанную храбрость в делах с французами награждён (первый) Знаком Отличия Военного ордена № 12404», а второй – № 31321. Причем, в документе, составленном в июле 1820 года, указано, что хорунжий Платон Юшка, имеющий знак под № 31912, как гвардейский унтер-офицер, пожалован 6 рублями 67 копейками добавочного жалования [10].

В формулярном списке есаула **Григория Васильевича Безрутенко-Бутовича**, составленном к 1 января 1827 года перечисляются все сражения сотни 1812 года и заканчивается этот период службы словами: «и за оказанную в сих сражениях личную храбрость награжден Знаком отличия Военного Ордена Святого Георгия под № 31907». Интересно, что в формулярном списке его брата **Ивана Васильевича Бутовича**, составленном 30 октября 1825 года, первоначально написанном другим почерком и другими чернилами, через знак тире добавлено Безрутенко. Надеюсь, что это указание поможет другим исследователям [11].

В формулярном списке урядника Черноморской конно-артиллерийской казачьей № 6-го роты **Цокуренко И.М.**, составленном 3 декабря 1825 года перечисляются все сражения гвардейской сотни и заканчивается словами: «10-го октября при занятии Москвы, потом в преследовании неприятеля до границы и за оказанную храбрость награждён Знаком отличия Военного ордена под № 13295». Здесь же сообщается, что у него имеется еще один Знак отличия Военного Ордена Святого Георгия. В «Заметке ...» **И.И. Кияшко** сведений о награждении **И.М. Цокуренко** нет, а его фамилия пишется как «Сукуренко» и он родом из Васюринского куреня [12].

С 1 января 1813 года по 14 мая 1814 года Лейб-Гвардии Черноморская казачья сотня состояла в Конвое Императора Александра I, что не исключало периодически участие гвардейцев в боевых действиях. Прецедент был создан во время Заграничного похода 1813–1814 гг. И в последующие годы, состоя при Главной квартире в Дунайской армии во время Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., и во время Первой мировой войны – при ставке Верховного Главнокомандующего в Могилёве, конвойцы принимали непосредственное участие в боевых действиях.

«За это время сотня участвовала в следующих сражениях за границей: Апреля 20-го – при Люцене, Мая 2-го – при местечке Пельзанце при

отступлении неприятеля; 8 и 9-го под Бауценом; Августа 15-го – под г. Дрезденом при истреблении корпуса, командуемого генералом Вандамом и взятии его самого в плен; Октября 4-го – в генеральном сражении под г. Лейпцигом, в блестящей атаке неприятельской кавалерии, ворвавшейся было в центр нашей армии. Сам Государь приказал своему Конвою (Гвардейской сотне Черноморцев) прикрывать выдвинутую вперёд 10-ю конную роту; затем она приняла участие в блестящей и неожиданной для французов атаке лейб-казаков под начальством генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова на левый фланг французской кавалерии, последствием чего было разбитие этой кавалерии и огромные потери французов. За это дело войсковому полковнику Бурсаку был пожалован орден Святого Георгия 4-го класса 5 и 6-го октября – при вытеснении неприятеля из г. Лейпцига, 7-го – при защите его».

Тогда действительно казаки совершили нечто необыкновенное. Лейб-Гвардии казачий полк стоял вдоль канала за холмом, на котором наблюдал за ходом сражения Государь Император Александр I и ещё шесть европейских союзных Государей. Французская кавалерия прорвала фронт и вышла к холму. Казачий полк выступил навстречу, врубился во французскую кавалерию, и на какое-то время остановил французов. Вскоре подоспела и наша союзная кавалерия, артиллерия перенацелилась на прорвавшихся. В итоге Царская ставка не пострадала, а казаки, как писал первый историк Конвоя С.И. Петин, доблестью своей спасли жизнь Государя Императора Александра I и честь Русской Армии».

Бывший офицер-конвоец Галушкин Н.В., в изданной им книге к 150-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя, подробно описывает, как Император Александр I сразу же пожелал посмотреть на тех, кто остался жив, как трубачи протрубили сбор, как казаки прошли мимо Царя, как он их благословил. Н.В. Галушкин приводит четверостишие поэта С.Е.И.В. К. А. Чеботарёва:

*Восторгом горя, пред глазами Царя,
Не спеша, в окровавленном строе,
Боль от ран заглушив, лишь ряды сократив,
Прошли Лейпцигской битвы герои ... [13].*

Этот подвиг не забывался в России на протяжении века. Высочайшим приказом 30 августа 1856 года Лейб-Гвардии Черноморскому казачьему дивизиону был вручён Георгиевский штандарт с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года и за подвиг, оказанный в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 года». С 30 августа 1904 года полковник **Афанасий Федорович**

Бурсак стал вечным шефом 1-го Черноморского (конного) полка Кубанского казачьего войска [14].

Кроме **А.Ф. Бурсака** «За отличие в сражении под г. Лейпцигом 4, 5, 6 и 7 октября 1813 года» по информации историков Конвоя Георгиевскими крестами (Знаками отличия Военного ордена Святого Георгия) были награждены многие нижние чины, в том числе и Черноморской казачьей сотни. К сожалению, нам пока известно имя только одного казака – **Ростовского Ивана Степановича** из Конеловского куреня, который «за отличную храбрость под г. Лейпцигом награждён знаком отличия военного ордена Святого Георгия под № 24562». В июле 1820 года он в чине сотника продолжал службу в Черноморском казачьем войске [15].

В формулярных списках офицеров-черноморцев, составленных в 1825 году удалось найти сведения о награждении Георгиевским крестом рядовых казаков «за оказанную отличную храбрость 1814-го года Марта 13 – при Фершемпенуазе, 17 и 18-го – пред Парижем, 19-го – при вступлении в Париж». Это: казак Кущевского куреня, ставший к 1825 году есаулом, **Фёдор Иванович Жук**, награждённый Знаком отличия Военного Ордена Святого Георгия под № 72415-м; казак Кисляковского куреня, ставший сотником, **Игнат Евстафиевич Земляный**, награждённый знаком под № 31930-м; казак Полтавского куреня **Григорий Фёдорович Стомба**, ставший подхорунжим и награждённый знаком под № 31913-м и казак Щербиновского куреня (Старощербиновской станицы), ставший сотником, **Емельян Филиппович Шрам**, награждённый знаком под № 31909-м [16].

Попытка осветить проблему участия конных и пеших черноморцев в Отечественной войне 1812 года на основе местных материалов практически нереальна. Тема ждёт своего исследователя, который сможет более подробно изложить материал, детально изучив документы в Российском государственном военно-историческом и в Росийском государственном историческом архивах.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXII. Ст. 25141 С. 353-354.
2. *Фролов В.П.* «Да, Были люди в наше времч...». Отечественная война 1812 года и заграничные походы Русской армии. М., 2005. С. 95.
3. *Кияшко И.И.* Заметка об участии в боевых действиях строевых частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и в последующих кампаниях 1813–1814 гг. Екатеринодар, 1911. 60 с.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 250. Оп. 2. Д. 515. Л. 44-45; Д. 906. Л. 360-364; Ф. 254. Оп. 1. Д. 5. Л. 21; Ф. 396. Оп. 2. Д. 2. Л. 3-6.
5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 515. Л. 68-69; Ф. 254. Оп. 1. Д. 5. Л. 22 об.
6. Фролов Б.П. Указ. соч. С. 155.
7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 515. Л. 49-52; Ф. 396. Оп. 2. Д. 77; Д. 92. Л. 11-13.
8. Фролов Б.П. Указ. соч. С. 193.
9. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 299. Л. 39 об., 127 об.; Д. 515. Л. 4-14; Д. 707. Л. 1.
10. ГАКК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 46. Л. 11, 15.
11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 515. Л. 73-74.
12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 431-433; *Кияшко И.И.*. Указ. соч. С. 22.
13. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества конвой. СПб, 1899. С. 24-25; *Галушкин Н.В.* Собственный Е.И.В. конвой. М. 2008. С. 19-20.
14. *Клочков Д.А.* «Отличные храбростью ...». СПб. 2007. С. 202.
15. ГАКК. Ф. 302. Оп. 1. Д. 146. Л. 4, 11.
16. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 906. Л. 283-284, 290-291, 314-315, 407-410.

К.М. Алиев (г. Махачкала)

Кумыки в Собственном Его Императорского Величества Конвое

Первым официальным подразделением личного Конвоя Императора Николая I, в котором в конце 20-х годов XIX в. начали служить кумыки, был взвод кавказских горцев [1]. Он был учрежден 1 мая 1828 года.

Первоначально (в 30-е годы XIX в.) это необычное военное соединение было небольшим: 3 обер-офицера, 6 юнкеров, 1 эфенди, 40 оруженосцев и 29 служителей; «состояло оно из сыновей кавказских князей, узденей, мурз и горской верхушки» [2]. По замыслу Императора Николая I полуэскадрон выполнял две функции: конвойную (охранительную) и своеобразного учебного заведения. Через каждые 4 года происходила смена: горцы при успешной сдаче экзаменов производились в офицеры, отправлялись служить на родину, а им на смену приходили новые лейб-гвардейцы.

Зачислению же в полуэскадрон предшествовал тщательный отбор: оруженосцы, зачисляемые в лейб-гвардейцы, должны были «быть из первостепенных узденей, особенно уважаемых в народе... красивой и стройной наружности, иметь лучших черкесских темно-грудых лошадей и быть вооруженными по их обыкновению, в полной исправности...» [3].

Первым командиром горского Конвоя стал ротмистр Султан-Азамат-Гирей, потомок крымских ханов. Часть эту официально назвали Лейб-гвардии Кавказский Горский полуэскадрон. Сформирован полуэскадрон был в г. Ставрополе в сентябре 1828 г. [4]. Составленный из лучших фамилий Кавказа, полуэскадрон был многонациональным. В год формирования взвода, следовавшего с 43-м Егерским полком из Ставрополя в Кишинев, в 1829 году в его составе находились князя и дворяне Засулакской Кумыкии и Чечни (16 чел.)¹, Кабарды (12 чел.) и мурз и узденей ногайцев (всего 17 чел) [5].

Кроме того, кузницей будущих конвойцев являлись военно-учебные заведения (Пажеский корпус, Дворянский полк и столичные кадетские корпуса). По сведениям С. И. Петина в 1834 году в военно-учебные заведения Петербурга поступили 74 горца из Дагестана, Чечни и Кабарды. Многие из них впоследствии дослужились до высших офицерских чинов – генералов и полковников. А некоторые занимали высокие посты в Собственном Его Императорского Величества Конвое (как например, полковник Султан Хан-Гирей, командир полуэскадрона в 1837 г., генерал-майор Хату Анзоров, командир полуэскадрона в 1845 г., ротмистр (позже генерал-майор) Абу-Муслим Капланов, командир полуэскадрона в 1855 г. и др.

Организация Лейб-гвардии полуэскадрона в 1828–1829 гг. сыграла известную положительную роль в истории народов Северного Кавказа. «Здесь видел я, – писал Император Николай I после посещения Кавказа в 1837 году, – плоды нашего Кавказско-горского полуэскадрона и кадет из горцев, ибо все служат весьма усердно при линейных полках».

Безусловно, Государь Император Николай I преследовал свои политические цели, налаживая связи с горской верхушкой. Но, даже в условиях того времени полуэскадрон имел важное значение в развитии русско-кавказских взаимосвязей. Конечно, большинство офицеров не шли дальше личной корпоративной выгоды, но были и другие достойные примеры.

Уже первые лейб-гвардейцы, прибывшие в Петербург, изъявили желание учиться русскому и иностранным языкам. Это открыло им новые горизонты обучения в Европе, позволило им за какие-то 20–30 лет достаточно модернизироваться в культурном плане [6]. В 30-е годы

¹ Мы их объединили в одну группу потому, что и кумыкские и чеченские князя в подавляющем большинстве были одного корня – от шаухалов Тарковских.

XIX в. кавказцы из полуэскадрона были относительно грамотными людьми, и их пример не оставался незаметным на Кавказе, на родине.

Действительно, четырехлетнее пребывание при дворе в Петербурге не могло не оказать благотворного воздействия на молодых горцев, служивших в полуэскадроне. В Петербурге для них было организовано обучение русскому и «татарскому» (кумыкскому), как общеупотребительному на всем Северном Кавказе языку. Поэтому лейб-гвардейцы хорошо владели русским и кумыкским языками. Наиболее способные из них впоследствии, по окончании службы в лейб-гвардии, сыграли видную роль в культурном развитии своих народов, внесли ощутимую лепту в укрепление русско-кавказских культурных взаимосвязей, оказали положительное воздействие на жизнь своих соплеменников в один из драматичнейших периодов истории Кавказа [7].

Анализ изученных мною и моими коллегами за многие годы различных документальных данных и, прежде всего, Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Архивной службы Республики Северная Осетия-Алания (АС РСО-А), других архивохранилищ и источников, позволяет утверждать, что в Конвое со времени появления в его структуре в 1828 г. Кавказского горского полуэскадрона и до 1880-х годов прослужило более 70 человек из кумыков. Первыми кумыками в Собственном Его Императорского Величества Конвое были князья и дворяне Г. Адильев, И. Альбериев, А. Ачаканов, И. Гебеков, Б. Елисханов, Д.-А. Ибрагимов, М. Кантемиров, Ю. Клычев, А.-С. Мехтулинский, З. Токаев, Х. Хамзин, Х. Уцмиев и др. [8].

На сегодня мною на основе документальных данных составлен наиболее полный алфавитный список (с биографическими сведениями) конвойцев-кумыков, с которым можно ознакомиться в моей книге, изданной в 2010 г. [9].

Здесь же в своем докладе я остановлюсь на наиболее ярких фигурах, отличившихся на службе в Конвое.

АДИЛЬЕВ ГИРЕЙ (он же Алибеков), кн., окончил Дворянский полк (Константиновское военное училище). В Дворянский полк поступил в 1829 г. (или в 1830–1831 г.), проучился там два года, затем был зачислен в Собственный Его Императорского Величества Конвой, отправлен на родину с производством в корнеты. В Кавказско-горский полуэскадрон зачислен 29.09.1832 г. [10].

АЧАКАНОВ Абдул Юнусов. В службу вступил в Л.-гв. Кавказский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Произведен в: юнкера (1835 г.), корнеты 19.01.1837 г.; в пору-

чки - 26.04.1847 г. Награжден Золотой медалью «За храбрость» 30.11.1835 г. Состоял по кавалерии Кумыкского округа (1870 г.). Проживал в дер. Аксай.

ГЕБЕКОВ Инал, полковник. Вступил в службу оруженосцем в Кавказский горский полуэскадрон 1.03.1828 г. Произведен в юнкеры в том же эскадроне 24.12.1830 г. Произведен в поручики – 19.12.1839 г.; в штабс-капитаны 9.02.1840 г., капитаны 19.07.1840 г., майоры 8.06.1844 г., подполковники 8.12.1849 г. Со старшинством с 24.06.1848 г. Произведен в полковники 22.04.1859 г. Со старшинством с 8.11.1857 г.. Назначен с разрешения Г. Командующего войсками Левого Крыла Кавказской линии Гумбетовским набом 1.08.1860 г. Утвержден в должности наиба 28.11.1861 г. Произведен в корнеты с состоянием по КК 1.05.1832 г. Высочайше объявлено Монаршее благоволение – 1832 г. Имел серебр. медаль за взятие Ахульго в 1839 г. Награды: Знак отличия Военного ордена под № 63733 и Золотая медаль с надписью «За храбрость» за отличия, оказанные в деле с польскими мятежниками в 1832 г., Польский знак отличия 5-я ст. за военные отличия и достоинства, орден Св. Анны 3-й ст. с бантом 29.09.1841 г., Св. Владимира 4-й ст. с бантом 10.12.1842 г., Св. Станислава 2-й ст. 1.07.1845 г., Св. Анны 2-й ст. 10.12.1851, Знак отличия Военного ордена по №3733. Золотая шашка с надписью «За храбрость» 13.12.1860, серебр. медаль «За покорение Чечни и Дагестана» 1857, 1858 и 1859 г. [11].

ИСМАИЛОВ Казанбий (1815 г. – не ранее 1850 г.), прапорщик, числящийся прикомандированным к Лейб-Гвардии Кавказско-горскому полуэскадрону (1848-1850 гг.), из узденей Мехтулинского ханства. Вступил в службу в Лейб-гвардию Кавказско-горский полуэскадрон оруженосцем с 10.08.1843 г.; юнкером с 9 окт. 1844 г.; прапорщиком с 24.06.1846 г. По Высочайшему повелению согласно ходатайству Командующего Императорскою Главною Квартирою прикомандирован к Л.-Гв. Кавказско-горскому полуэскадрону 8.02.1847 г. от полуэскадрона отчислен 1.12.1848 г. Имел знак отличия Св. Георгия за № 73241 и две серебряные медали на Георгиевских лентах; одну с надписью «за храбрость» для ношения на шее, а др. с надписью «За взятие Ахульго 22 марта 1839 г» для ношения на петлицах [12].

КАЗАНБИЕВ Ибрагим, «из аксаевских узденей», штабс-капитан (1873 г.), воспитывался в частном учебном заведении, в службу вступил в Лейб-гвардии конно-горский полуэскадрон Конвоя Е.И. В. оруженосцем – 9.06.1842 г. Произведен в юнкера 18.09.1854 г., корнеты с состоянием по Кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе

Горец конвоя
Его Величества 1882 год.

7.10.1846 г. По распоряжению Главного командующего Кавказским корпусом состоял прикомандированным к Донскому № 40 казачьему полку 1.11.1847 г.-1.01.1849 г. Оттуда поступил в команду горцев, отправляющихся на службу в г. Варшаву в Кавказской конно-горский дивизион 1.01.1849 г. За отличие в Венгрии награжден чином поручика со старшинством с 4.08.1849 г. – 12.11.1849 г. За отлично усердную службу произведен в штабс-капитаны 1.09.1854 г. Был в походах и делах против горцев в 1847 и 1849 гг. в пределах Российской Империи, в Венгрии и Царстве Польском в 1849 г. В 1861 г. по собственному ходатайству был зачислен в Терский конно-иррегулярный полк.

Начальник Чеченского округа генерал-майор Кундухов характеризовал его следующим образом: «Офицер этот отличается особенною преданностью правительству и пользуется известностью между туземцами как по уму, так и по своей нравственности» [13].

КАПЛАНОВ Абу-Муслим (1822 / 1820 – 10. 02. 1874), генерал-майор. Родился в сел. Аксай в фамильном доме отца – потомственного дворянина Меджид–Султана из кумыкских князей Хасавюртовского округа Терской области (ныне Хасавюртовский район Дагестана – Авт.). Вступил на военную службу (волонтером) и 9 мая 1839 года был зачислен в штаб при начальнике левого фланга Кавказской линии. За отличие и доблесть в боях против неприятеля в июле 1845 года Высочайшим Приказом переведен на службу в Лейб-Гвардию Кавказский Горский полуэскадрон Собственного Конвоя свиты Его Императорского Величества, корнетом – (8(20). 12. 1845) [14]. Дальнейшая служба проходила при Главной Императорской Квартире (октябрь 1846 – 1855 г. включительно). В 1849 г. во время войны против мятежных венгров участвует в боевом походе в составе Собственного Е.И.В. Конвоя Императорской Главной Квартiry из Петербурга в Варшаву, пребывает при Императоре в составе Главной Квартiry в Варшаве с 10 июня по 20 августа, и 29 сентября 1849 г., в составе Императорской свиты возвращается в Петербург. Высочайшим Приказом по кавалерии произведен в поручики – 3 апреля 1849 г.; в штаб-ротмистры – 30 марта 1852 г.; ротмистры – 19 апреля 1853 г. В 1854 году в составе Собственного Е.И.В. Конвоя участвовал в боевом походе

на Варшаву. 19 февраля 1855 г., в связи со смертью Императора Николая I, на российский Престол был коронован Наследник Великий князь Александр II, первый Российский Император, по примеру которого и последующие монархи, будучи шефами Лейб-Гвардии Е.И.В., состояли при Конвое. 23 апреля 1855 года Абумуслим Капланов, Высочайшим Приказом Императора Александра II был назначен Командиром Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Конвоя Его Императорского Величества. Он стал первым из дагестанцев, удостоившимся при свите Императора столь высокого доверия и чести. 22 мая 1856 года Высочайшим Приказом он был произведен в полковники по армейской кавалерии и при отдельном Кавказском корпусе (затем Кавказской Армии) [15].

КАРАБУДАКОВ Батырбий, оруженосец полуэскадрона с 2.09.1841 г. [16], произведен в: корнеты 6.09.1845 г.; подпоручики 10.05.1851 г.; поручики 10.12.1854 г.. Состоял по кавалерии Кумыкского округа (1870 г.). Награды: знак отличия Военного ордена Св. Георгия под № (не указан) 10.09.1844 г.; орден Св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» 30.06.1847 г.. Жительство имел в дер. Аксай [17].

МЕХТИЕВ Арслан-Герей (он же – Бек Мехти оглы) (1843 – не ранее 1910 г.), подполковник, из джанков Мехтулинского дома, службу начал всадником в Конвое Е.И.В. в 1865 г., произведен в прапорщики 10.08.1873 г., переведен в 3-й полк (17 января 1877 г.). Участник Русско-турецкой войны 1877 г. Награжден орденами: Св. Анны 4-й ст. «За храбрость», Станислава 3-й ст. с мечом. За участие в Текинской экспедиции в 1879 г. получает чин поручика и орден Анны 3-й степени с мечом. В 1913 г. «желая оставить в сел. Н. Дженгутай память по случаю 300-летия царствования Дома Романовых» на свои средства открыл «начальную школу (мектебе) для детей обоего пола для преподавания начальных наук на местном языке и изучение Корана и русской грамоты».

МЕХТУЛИНСКИЙ Али Султан (предок автора) корнет, из мехтулинских ханов, в 1823 г по распоряжению генерала А.П. Ермолова был отправлен в Россию, воспитывался в Пажеском корпусе, затем переводом служил в Собственном Е.И. В. Конвое начал службу 15.05.35 г. [18]. Как свидетельствуют архивные документы, Али-Султан находился в России с 1823 г. пол 1834 гг., т.е. 11 лет, где получил военное образование; произведен в корнеты (май 1835 г.), поручики (январь 1838 г), в 1838 г. вернулся в Дагестан. Произведен в штабс-капитаны (1840 г), капитаны (февраль 1842 г.), майоры (ноябрь 1842 г.), подполковники (июль 1845 г.), полковники (1859 г.) В 1865 г. в августе

выведен на вакансию в полковники, в апреле 1867 г. зачислен по гвардии кавалерии с оставлением при Кавказской армии. За отличие в делах против горцев награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом (30.06.1839 г.), Св. Владимира 4-й ст. (21.11.1844 г.), Св. Станислава 2-й ст. (27.05.1845 г.), Св. Анны 2-й ст. (1.04.1847 г.), Св. Станислава 2-й ст. (28.04.1861 г.), Св. Анны 2-й ст. с императорскою короною и с мечами под орденом (7.01.1865 г.); медалями: – бронзовую в память войны 1853-1856 гг.; серебрянной «За покорение Чечни и Дагестана в 1857-1859 гг.» В последние годы с разрешения Императорского Высочества Главнокомандующего Армиию, проживал в г. Темир-Хан-Шура Дагестанской области. Умер в 1870-е годы [19].

МУРЗАБЕКОВ Бахти-Герей, сын Абдулов, на службе с 10.09.1836 г. юнкер, переведен в Лейб-гвардии Кавказско-горский полужэскадрон Е.И.В. 3.04.1840 г. В 1849 г. за Венгерский поход был награжден австрийской золотой медалью «За храбрость и бантом к знаку отличия военного ордена» [20].

МУРЗАЕВ (он же – Бек-Мурзаев) Константин Дмитриев, прапорщик, суболтерн-офицер, прикомандированный к 1-му Урупскому конному полку Кубанского казачьего войска (12.09.1886 г.). Родился 15.05.1843 г. Воспитывался при доме родителей. До принятия православия в 1870 г. в Санкт-Петербурге носил имя Заал-бек, а после принятия стал именоваться Константином Дмитриевичем Бек-Мурзаевым (Мурзаевым). Крестным отцом его был генерал-лейтенант Дмитрий Иванович Скобелев², шеф Конвоя Е.И.В [21]. «Из Беков Дагестана, Шамхальского рода Дагестанской области». В службу вступил в 3-й взвод Л. Гв. Кавказского Эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя оруженосцем 1865 года мая 6. Произведен в юнкера 7 июня 1866 года. За выслугу лет произведен в прапорщики милиции Высочайшим приказом с зачислением по милиции 21 Августа 1869 года. Приказом по войску прикомандирован к 1-му Урупскому конному полку 18 октября 1871 года, куда прибыл 21 октября. Награжден серебрянной медалью с надписью «За храбрость» (25 марта 1856 года), «За покорение Чечни и Дагестана» и медалью с надписью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра Николаевича» для ношения на шее на Анненской ленте, имел крест «За службу на Кавказе», Знак отличия Военного ордена Св. Георгия 4-й ст. под № 1106 – 13 мая 1861 года [22].

² Дмитрий Иванович Скобелев, генерал-лейтенант, командир Конвоя в 1858-1865 годах, отец “Белого генерала” Михаила Дмитриевича Скобелева.

ТОКАЕВ Зурхай, штабс-ротмистр (1862 г.). В службу вступил оруженосцем в Л.-гв. Кавказский конно-горский полужэскадрон 1.04.1830г. Произведен в: юнкера 10.12.1833 г.; корнеты – 30.1834 г.: назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе 1.05.1835 г. Награды: Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия под № 65043; серебрянная медаль «За взятие г. Варшавы»; польский знак «За военное достоинство» 5-й ст. (1831 г.). [23].

ХАСАЕВ (он же **Уцмиев**) Хусей-Хан, корнет, князь. Назначен пажем к Высочайшему Двору – 17.08.1843 г. Поступил пажем в Пажеский Е.В. корпус 22.11.1845 г. Произведен в юнкера с переводом в Кавказский горский полужэскадрон (20.01.1852 г.), Высочайшим приказом – в корнеты с зачислением по кавалерии при Кавказском корпусе. (4.10.1853 г.). Прибыл на родину 1.11.1853 г. Проживал в дер. Аксай [24]. Имел серебр. медаль «За покорение Чечни и Дагестана» 1857, 1858 и 1859 гг., Знак отличия Военного Ордена под № 3733. Проживал в Кумыкском округе [25].

УЦМИЕВ ХАСАЙ (князь Хасай Мусаев Уцмиев) (22.03.1808 – Воронеж, 21.04.1867 г.). 4 апреля 1838 г. был переведен в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полужэскадрон корнетом [26]. Прослужил здесь до 1844 г. С декабря 1839 по 7 февраля был прикомандирован для службы на Кавказе «по уважению домашних обстоятельств отца его, ген.-майора Муссы Хассаева». Произведен в поручики 19.12.1841 г. В награду за храбрость и мужество, оказанные в деле против горцев 11 июля 1840 г. при реке Валерик награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость» (17.03.1841г.). Произведен в штабс-ротмистры 10.11.1841 г. За смотр полужэскадрона получил Высочайшее Монаршее благоволение 12.05.1842 г. Назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе с производством в майоры 18.02.1844 г. [27].

ЭЛЬДАРОВ Бийарслан (23 года), из кумыкских князей Терской области, окончил 2-й Кадетский корпус (1836 г.), в Конвое с 1 июля 1861 г. [28]. В 1849 г. за Венгерский поход награжден австрийской золотой медалью «За храбрость» и бантом к Знаку отличия Военного Ордена [29]. По окончании службы прикомандирован к Гребенскому казачьему полку.

Примечания

1. *Плотников Д.Н.* Собственный Его Величества Конвой // Военно-исторический журнал. М. 1991. №5. С. 62.

2. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк. СПб, 1911. С. 49.

3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), Ф.15. Оп.1. Д. 76. Л.2.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАСК). Ф. 332. Оп. 1. Д. 1. Л. 11
5. *Петин С.* Указ. соч. С. 129.
6. На службе просвещения. Автор и составитель К.Алиев. Махачкала. 2007. С. 14.
7. *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России (XVI – начало XX вв.). Махачкала. 2010. С. 299–300.
8. *Там же.* С. 184, 185, 189, 190, 192, 193.
9. *Там же.*
10. АС РСО-А. Ф. 12. Оп.5. Д. 63. Л.10.
11. АС РСО-А. Ф. 12. Оп.5. Д.339. Л. 25об; Ф.12. Оп. 4.Д. 65. Л.64.
12. ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.10. Л. 4–6.
13. АС РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д. 424. Л.32.
14. Лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон. Страницы истории. Составители: Р.К. Кармов, Айдаболова М.И. .Нальчик. 2002. С. 65.
15. АС РСО-А. Ф.12. Оп. 4. Д. 103. Л. 208 об.
16. Лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон. С. 16.
17. АС РСО-А. Ф. 12. Оп.5. Д.341. Л.30.
18. *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковский. С. 104–105; Лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон. С. 62.
19. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 1. Д. 104. Л. 5.
20. Лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон. С. 5.
21. ЦГА РД. Ф. 2.Оп. 3. Д. 142. Л. 20-20об.
22. ГАСК. Ф. 396. Оп.2. Д. 974. Л. 54, 59–62
23. АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 5.Д. 339. Л.179 об.
24. АС РСО-Алании. Ф. 12. Оп.5. Д. 339. Л.385 об.
25. АС РСО-А. Ф. 12. Оп. 5.Д. 339. Л.25 об.
26. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 425. Л.4.
27. АС РСО-А. Ф. 12. Оп.4. Д.65. Л. 63 об.
28. Лейб-гвардии Кавказско-горский эскадрон. С. 59.
29. Там же. С. 5.

Б.Е. Фролов (г. Краснодар)

Бородинское сражение: атака Черноморской гвардейской сотни на правом фланге (к постановке вопроса)

Отечественная война 1812 года – одно из важнейших событий российской и европейской истории начала XIX века. В этой войне, а также в заграничных кампаниях 1812–1815 годов, от Черноморского

войска участвовали Лейб-Гвардии конная Черноморская казачья сотня, 9-й пеший полк и 1-й сборный конный полк.

Наиболее долгий, тяжёлый и славный боевой путь прошла Черноморская гвардейская сотня. В составе русского арьергарда, чуть ли не ежедневно участвуя в боях с французами, дошли казаки до поля Русской славы – Бородино. В этой статье мы попытаемся рассмотреть небольшой, периферийный эпизод гигантской битвы – захват черноморцами двух орудий на левом фланге французской армии.

В день исторического Бородинского сражения Лейб-Гвардии Казачий полк и Черноморская сотня, которыми командовал генерал Орлов-Денисов, находились в составе кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова. Именно этот отряд и предпринял в разгар битвы рейд в обход левого фланга Наполеона. Ход этого рейда и его результаты до сегодняшнего дня являются предметом острой дискуссии среди историков.

В работе профессора Н. А. Троицкого, написанной не в описательном, а в аналитическом ключе, делается следующее заключение: «Обходной манёвр и удар по левому флангу Наполеона, на что рассчитывал Кутузов в надежде перехватить инициативу боя, не удалась. Восторги историков по поводу рейда Уварова и Платова лишены поэтому оснований» [1]. Тем не менее, историк признаёт «полезность» рейда для Русской армии. Оппоненты Троицкого – И.В. Галактионов и Ю.Ф. Соколов – называют подобную оценку «снижительно-пренебрежительной» и считают, что рейд позволил М. И. Кутузову привести в порядок свой левый фланг [2].

В.М. Безотосный, признавая неудовлетворённость русского командования итогами этой диверсии, полагает, что «она принесла больше пользы русской армии, чем нанесла вреда французской» [3]. Автор статьи об этом рейде в «Энциклопедии 1812 года» А.И. Попов, оценивая рейд как неудачный, напоминает, что остановка атак противника на два часа позволила русскому командованию подтянуть резерв, перегруппировать силы и подготовиться к дальнейшей обороне [4].

Б.С. Абалихин, оценивая просчёты вузовских и школьных учебников, отметил: «Во всех учебниках преувеличивается значение рейда казаков М.И. Платова и кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова. М.И. Кутузов, по приказанию которого совершался рейд, остался недоволен его результатами. Главную ответственность за неудачу фельдмаршал возлагал на Платова. В рапорте Александру I он сообщал, что войска Уварова не могли «что-либо важное предпринять... потому что казаки, кои с кавалерийским корпусом должны были действовать, ... так сказать не действовали». Из всех генералов, участво-

вавших в сражении, только Платов и Уваров не были представлены Кутузовым к награждению» [5].

Не вдаваясь больше в оценку самого рейда, попытаемся выявить степень участия черноморских казаков в исторической битве.

Обратимся вначале к работам известного исследователя истории Черноморского казачьего войска П.П. Короленко. Вот его описание интересующего нас эпизода: «В этом знаменитом сражении принимали участие и наши славные Черноморцы; сотня находилась в день боя на правом фланге армии и приняла участие в стремительной атаке нашей кавалерии на неприятельские батареи и при завладении ими. Во время этой атаки отважный хорунжий Безкровный с двумя взводами стремительно первым ворвался на одну из батарей; лихо заработали казачьи пашки, и вскоре батарея была уже в наших руках; во время атаки под хорунжим Безкровным была убита картечью лошадь, и сам он получил контузию в левую ногу. Невзирая на сильную боль, Безкровный остался в строю. Черноморцы при этом захватили в плен 1 кавалерийского полковника, артиллерийского офицера и 9 нижних чинов» [6].

Из этого отрывка мы узнаём, что черноморцы атаковали вражеские батареи, и одну из них захватил хорунжий Безкровный. Чтобы подстраховаться обратимся к первоисточнику – «Формулярному списку о службе и достоинстве атамана Безкровного». Судя по всему, именно отсюда почерпнул свои сведения П.П. Короленко. «1812, 26 августа в генеральном сражении под Бородино на правом фланге при атаке, врубаясь на батарею с двумя взводами, где убита под ним лошадь, сам от картечи контузию в левую ногу...» [7]. Дальше известные нам данные о пленных.

Обратите внимание, в формулярном списке ни слова о захвате батареи. Добавим также, что ко времени Бородинского сражения А.Д. Безкровный имел уже чин не хорунжего (как пишет Короленко), а сотника (произведён 14 февраля 1812 года). Попутно заметим, что казачьи пашки «заработать» не могли, так как их просто не было у казаков. Для Черноморской гвардейской сотни по заказу в Туле были изготовлены легкокавалерийские сабли [8].

Но вернёмся к анализу статьи П.П. Короленко. Через два листа, после описания подвига Безкровного, идёт речь о действиях командира сотни – А.Ф. Бурсака: «26 августа он участвовал в генеральном сражении при Бородино, в атаке на неприятельские батареи и при завладении ими; за особое отличие в этом сражении он был «рекомендован» [9]. В данном случае слова историка подтверждаются послужным списком А.Ф. Бурсака: «26 августа в Генеральном сражении при Бородине в атаке на неприятельские батареи и при завладении оных» [10].

Мнение П.П. Короленко полностью разделил известный кубанский краевед В. П. Бардадым [11]. Подобная точка зрения характерна ещё для целого ряда работ кубанских авторов с явно выраженным компиляторским характером.

С сожалением приходится констатировать, что интересующий нас эпизод практически не привлекал внимания специалистов по истории войны 1812 года.

Некоторую информацию удалось найти в трудах выдающегося военного историка генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского. В работе 1843 года он написал: «... Первая атака была поручена графу В.В. Орлову-Денисову с полками лейб-гусарским, лейб-казачьим и Елисаветградским гусарским. Он должен был спуститься в овраг и, поднявшись на противоположный высокий склон, выстроить полки под огнём неприятельской артиллерии. Атакованная французская пехота, отстреливаясь, поспешно отошла назад, потеряв два орудия...» [12]. Итак, автор ведёт речь не о захваченной батарее, и, тем более, батареях, а о двух орудиях.

Мало того, через два года историк скорректировал свою точку зрения. «В величайший день Бородинской сечи, 26-го августа, граф Орлов-Денисов находился в первом кавалерийском корпусе Уварова... Уваров препоручил первую атаку графу Орлову-Денисову с полками Лейб-гусарским, Лейб-казачьим (в котором состояла Черноморская сотня) и Елисаветградским гусарским... Одолев все препятствия, пустился он в атаку на стоявшую вблизи пехоту. Отстреливаясь, пехота поспешно отошла назад. Находившаяся при ней батарея едва успела отступить...» [13].

Эту же точку зрения высказывает А.И. Попов в цитированной выше «Энциклопедии 1812 года»: «Оставшаяся без прикрытия баварская батарея поспешно отступила». Ещё более интересные сведения приводятся в работе этого же автора, посвящённой Бородинской битве. «... Пока итальянцы приводили свои ряды в порядок, баварские полки: 4-й слева, 5-й справа – бросились в атаку на донцов и схватились с ними на опушке леса. Из-за этих, сделанных второпях, передвижений баварская батарея внезапно осталась одна без прикрытия на кромке берега Войны. «Уже два раза, – вспоминал командир батареи, – подразделения казаков продвигались по дефиле, но под картечным огнём батареи снова отступали назад; более всего подвергался угрозе неприятеля левый, теперь оголённый, фланг этой батареи. Здесь на изгибе левого фланга стояли два орудия и стреляли по русской кавалерии, которая уже находилась по эту сторону дефиле и атаковала

батарею. Лишь благодаря рассудительному мужеству командовавшего этими двумя пушками лейтенанта Белли де Пино удалось отразить налетевших на орудия казаков. Тем временем прибыл ко мне адъютант генерала Орнано... с приказом о том, что батарея должна немедленно спастись отступлением. Тотчас приказал я взять орудия на передки. Едва батарея снялась с позиции, как на дамбу ворвались русские кавалеристы» [14].

Подведём итог цитированного материала. Во-первых, против казачков действовала только одна батарея; во-вторых, это была баварская батарея; в-третьих – батарея успела успешно отступить. Как соотносить эти сведения с данными формулярных списков мы пока не знаем. Возможно, два орудия, стоявшие на левом фланге, были приняты за отдельную батарею, и речь затем пошла об атаках на батарее противника. Но как быть с фактом успешного отражения казачьих атак этими двумя пушками и благополучным (хотя и поспешным) отступлением неприятельской батареи. На этот счёт есть несколько, казалось бы, логичных объяснений, но все они из области предположений. Требуется поиск новых источников.

В заключение ещё об одной странности этого боя. О захвате вражеских «батарей» говорится только в формуляре командира сотни А.Ф. Бурсака. У А.Д. Безкровного речь идёт только об атаке батареи, но не «овладении оной». А вот в формулярных списках нижних чинов Черноморской гвардейской сотни уже нет записей и об атаке каких-то батарей. К примеру, в формулярном списке казака А.И. Бондаренко сообщается: «26 под Бородином на правом фланге в атаке противу конницы и пехоты под картечными выстрелами» [15]. То есть в качестве главного объекта атаки выделена пехота и конница, а вражеская артиллерия противодействует этому.

Начиная работать над статьёй, автор уже знал, что не сможет дать чёткого и однозначного ответа о событиях, происходивших 26 августа 1812 года на Бородинском поле во время атаки казаками левого фланга французских войск. В этом нет ничего страшного: историческое познание по своей природе относительно, а прошлое зачастую представляет собой мозаичную картину, которую исследователи пытаются реконструировать из обломков.

Задача заключалась в том, чтобы в очередной раз привлечь внимание историков к небольшим и, казалось бы, малозначительным сегментам прошлого. Часто они кажутся хорошо известными, а их интерпретации освящены временем и обронзовевшими именами. Несколько лет назад автор, в содружестве с О.В. Матвеевым, предпри-

нял попытку снять слой мифологической шелухи с различных событий военной истории кубанского казачества [16]. Но работы в этом направлении ещё непочатый край, о чём свидетельствует и настоящая статья. Для решения такой грандиозной задачи требуются консолидированные усилия научного сообщества.

Примечания

1. *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 166.
2. Военно-исторический журнал. М., 1990. №7. С. 91.
3. *Безотосный В. М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М., 1999. С. 78.
4. *Попов А. И.* Платова и Уварова рейд // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004. с. 572.
5. *Абалихин Б. С.* О вреде чтения школьных и институтских учебников / Родина. 1992. №6-7. С. 181-182.
6. *Короленко П. П.* Кубанцы в войне 1812 года // Кубанский сборник 1913 года. Екатеринодар, 1913. Т. XVIII. С. 538.
7. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 250. Оп. 2. Д. 582. Л. 1.
8. *Фролов Б. Е.* Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 47.
9. *Короленко П. П.* Указ. соч. с. 543.
10. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1205. Л. 31.
11. *Бардадым В. П.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 50, 56.
12. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г. СПб, 1843. Ч. 2. С. 225.
13. *Михайловский-Данилевский А.И.* Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Военная галерея Зимнего Дворца. СПб, 1845. Вып. 20. С. 7.
14. *Попов А. И.* Бородинское сражение. Боевое действие на северном фланге. Самара, 1995. С. 75-76.
15. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 250. Л. 109.
16. *Матвеев О. В., Фролов Б. Е.* Страницы военной истории кубанского казачества. Краснодар, 2007.

Ш.М. Батчаев (г. Карачаевск)

Представители Карачая на службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое

Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон (1828–1857) [Кавказский эскадрон (1857–1882)], сформированный по указу Импера-

тора Николая Павловича из представителей горской аристократии, как известно, предназначался для конвойной службы при Высочайшем Дворе. Пройдя в течение нескольких лет службу в этом элитном подразделении, горцы, произведенные в большинстве своем в офицеры, возвращались на Кавказ, где прикреплялись к казачьим и кавалерийским полкам, либо поступали на административную службу. За время существования полускадрона в нем служили представители практически всех народов Кавказа.

Количество карачаевцев, проходивших службу в Конвое, конечно, несравнимо с другими горцами. Тем не менее, их судьбы, на наш взгляд требуют своего исследования. На сегодняшний момент нам удалось выявить следующих представителей Карачая.

Карамырзаев (Карамурзин) Бек-Мырза Таусолтанович (около 1840 – после 1900 г.) родился в княжеской семье в с. Карт-Джурт. Получил начальное образование. Участвовал в Кавказской войне. Произведен в прапорщики 01.06.1864 г. В 1866 г. поступил оруженосцем в состав конвоя. 21.08.1869 г. в чине прапорщика вернулся на родину, где числился по милиции. Был награжден серебряной медалью «За службу в Собственном Конвое Государя Императора Александра Николаевича» [1]. Принимал активное участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Был субалтерн-офицером 1-й сотни пехотной милиции горцев Баталпашинского уезда, участвовавшей в походе Марухского отряда русских войск через перевалы летом 1877 г. и освобождении Абхазии [2]. В представлении к награждению, составленном начальником Баталпашинского уезда капитаном Ф.А. Кузовлевым 28 ноября 1877 г., отмечалось «Всегда аккуратным и толковым исполнением поручений на службе милиции, возложенных на него, как хорошо знающего русский язык, ... обращал на себя внимание. Принимал участие в перестрелках под Сухумом. За таковую усердную и полезную службу полагал бы наградить чином подпоручика». Начальник Кубанской области генерал-лейтенант Н.Н. Кармалин выразил свое согласие и поддержал это ходатайство [3]. В 1878 г. за отличия в войне Б.-М. Карамырзаев был произведен в чин подпоручика милиции [4]. Впоследствии активно занимался общественной деятельностью, был представителем селения Ташкепур, где проживал в последние годы.

Сары-Мырза Абдурахманович Боташев родился около 1849 г. в дворянской (узденской) семье в с. Карт-Джурт. Прошел «курс наук с отличным успехом в Каладжинской горской школе и весьма хорошо грамотен». С 19 лет служил всадником сотни Кубанской горской постоянной милиции. Имел «весьма хорошее состояние» [5]. В 1873 г.

был основным кандидатом на включение в состав Конвоя от Баталпашинского уезда, однако в окончательный набор не попал [6]. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В представлении его к награждению, составленном начальником Баталпашинского уезда капитаном Ф.А. Кузовлевым 28 ноября 1877 г., отмечалось: «Не состоя на службе и не получая никакого жалования, он, в течение двух месяцев, находился при заведующем транспортом, помогая ему в исполнении всех лежавших на нем обязанностей. И как человек грамотный и горец был весьма полезен. За что полагал бы наградить малой Золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Анненской ленте». Ходатайство было поддержано Начальником Кубанской области генерал-лейтенантом Н.Н. Кармалиным, который, правда, заменил награду Серебряной медалью «За усердие» для ношения в петлице на Станиславской ленте [7]. Его и был награжден С.-М. Боташев в 1878 г. [8]. В последующие годы С.-М. Боташев занимался общественной деятельностью.

Наиболее известен из представителей Карачая, служивших в Императорском Конвое, **Ислам Пачаевич (Хасанович) Крым-Шамхалов**. Он родился около 1860 г. в с. Карт-Джурт. Его дед – правитель (олий) Карачая Ислам Ачахматович Крым-Шамхалов, подписавший договор о вхождении Карачая в состав Российской Империи в 1828 г.

После ранней смерти матери (около 1871 г.) И. Крым-Шамхалов воспитывался дядей по матери И.М. Урусбиевым в Баксанском ущелье, где получил домашнее образование (арабское письмо, основы мусульманского вероучения, русский язык), его некролог указывает, что «как мусульманин, он читал Коран и прекрасно знал по-арабски». В 1877 г. поступил на учебу в Ставропольскую мужскую гимназию (на горское отделение), где проучился два года [9]. В конце 1878 г. поступил на службу в Собственный Его Императорского Величества Конвой, в последнем составе которого прослужил три года. Высочайшим приказом 8.10.1881 г. произведен в чин прапорщика [10]. Как служивший при Императоре Александре II, погибшем в результате трагедии 1 марта 1881 г., получил право на ношение жетона с вензелем Императора.

По окончании службы вернулся на родину, занимался домашним хозяйством. В 1891–1892 гг. работал конторщиком на руднике «Эльбрус». В это время устанавливается его дружба с известным поэтом К.Л. Хетагуровым. После переезда на место будущего курорта Теберда в 1893 г. служил в лесничестве: в начале в качестве помощника, а затем заведующим Карачаевскими общественными лесами [11]. Вел борьбу с браконьерством и незаконной вырубкой леса [12].

Ислам Крым-Шамхалов вел активную общественную деятельность. В начале XX в. он был избран на должность общекарачаевского казначея. Затем был избран общекарачаевским доверенным («доверенный Карачаевского народа») (1905–1909 гг.). В этом качестве участвовал в работе съезде Уполномоченных аульных обществ, где рассматривался земельный вопрос (2.02.1908 г.) [13].

И. Крым-Шамхалов сыграл решающую роль в развитии курорта в Тебердинском ущелье. Предложения о его развитии им было подготовлены вместе с вторым доверенным Ахматом Байрамуковым и направлены заместнику Кавказа графу И.И. Воронцову-Дашкову в 1909 г. [14]. Как отмечается в некрологе, Крым-Шамхалов «путем рекламирования и пропаганды, обратил всеобщее внимание» на этот курорт.

Ислам Крым-Шамхалов проявил себя также как мыслитель, деятель культуры и искусства. Он призывал мусульманские народы брать от Запада только те достижения, которые полезны народу – социальные, образовательные, научные достижения (горцу «нужно сделаться научно просвещенным человеком»), но сохранять богатство своего духовного уклада (горцы должны «безусловно и обязательно оставаться горцами и по воспитанию, и по духовному складу») [15]. В дореволюционных публикациях о нем говорится, что Крым-Шамхалов «был поклонником Л.Н. Толстого».

Он внес значительный вклад в национальное изобразительное искусство, являлся первым профессиональным художником Карачая. Поступал в «Училище ваяния, зодчества и живописи» (художественную школу) в Москве, но в первый же год обучения заболел туберкулезом и вернулся в Теберду (в 1898 г.). Обучался изобразительному искусству у знаменитого художника-передвижника Н.А. Ярошенко, который неоднократно посещал Большой Карачай, долины рек Эшкакона, Теберды, Зеленчуков; и написал до 25 произведений, в которых воплощены пейзажи и образы людей Карачая. В книге И.В. Мушкетова «Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты на Кавказе» (1896) помещены рисунки Крым-Шамхалова: «Вершина Бель-ала-кая»; «Вершина Домбай-Ульгена»; «Вершина ледника Птыш»; «Ледник Аманауз»; «Ледник Алибек-Ульген»; «Клухорская тропа»; «Клухорское озеро». В кисловодском дом-музее Н.А. Ярошенко сохранилось два произведения Крым-Шамхалова – картина «Ярошенко на этюдах в Березовской балке» и горный пейзаж. В разных источниках упоминаются его работы – пейзажи «Чертов замок», «Уборка сена», «Домбай-Ульген», «Муху-Баши», «Бадукские озера», «Березовая роца», «Лес», «Аманауз»,

«Озеро Кара-Жель», «Сосна», образы людей – «Женщина с ребенком», «Сказитель», «Старик карачаевец», «Стога», «Портрет женщины», «Портрет юноши», «Мать и малыш». Его произведения экспонировались на художественной выставке в Москве [16].

Имеются данные о том, что Ислам Крым-Шамхалов являлся зачинателем в культуре Карачая европейского музыкального искусства (хорошо играл на скрипке; обучался музыке у композитора Венявского) [17].

По имеющимся данным, свою литературную деятельность он начал с 16-17 лет, проявил себя как в поэзии, так и в прозе. Лишь в советское время впервые опубликованы его поэтические произведения: «Волк и кот» (на карачаевском языке, 1926), «Из альбома» (на карачаевском языке, 1965), а в постсоветское – литературные переводы на русский язык стихотворений «На берегу моря», «Оживляя холодные камни...» (2003), «Сон», «Лев и слон» (2004) в переводе члена СП СССР и РФ А.А. Суюнчева. Из прозы сохранился рассказ «Карачаевское горе» (опубликован в 1910 г.). Ряд произведений был утрачен после смерти автора [18].

Ислам Крым-Шамхалов проявил себя и как талантливый публицист. Известны его статьи «Новое богатство Карачая» (газета «Северный Кавказ», Ставрополь, 1896. №26), «Из Карачая» (газета «Кубанские областные ведомости», Екатеринодар, 1903. №100), «Письмо в редакцию» (журнал «Мусульманин», Париж, 1910. № 2. С.55–56). Имеются данные о литературно-переводческих работах (упоминается перевод басен Крылова) [19].

Вел И. Крым-Шамхалов и научную деятельность. Известны его селекционные опыты, направленные на возрождение национальных пород скота (в первую очередь – крупного рогатого). Он отмечал, что молоко коров карачаевской породы, даже при том, что они не имеют «ни теплого помещения, ни достаточного количества сена, никакого зернового корма» – превосходит по жирности (4,79%) молоко призового племенного скота (4,19%), живущего «при всем полученном комфорте». Им, первым среди карачаевцев в Теберде, был заведен образцовый сад [20].

Известны его усилия в области филологии; по публикации 1911 г. известно, что он «работал над изобретением азбуки для карачаевского языка» на основе латинской графики [21].

И. Крым-Шамхалов собрал коллекцию полезных ископаемых края. Также активно содействовал геологической экспедиции профессора И.В. Мушкетова (1895 г.), предназначенной обследовать район Теберды-Домбая в связи с проектом прокладки железнодорожной трассы к Черному морю через Главный Кавказский Хребет (на участ-

ке между р. Аманаузом и долиной Чхалты планировалась прокладка девятикилометрового тоннеля). И.В. Мушкетов писал о роли Крым-Шамхалова: «Он полезен мне был в организации каравана и подборе проводников, а также своими прекрасными рисунками наиболее типичных, исследованных нами ледников» [22].

Помимо этого, Ислам Крым-Шамхалов осуществлял предпринимательскую деятельность, был инициатором аграрного новаторства. Для создания первой в Карачае образцовой молочной фермы в январе 1895 г. он арендовал на 12-летний срок в Теберде земельный участок. Для непосредственного ознакомления с передовым молочным хозяйством страны Крым-Шамхалов совершил поездки в разные районы Центральной России, где посетил образцовые фермы А. Герна (Смоленской губернии), молочную школу Верещагина (с. Едимоновка Тверской губернии), отдел молочного хозяйства и скотоводства на Нижегородской выставке (1896 г.). Наладив свое сыроваренное производство, Ислам посчитал необходимым на год нанять сыровара из школы Н. Верещагина – С. Морозова. Его сыроваренный цех (оснащенный передовой для своего времени техникой типа сепаратора Альфа-беби «большого калибра») с 1896 г. выпускал несколько сортов сливочного масла, популярный сорт сыра «Бакштейн», который раскупался нарасхват [23]. Он стремился наладить производство по последнему слову экономической науки. И. Крым-Шамхалов был первым карачаевцем, владевшим своим заводом (скипидарным) [24].

Умер Ислам Крым-Шамхалов в результате обострения туберкулеза 3 декабря 1910 г. в Ялте, где был первоначально похоронен (на местном мусульманском, крымско-татарском кладбище) [25]. Три месяца спустя карачаевская делегация (во главе с А.М. Байрамуковым) перевезла его из Крыма в курорт Теберду, где И. Крым-Шамхалов был похоронен вторично (могила находится на общественном кладбище Джамагъат на правом берегу р. Теберды) [26].

На сегодняшний день выявлены, таким образом, два карачаевца, которые прошли службу в Императорском Конвое. Новые разыскания, возможно, позволят расширить этот список.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 2089. Л. 335об.
2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2256. Л. 5.
3. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2089. Лл. 335об-336.
4. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1878 г. № 355
5. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 169. Л. 15.

6. Там же. Л. 62 об.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2089. Лл. 237-238.
8. Приказы по Кубанскому Казачьему войску за 1878 г. № 447.
9. Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова // Мусульманин. – 1911. - № 6-7.
10. *Вершигора А.Д.* Горские офицеры и полные георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска и территории Кубанской области на службе России (конец XVIII – начало XX в.). / <http://slavakubani.ru/>
11. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Сост., пред., комм. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: «Эльбрус», 1993. – т.1. С. 123.
12. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5295.
13. *Хатуев Р.Т.* Ислам-Бий. – Черкесск, 2009. С. 44.
14. Архив Карачаевского научно-исследовательского института. Ф. 12. Д. 51. Л. 5-6.
15. Письмо И. Крым-Шамхалова – Мусульманин – 1910-. №2. С. 55-56.
16. *Баразбиев М.И.* Генеалогия Ислама Крым-Шамхалова // Генеалогия Северного Кавказа. – 2002. - № 4.
17. *Хатуев Р.Т.* Ислам-Бий. С. 77.
18. *Суюнчев А.* «Я вместе с друзьями нес факел просвещения» // Экспресс-Почта. – 2004. – 22 апреля
19. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное. Т.1. С. 124.
20. *Шаманов И.М.* Земледелие и земледельческий быт карачаевцев // Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1971. - С. 92, 93
21. Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крым-Шамхалова // Мусульманин. 1911. № 6-7
22. *Мушкетов И.В.* Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты на Кавказе. – СПб. 1896. С. 3.
23. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 946. Лл. 9-12
24. *Тебуев Р.С.* Зарождение промышленности в Карачаево-Черкесии (40-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Черкесск, 1975. С. 147
25. Мусульманин. – 1911. – № 1.
26. Личный архив автора.

В.В. Слободенюк (г. Краснодар)

Празднование столетнего юбилея Кубанской казачьей гвардии

18 мая 1911 г. Собственный Его Императорского Величества Конвой праздновал свой столетний юбилей. За прошедшие годы Конвой Его Величества покрыл себя неувядаемой славой и впледел ценный венок в боевые подвиги русских доблестных войск [1].

Императорская гвардия покрыла себя славой в войне с Наполеоном, не раз французы в превосходных силах отступали перед отчаянной решимостью и смелостью казаков; в битве под Лейпцигом Конвой спас жизнь Императору Александру I и двум союзным монархам. При освобождении Балкан, под Ловчей турки не смогли устоять перед лихой и страшной в своей стремительности атакой терцев. Государев Конвой участвовал во всех кампаниях XIX века и в Великой войне 1914 года. Три Георгиевских штандарта, 12 серебряных Георгиевских труб, знаки «за отличия» на шапках – свидетельства боевой службы части. За более чем 100-летнее его существование до 1917 года, в эскадронах и командах Конвойя одновременно проходили службу горцы-мусульмане Кавказа, грузины, крымские татары, другие народности Российской Империи. Служить в Собственном Его Императорского Величества Конвое всегда считалось высшей честью для казаков Кубани и Терека [2].

Кубанские сотни Его Величества Конвойя, а вместе с ними и весь Конвой, вели свое старшинство с 18 мая 1811 г. Именно эта дата стоит на предписании военного министра М.Б. Барклая де Толли за № 1314 Херсонскому военному губернатору генерал-лейтенанту Дюку де Ришелье, в котором сообщалось следующее: «Его Императорское Величество, в изъявление Монаршего Своего благоволения к Войску Черноморскому, за отличные подвиги их против врагов Отечества нашего, во многих случаях оказанные, желает иметь при Себе, в числе гвардии своей, конных сотню казаков от Войска Черноморского из лучших людей, под командою из их же войска одного штаб-офицера и потребного числа офицеров из отличнейших людей; команда сия будет здесь пользоваться всеми теми правами и преимуществами, какими пользуется и вся прочая гвардия.

Во исполнение сего Монаршего соизволения, покорнейше прошу Ваше Сиятельство, объявить Войску таковую к нему Монаршую милость, уведомить, что командовать тою сотней назначен уже, находящийся ныне здесь (т.е. в Санкт-Петербурге), войсковой полковник Бурсак 2-й, коего с сим же к Вашему Сиятельству препровождая, покорнейше прошу отправить его в войско для выбора лучших людей с исправною сбруею и с ним же послать одного казака в образцовой обмундировке: предписать атаману того войска, чтобы выбор сей сотни казаков и офицеров сделан был сколь возможно возможно поспешнее и по отправлении в каком состоянии они будут, доставил бы мне именныи и послужные списки всем офицерам и казакам. На случай же сего выступления их из войска к С.-Петербургу, чтобы в пути имели

они надлежащее продовольствие, дано от меня должное предписание генерал-провиантмейстеру» [3].

Первым командиром сотни был назначен, состоявший в то время адъютантом при Военном министре войсковой полковник Афанасий Федорович Бурсак (2-й). Он отличался высоким благородством правил, независимостью характера и замечательным для своего времени и своей среды образованием. 18 мая 1811 г. он был командирован в Черноморское казачье войско для формирования сотни и по прибытии туда деятельно занялся этим делом. Немало трудов было им положено, но поручение блестяще выполнено и к 15 ноября сотня была вполне сформирована, снаряжена и обмундирована [4].

День рождения Лейб-Гвардии Черноморской казачьей сотни впоследствии был принят за день рождения Конвойя.

1911 г. был весьма знаменательным в жизни Его Императорского Величества Конвойя. К своему столетнему юбилею Конвойя готовился задолго до начала торжеств.

За год до юбилея была образована юбилейная комиссия. Были заказаны проекты нагрудного знака Конвойя, браслеты с нагрудным знаком Конвойя для Государыни Императрицы и для Великих княжен. Такие же браслеты юбилейной комиссией были заказаны и всем дамам Конвойя. Офицерам и урядникам, назначенным быть на юбилее в исторических формах, шилось каждому по мерке соответствующее обмундирование.

Были разосланы приглашения: Войсковому Атаману Кавказских Казачьих Войск, Наместнику Его Величества на Кавказе генерал-адъютанту графу Воронцову-Дашкову, Наказным Атаманам и начальникам штабов Кубанского и Терского Казачьих Войск; всем здравствующим бывшим офицерам и командирам Конвойя.

Через Войсковые штабы были посланы приглашения всем казакам – старым конвойцам, которых и прибыло на юбилей до 1000 человек. На Тереке для казаков были заказаны бочки с вином, а для офицерского собрания были выписаны с Кавказа лучшие сорта вин.

Параллельно с работой юбилейной комиссии велась строевая подготовка к предстоящим торжествам. Проверялось парадное обмундирование и снаряжение. Свободные от службы сотни вели усиленные конные учения, заканчивавшиеся репетициями предстоящего юбилейного парада. Из всех 4 сотен Конвойя были выбраны лучшие джигиты, которые и начали свою тренировку с ранней весны 1911 года.

Казакам-джигитам были заготовлены призы: карабины, охотничьи ружья, револьверы, пашки, кинжалы и часы. Были приняты

меры по приему и размещению в квартирах гостей – старых казаков Конвоя [5].

Несомненно весьма серьезно к празднованию 100-летия Конвоя подошли и в столице. За короткое время, на месте старого офицерского собрания в Царском Селе, небольшого деревянного дома, было построено каменное здание в древнерусском стиле. Внешне, новое здание офицерского собрания напоминало дворец царевича Дмитрия в Угличе. Заканчивалось строительства новых казарм [6].

Торжественно отпраздновать юбилей части готовились и сами казаки-конвойцы, и Царский двор, и Кавказские казачьи войска – Кубанское и Терское. Самым важным мероприятием было их присутствие в Санкт-Петербурге во время чествования доблести Конвоя. Задолго до праздника начались переговоры о направлении в столицу особых делегаций от войск для поднесения поздравлений.

29 декабря 1910 г. командир Конвоя генерал-майор князь Трубецкой сообщил для сведения наказному атаману Кубанского казачьего войска Бабычу, «что по Всеподданнейшему докладу Его Императорскому Величеству о праздновании 18 мая 1911 г. столетнего юбилея Собственного Его Императорского Величества Конвоя, Государю Императору благоугодно было выразить Свое согласие, чтобы в поднесении поздравления с юбилеем участвовали делегации от Кубанского и Терского казачьих войск. Каждая в составе: Наказного Атамана, его начальника штаба, по одному штаб и обер-офицеру, при шести казаках (1 вахмистр, 2 урядника и 3 казака). В составе делегации могут быть и не служившие в Конвое». А Наказный Атаман в свою очередь изволил приказать атаманам найти вахмистров, урядников и казаков, как служивших в Конвое, так и не служивших в оном, лишь бы они имели Знаки отличия Военного Ордена (чем больше, тем лучше), чтобы были представительны из себя, могут быть конного и пешего составов. Из выбранных атаманами отделов в г. Екатеринодаре будут окончательно выбраны: вахмистр, 2 урядника и 3 казака. Обмундированы они будут за войсковой счет, по примеру делегации на Полтавский юбилей. Казак может быть один выбран и от строевой части, но видный из себя. На штаб и обер-офицеров составить список для выбора в делегацию. Атаманы отделов выборы должны закончить к 1 марта, и к 15 марта выслать выбранных в войсковой штаб для окончательного выбора делегации [7].

Утром, 9 мая, чины Кубанской делегации прибыли в Петербург. В состав делегации от Кубанского казачьего войска вошли: Наказной Атаман, генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч, Начальник вой-

скового штаба, генерал-майор Андрей, Иванович Кияшко, атаман Екатеринодарского отдела, полковник Павел Никифорович Камяченко, пристав ст. Таманской, есаул Владимир Илларионович Толстой, подхорунжий Иван Степанович Калаушин, вахмистр Илларион Прохорович Филимонов, вахмистр Павел Данилович Свищев, старший урядник Ефим Васильевич Жениленко, старший урядник Федор Степанович Шелих, старший урядник Василий Сидорович Благодырь [8].

От Терского казачьего войска на торжества, посвященные юбилею Конвоя, прибыли: Наказной атаман, генерал-лейтенант Михеев, Начальник штаба, генерал-майор Чернозубов, войсковой старшина Мистулов, есаул Борисов и 6 нижних чинов [9].

Поприветствовать родную часть с днем ее вековой службы прибыли и старые конвойцы.

Кубанцы в первые дни мая посещали светские мероприятия, были на приемах у чиновников, однако основные празднования юбилея конвоя проходили с 17 по 27 мая.

Юбилейные торжества начались 17 мая в Петропавловском соборе Санкт-Петербургской крепости, в усыпальнице Императорского Дома, где в 11 часов утра была отслужена панихида по державному основателю и шефам Конвоя: Императорам Александру I, Николаю I, Александру II и Александру III, перед которой были возложены роскошные венки из живых цветов на гробницы четырех Императоров [10].

В этот день в зале Малого Царскосельского Дворца была совершена прибавка юбилейного Георгиевского штандарта, жалуемого Собственному Его Императорского Величества Конвою. Осенив себя крестным знаменем, Его Величество тремя ударами вбил первый гвоздь, второй гвоздь вбил Наследник Цесаревич. В прибавке штандарта, принимали участие Войсковой Атаман Кавказских казачьих войск, наместник Его Величества на Кавказе генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, министр Императорского Двора генерал-адъютант барон Фредерикс, командир Конвоя Свиты Его Величества генерал-майор князь Трубецкой, Наказные Атаманы Кавказских казачьих войск, офицеры Конвоя и нижние чины Конвоя.

По окончании прибавки штандарта, Государь Император привязал на него юбилейную ленту и Георгиевский темляк. Затем штандарт был передан знаменщику и был перевезен на хранение в Большой Дворец [11].

18 мая, в день столетия Конвоя, на площадке Большого Царскосельского дворца был молебен с освящением пожалованного штан-

дарта и парад в Высочайшем присутствии. Утром, все конвойцы, как состоявшие в Конвое на службе в день его юбилея, так и прежде в нем служившие и прибывшие на юбилей, выстроились перед дворцом тремя фасадами, огибавшими дворцовую площадь.

Первый фас занимал Конвой в конном строю, при полной парадной форме, имея на правом фланге своего строя хор трубачей лейб-гвардии гусарского Его Величества полка.

Второй фас общего построения занимали офицеры и казаки Конвоя в исторических формах, начиная с 1811 года Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона, лейб-гвардии Кавказского Линейного казачьего эскадрона, грузинского, мусульманского, Горского и Лезгинского взводов Лейб-Гвардии Кавказского эскадрона и Лейб-Гвардии команды крымских татар.

Третий фас составляли старослужащие конвойцы и члены делегаций. Все свободные места площадки занимали многочисленные зрители [12].

Ровно в 11 часов раздались звуки встречи. Конвой отдавал честь Государю Императору, подъехавшему на белом коне и одетому в красный мундир Конвоя при Андреевской ленте. Проезжая по фронту, он здоровался с казаками и поздравлял их с праздником. Ответные радостные клики и громкое «ура» неслось по фронту, зазвучал гимн.

Объехав развернутый строй Конвоя, строй офицеров и казаков в исторической форме, а также строй старых конвойцев, Государь Император остановился у среднего подъезда Екатерининского дворца.

Перед началом молебна старый Георгиевский штандарт кубанцев, пожалованный еще за Лейпцигское сражение, с воинскими почестями был увезен из строя на хранение в Екатерининский дворец. Затем, к аналою старший вахмистр в предшествовании адъютанта поднес новый георгиевский штандарт. Отдавая честь штандарту, казаки вынули пашки, и командир Конвоя прочитал перед фронтом Высочайшую грамоту о пожаловании штандарта. Из фронта были вызваны певчие на молебен, в конце которого юбилейный штандарт был освящен. При окроплении его святой водой, Император и командир Конвоя держали штандарт за края.

Затем Государь, взяв штандарт, вручил его преклонившему колено командиру Конвоя, а тот, в свою очередь передал его колена преклоненному штандартному уряднику. Блеснули пашки, и под звуки труб штандарт провезли вдоль фронта.

После этого начался церемониальный марш. Конвой проходил посотенно шагом, далее – полусотенно рысью и повзводно наметом, каждый раз слыша Царское: «Спасибо, казаки!». Исторический взвод проходил

по три всадника. После церемониального марша штандарты, юбилейный и Терский, с воинскими почестями были отвезены во дворец, и присоединены к старому штандарту Лейб-Гвардии Кубанских сотен, и Конвой вновь выстроился на три фаса заездом в карьер фланговых сотен.

Государь Император подъехал к середине и обратился к Конвою: «Сто лет Конвой честно и верно служил своим Царям и Родине, как в походах, так и в мирное время. Предки мои ценили, как и я, беззаветную преданность Кубанских и Терских казаков Конвоя. Уверен, что и грядущие его поколения будут служить по примеру своих славных предков. Благодарю прежде служивших и ныне находящихся в строю Конвоя за службу, казаки, мое сердечное спасибо! За дальнейшую славу моего Конвоя, за здоровье прежде в нем служивших и за ваше здоровье, казаки, ура!» Ответом были торжественные клики, долго не умолкали они после здравниц Государю, Государыням Императрицам и Августейшему Атаману.

Еще раз, направляясь в свои казармы, прошел Конвой перед Государем Императором с хором трубачей Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка, игравших марш, составленный из песен Черноморских казаков.

За сотнями Конвоя проследовал исторический взвод. За офицерами в исторических формах во второй шеренге находились казаки, каждый был в форме, соответствующей своему офицеру. На этом юбилейный парад закончился [13]. Офицеры Конвоя с супругами, депутаты, бывшие конвойцы были приглашены к Высочайшему завтраку. Казаки также были приглашены на завтрак, но в особом помещении [14].

За Высочайшим завтраком во дворце Его Величество провозгласил тост: «За вековую славу Моего Конвоя, за здоровье ныне служащих и прежде служивших в нем и за депутации от Кубанского и Терского казачьих войск» [15]. Все, приглашенные к завтраку, удостоились милостивой беседы. Перед отъездом в Малый Дворец, Государь Император сфотографировался в общей офицерской группе [16].

В этот же день многие офицеры и казаки конвоя получили повышения в чинах. Нижним чинам пожаловано: имеющим знаки отличия Военного ордена – по 5 руб., имеющим шевроны – по 3 руб., прочим – по 1 рублю на каждого. Кроме того, всем нижним чинам пожаловали по серебряному рублю чеканки 1911 г. Вечером для нижних чинов Конвоя в районе казарм устроили ряд развлечений, завершившихся блестящим фейерверком [17].

18 мая, в день столетнего юбилея, Конвоем было получено более двухсот поздравительных телеграмм, в том числе телеграммы: от Го-

сударыни Императрицы Александры Федоровны, Государыни Императрицы Марии Федоровны, Великого Князя Михаила Александровича, Великой Княгини Ольги Александровны, Великого Князя Николая Николаевича, временно командующего округом генерала от инфантерии Газенкампа, генерала-от-инфантерии Богдановича, Генерала-адъютанта Струкова, бывшего Наказного Атамана Кубанского казачьего войска генерала от кавалерии Маламы, егермейстера Мамонтова, командира 1-го Линейного генерала Вельяминова полка Кубанского казачьего войска, командира 16-го стрелкового полка полковника Кияновского, атамана Майкопского отдела полковника Лагунова, помощника начальника офицерской кавалерийской школы Багратиона, члена Военного Совета, генерала от артиллерии Яцкевича, генерала Маннергейма, генерала Баратова, командира 3-й Кавказской казачьей дивизии генерал-лейтенанта Хелмицкого, городского головы г. Екатеринодара Дицмана, директора Александровского реального училища Скидана, настоятеля Екатеринодарской церкви священника Белановского, воспитанниц и служащих Кубанского Мариинского института, старых офицеров Конвоя, по болезни не бывших на юбилее: генерал-майора Гватуа и генерал-майора Скакуна, и от многих войсковых частей и их представителей [18].

На третий день юбилейных торжеств, 19 мая, в 3 часа дня, настоятель Царскосельского Екатерининского собора совершил освящение нового Офицерского Собрания Конвоя. На освящении присутствовали: командир, все офицеры Конвоя с их семьями, прибывшие на юбилей старые конвойцы, депутации от Кубанского и Терского Казачьих Войск и представители воинских частей, принимавших участие в юбилейных торжествах Конвоя. В тот же день, в 4 часа 30 минут, на Дворцовой площади перед Екатерининским дворцом, 70 лучших джигитов Конвоя оспаривали между собой 37 юбилейных призов за рубку и джигитовку. Призами были винтовки, кинжалы в серебряной оправе, револьверы, охотничьи ружья и пашки. Казаки щеголяли друг перед другом в образцовой рубке лозы, глины, картофеля, и в трудных уколах шаров. Особенно эффектно прошла общая скачка, с гиком, со стрельбой, соскакиванием, нагибанием, стоя в седле, джигиты блеснули труднейшими номерами групп и отдельных исполнений, полных беззаветной удали, необходимой спутницы казачьего праздника. Затем, участники джигитовки слезли с лошадей и, передав их коноводам, выстроились перед Государем. Государь подошел к ним, всех благодарил за удалую джигитовку и расспрашивал отдельно некоторых казаков о том, как давно служит в Конвое, получал ли рань-

ше призы за джигитовку, а если получал, то, что именно. Потом, счастливы получали призы из рук Великой Княжны Ольги Николаевны. Получая приз, казаки почтительно целовали руку Ее Императорскому Высочеству [19].

В 6 часов вечера было совершено освящение нового Офицерского Собрания, и при этом, дамами Конвоя был поднесен в дар художественный образ Святого Николая Чудотворца в серебряной с золотом ризе. После молебна был назначен прием всех депутатий и поздравлений, а затем парадный обед и вечер. Депутациями были преподнесены Конвою ценные подарки: 16-й Стрелковый Императора Александра III полк преподнес Конвою изящный адрес.

От Кубанского казачьего войска выступил Наказный Атаман, генерал-лейтенант Бабыч со словами приветствия, а Начальник войскового штаба, генерал-майор Кияшко зачитал адрес, вложенный в богатейший серебряный переплет с художественно исполненными эмалью бытовыми видами. Подарком от войска была громадная серебряная братина-литавра, точная копия литавры, пожалованной черноморцам Императрицей Екатериной II Высочайшей грамотой от 30 июня 1792 года, с чарками-литаврами для вина. Черпаком братины служила казачья папаха из серебра, прикрепленная к серебряной пашке.

От Терского казачьего войска Наказный Атаман генерал-лейтенант Михеев прочитал Конвою адрес, бювар которого был украшен большим серебряным войсковым гербом, в котором кратко и образно была изложена 300-летняя история Терского войска и 100-летия Конвоя. Войско поднесло также и серебряную массивную братину, по сторонам которой находились грифоны Российского Императорского Дома. На одной стороне братины надпись: «Собственному Его Величества Конвою», на другой – «от Терского Казачьего Войска. 18.V.1911 г.».

Генерал-майор Пономарев, от Лейб-Гвардии казачьего Его Величества полка, в столетний юбилей однополчан, бывших в составе их полка до 1842 года, поднес Конвою подарок, напоминавший о подвиге, совместно проявленном под Лейпцигом в день 4 октября 1813 года. Конная группа, сделанная из бронзы, представляла собой сцену из Лейпцигской битвы: были изображены лейб-казак и казак Лейб-Гвардии Черноморского эскадрона поражают французских латников (кирасиров).

Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полк, к юбилею Конвоя поднес братину – хрусталь в художественном серебре, и такие же бокалы.

Собственный Его Величества Сводно-пехотный полк поднес роскошный в старорусском стиле жбан с ковшом.

1-й Железнодорожный полк поднес хрустальную вазу.

16-й Стрелковый Императора Александра III полк – адрес.

Лейб-Эриванцы поднесли традиционные кавказские чаши, украшенные серебром с чернью.

Бывшие офицеры Конвоя поднесли родной части две бронзовые группы казаков: Кубанцы – Запорожец с добытым конем и оружием врага, вытирающий клинок своей сабли о гриву коня. Терцы – кавказский казак на границе, с русским знаменем в руке.

Офицеры, состоявшие в день юбилея на службе в Конвое подарили настольную большую вазу из серебра.

Каждой депутации командир Конвоя отвечал пространственной благодарственной речью [20].

На обеде, в Офицерском Собрании почетными гостями у офицеров конвоя были атаманы и начальники штабов войск: начальник штаба наместника Кавказа генерал Берхман, бывший командир генерал Ивашкин-Потапов, старые офицеры Конвоя – генерал князь Туманов, генерал князь Накашидзе, принц Фатали-Мирза, генерал Бек-Мармачев, генерал Савицкий, командиры полков: Сводно-пехотного, Кирасир Ее Величества, Лейб-Казачьего, бывшие офицеры Конвоя, приехавшие с Кавказа на юбилей, и депутации войсковых частей. Было оказано особое внимание родному внуку первого доблестного командира Лейб-Гвардии Черноморского казачьего эскадрона, Лейб-Гвардии Кирасирского Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка, поручику Бурсаку [21].

За обедом звучали здравицы, сменявшие друг друга. Звуки музыки уступали место бытовым казачьим песням, пляски сменялись танцами. Перед казармами искрился второй фейерверк. Для нижних чинов всю ночь работал кинематограф [22].

Этим днем закончились официальные празднества Конвоя.

22 мая в новом собрании Государь Император ужинал в тесном кругу командира и офицеров Конвоя. Перед отъездом Государь расписался в книге офмцерского собрания, которая отныне стала исторической драгоценностью Конвоя. А 27 мая Наместник Его Величества на Кавказе граф Воронцов-Дашков дал обед в своем доме для офицеров Конвоя и войсковых депутатов. Этим чествованием и замыкается ряд юбилейных празднеств [23].

После торжественных мероприятий кубанцы еще побыли в столице, и вечером 28 мая выехали в Екатеринодар [24].

Одновременно с торжествами, проходившими в Санкт-Петербурге, по случаю столетнего юбилея Собственного Его Величества Конвоя, праздничные мероприятия проходили и в Екатеринодаре.

В среду, 18 мая в день 100-летия Конвоя Его Величества в войсковом Александро-Невском соборе в присутствии начальствующих лиц преосвященным Иоанном, епископом Ейским, совершено было благодарственное молебствие с провозглашением многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому. По окончании богослужения на Соборной площади войсками гарнизона был произведен парад при участии войскового оркестра взвода льготных гвардейцев, сводной сотни писарей войсковых учреждений и воспитанников Екатеринодарской военно-фельдшерской школы, который принимал старший помощник начальника области генерал-майор Петр Иванович Косякин.

По случаю праздника, в войсковых заведениях и учреждениях были отменены занятия, а для гвардейцев после парада было устроено угощение в виде закусок.

В Баталпашинском, Лабинском, Екатеринодарском, Майкопском, Кавказском и Ейском отделах, в войсковых учреждениях и заведениях не проводились занятия, в лагерях был отслужен молебен, проведен парад, и сделано сообщение нижним чинам по поводу празднества [25].

Следует отметить, что Собственный Его Императорского Величества Конвой сыграл очень важную роль в истории нашего Отечества. Не раз его представители показывали себя как храбрые, добросовестные воины, никогда не опозорившие честь мундира. Именно поэтому он прошел долгую историю существования, именно поэтому так помпезно праздновался его 100-летний юбилей как в северной столице, так и в южной. И сегодня подвиги тех славных воинов являются примером для современного поколения.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 802. Оп. 1. Д. 73. Л. 1.
2. *Галушкин Н.В.* Собственный Е.И.В. Конвой. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Гвардейский дивизион. М. 2008. С. 3.
3. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 554. Л. 33-33 об.; Ф. 250. Оп. 1. Д. 210. Л. 4 об.-5; Ф. 249. Оп. 1. Д. 634. Л. 6-6 об.; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 12.
4. Есаул Ив. Ив. Кияшко. Заметка об участии в боевых действиях строевых частей Кубанского казачьего войска в Отечественной войне 1812 года и в последующих кампаниях 1813–1814 гг. Екатеринодар, 1911. С. 2.
5. *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 157–158.
6. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 11 об.; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 156.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10211. Л. 1-1 об.

8. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 11 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 2-2 об, 10 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 10239. Л. 96-99.
9. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 11 об.
10. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 11 об.-12; Телеграммы С.-Петербургского Телеграфного Агентства от 17 мая // Кубанские Областные Ведомости (КОВ). 1911. 19 мая. № 106. С. 3.
11. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 12-12 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 6; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 158.
12. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 23 об.; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 159-164.
13. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 23 об.-25, Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 6 об.-7; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 159-164.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 7-7 об.
15. ГАКК. Ф. Д. 551. Л. 23 об.-25.; Д. 558. Л. 33 об.
16. ГАКК. Ф. Д. 551. Л. 24 об.
17. Там же. Л. 25.
18. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 558. Л. 33 об., 34 об.-35 об.; Ф. 332. Оп. 1. Д. 650. Л. 167-312 об.; Ф. 332. оп. 1. Д. 551. Л. 24 об.; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 170.
19. ГАКК. Ф. 332. оп. 1. Д. 551. Л. 25; Ф. 396. оп. 1. д. 10213. Л. 7 об.-8; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 164-166.
20. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 25-25 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 8; *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 166-168.
21. *Галушкин Н.В.* Указ. соч. С. 169.
22. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 25 об.; Ф. 396. Оп. 1. Д. 10213. Л. 8.
23. ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 551. Л. 25 об.
24. ГАКК. Ф. 396. оп. 1. д. 10213. Л. 8 об.-9.
25. ГАКК. Ф. 396. оп. 1. д. 10211. Л. 87, 88, 89-90, 96, 97, 98, 98, 99, 101, 105; Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1911 г.; Областная жизнь. юбилей конвоя Его Величества // 1911. 21 мая. № 107. С. 1.

К.С. Чикаева (г. Краснодар)

Некоторые вопросы формирования стратификационной структуры Северного Кавказа: ретроспективный взгляд

Военное присутствие на Северном Кавказе, в том числе, рост здесь численности военно-служилого дворянства во второй половине XIX – начале XX вв. приобрели государственно-образующее значение. При этом расположенные на Кавказе войска были объединены в Кавказскую армию под начальством Главнокомандующего. Организация войск

была основана на общих правилах устройства вооруженных сил Империи. Топографические условия края и национальный состав населения оказывали свое влияние на особенности функционирования войск.

По данным 1860-х гг.: «В состав Кавказской армии было включено 7 пехотных, одна стрелковая бригада, 7 линейных и 2 пластунских батальона, 1 крепостной кадровый и 3 местных батальона, 56 местных команд кадрового и постоянного состава, 1 учебную роту и 11 туземных милицейских сотен.

Кавалерия состояла из 4 драгунских полка с 4 запасными эскадронами, кадровой жандармской команды, 15 казачьих полков, 2 туземных конно-иррегулярных полков, 27 сотен постоянной и 2 временной милиции.

В составе артиллерии было 7 пеших артиллерийских бригад, 7 конно-артиллерийских батарей, 3 батальона и 4 роты крепостной артиллерии, 7 дивизионных летучих парков и 1 сводное парковое отделение, осадный парк и 2 артиллерийские местные команды.

Инженерные войска включали 1 саперную бригаду, 3 батальона, 1 полевой инженерный и 1 военно-телеграфный парки, мастеровые инженерные команды, 1 железнодорожный батальон» [1].

Общая численность войск Кавказской армии по родам оружия в данном штатном составе было следующей:

	Генеральный штаб и обер-офицеры	Нижние чины
Пехота	2076	83901
Кавалерия	916	21255
Артиллерия	512	14885
Инженерные войска	164	4286
Всего	4301	124327

Пехотные и кавалерийские части войск Кавказской армии и полевая артиллерия в основном группировались в Закавказье. При этом на Северном Кавказе они были сосредоточены в наиболее непростых в военно-политическом отношении – Терской и Кубанской областях.

Из этого числа войск части, расположенные в нагорных полосах Кубанской и Терской областей, Черноморском округе, в Закавказье и Закавказской области, получали усиленные оклады и жалования. Такие оклады производились только одним штатс- и обер-офицерам и фельдшерам в войсках в Терской и Кубанской областях.

Согласно военно-топографическим и военно-статистическим описаниям, составленным генерал-майором Свистуновым в 1861 – 1878 гг., численность армейских подразделений (в т.ч. офицеров) была следующей.

**Ведомость о численности Кавказской Армии
по штатам мирного времени [2]**

Род войск	Офицеров	Низших чинов
Полевые войска. Пехота. Кавказская Гренадерская дивизия.	1895	71465
Кавалерия	842	18118
Артиллерия	243	7018
Инженерные войска	115	4891
Итого в полевых частях	3178	103462

В мирные войска включали: военно-исправительные роты, команду кавказских минеральных войска, военно-рабочую команду Управления путей сообщения, артиллерийские арсеналы, линейные батальоны и т. д.

В учебные войска были командированы военные

Учебные войска	Офицеры	Нижние чины
Тифлиское пехотное юнкерское училище	14	333
Ставропольское казачье юнкерское училище	8	189
Кавказская учебная рота	53	408
Итого в учебных войсках	45	

В окружном штабе служило офицеров 85, нижних чинов 435. Итого в войсках Кавказского военного округа числилось офицеров 4094, нижних чинов 146411.

В свете приведенных выше данных, нужно отметить, что содержание Кавказской армии с войсковыми управлениями и заведениями обходилось государству до 19,5 миллиардов рублей в год. На издержки по содержанию войска на Кавказе влияли главным образом: усиленное денежное довольствие, производимое офицерским чинам, а

также неблагоприятные условия. В частности, в 1880 – 1881 году выплачивалось жалование [3]:

Жалованья	Кавказский округ	Туркестанский округ
Одному офицеру	544	526
Гражданскому чиновнику	684	501

В целом, военно-топографические и статистические описания Северного Кавказа показывают значительный прирост численности дворянства в регионе, его высокий удельный вес среди пришлого населения.

В частности, по данным квартирмейстера подполковника Буцковского «В Кизлярском уезде проживало дома Российского и грузинского дворянства, служащих, отставных и казачьих 36 %, некоторых кизлярских дворян и служащих чиновников имелись породистые лошади. В Терском Кизлярском войске служило 177 человек, из них было 14 дворян... В г. Георгиевске всего числилось 515 человек мужского пола. Из них значилось дворян 60, купцов 138, мещан 221, отставных солдат 26, дворовых людей 70... В г. Кизляре представителей дворянства российского и грузинского было 277. В городе всего проживало 3280 человек мужского пола. ... В г. Ставрополе было зафиксировано 1121 человек мужского пола. Дворян числилось 49, военнослужащих 7, купцов 311, мещан 484, отставных солдат 173, дворовых людей 75» [4].

Характеризуя процесс военно-дворянской колонизации края, отметим, что первоначально в составе местного дворянства ведущее значение имели выходцы из различных российских губерний и областей, в основном привлеченные на Кавказ надеждой на продвижение по службе и получение земельных владений.

В данной связи, среди офицеров начала 1860-х годов мы, в частности, выделим выходцев из западных губерний. Типичными представителями северокавказского офицерства в это время являлись, в частности, мелкопоместные дворяне из Гродненской, Минской и пр. губерний.

Вместе с тем, указанных контингентов было явно недостаточно. В данной связи в целях развития военной колонизации края, в 1862 году было принято решение заселить казачьими станицами все предгорье Кавказского хребта по обеим его склонам. При этом для заселения данной территории было признано достаточным водворить 170 офицерских и 17000 казачьих семейств в течение 6 лет.

В течении трех лет с 1861 года по 1863 год в 59 станицах заселили 103 офицерских семейств и 9711 казачьих семей [5].

Год	Станиц	Офицерских семей	Казачьих семей
1861	11	19	1908
1862	27	51	4309
1863	21	33	3494
Всего	59	103	9711

Такой ход колонизации вместе с военными действиями войск Кубанской области поставил горцев, обитающих на северном склоне Кавказского хребта, в безвыходное положение и отнял у них всякую возможность сопротивления.

В положении о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России отмечалось, что главную часть переселенцев должно составить Кубанское войско, а именно 162 офицерских семьи, 12400 простых казаков. От Азовского казачьего войска 9 офицерских семей, 1200 простых казаков, 2000 государственных крестьян.

Семействам дворян и казаков, переселяющимся на передовые линии, сохранялись права собственности на усадьбы, остававшиеся на прежних местах жительства. Помимо этого, на основании пункта 48 Положения о Заселении на Кавказ офицерским семьям Кубанского казачьего войска, поселяющимся в новых станицах, назначались следующие пособия: от казны семейство служащего офицера получала единовременные подъемные деньги 285 рублей 71 копейку, жалование по чину, по усиленным окладам армейской кавалерии, в течении 6 лет, со дня прибытия на место назначения. Семье отставного офицера выделялись 285 рублей 71 копейка, жалование производилось на основании внутреннего положения, за время исполнения службы по администрации войска. В то же время, от Кубанского войска семьям служащих и отставных офицеров и нижним чинам выделялись дополнительные подъемные пособия от войска: офицерским чинам – 150 рублей, нижним – 75 рублей каждому [6].

В данном контексте заметим, что большая часть офицеров казачьих войск, в том числе, располагавшихся на Северном Кавказе, комплектовалась из среды самого казачества, прежде всего, из числа урядников (по выслуге лет). При этом дворяне производились здесь в офицеры в более короткие сроки – 2-3 года и служили втрое меньше, нежели рядовые казаки.

В конечном счете, в рамках рассматриваемого периода это привело к тому, что офицерскими чинами в казачьих войсках в основном стали выступать представители местного потомственного дворянства. Хотя в составе казачьих офицеров была довольно заметной и прослойка из дворян других российских регионов.

Что касается офицеров казачьих войск, то их оклады, установленные в 1841г., первоначально составляли около две трети оклада в регулярной кавалерии, и когда жалование армейским офицерам было повышено, эта разница еще больше возросла. Однако уже с 1859 года офицеры Донского казачьего войска были приравнены по оплате к регулярной кавалерии. В 1861 году это было распространено на Кубанское, Терское и Сибирское казачьи войска.

В контексте приведенных данных, укажем на то обстоятельство, что на положении военно-служилого дворянства все в большей степени сказывалось общее ухудшение экономического положения российского дворянства. К концу XIX в. дворянство утратило должную экономическую независимость. В частности, во второй половине XIX в. менее трети всех потомственных дворян были помещиками. Подавляющее большинство его жило на жалование, ничем не отличаясь в этом смысле от выходцев из других сословий, тем более что в ходе реформ 60 – 70-х гг. были ликвидированы и служебные привилегии дворян. Фактически никаких реальных преимуществ дворянское звание в это время не давало (за исключением возможности помещения детей в некоторые учебные заведения и т. п. мелких льгот). Чем большую роль в обществе приобретала власть денег, тем сильнее бросалась в глаза материальная неустроенность офицера, и его положение в обществе становилась все более незавидным.

Укажем также и на то обстоятельство, что во второй половине XIX – начале XX в. численность офицерского корпуса выросла незначительно – до 30 – 40 тысяч (если за первую половину XIX в. она возросла почти втрое, то за вторую – едва на одну треть). Правда, это практически не затронуло казачий офицерский корпус. Напротив, число офицеров казачьих войск, состоящих на действительной службе, за два последних десятилетия XIX в. увеличилось почти вдвое: в 1881 г. – 2174, в 1886 г. – 2242, в 1891 г. – 2591, в 1896 г. – 3670 и 1900 г. – 3495 человек [7].

Тем не менее, для массы офицеров – дворян положение становилось все более сложным. Основной причиной убыли по-прежнему оставался выход офицеров в отставку (с 80-х гг. и в запас). Несколько увеличился переход в другие ведомства, но в целом выход в отставку в

относительно молодом возрасте сократился, поскольку для подавляющего большинства офицеров служба сделалась единственным источником дохода, и развитие системы пенсионного обеспечения служило дополнительным стимулом к продолжению ее до установленного полного срока. Вследствие этого офицерский корпус в целом существенно постарел. Типичным стал выход офицера в отставку после 30 --- 35 лет службы в чинах от капитана до подполковника [8].

Более подробно характеризуя специфику эволюции офицерского корпуса казачества, следует обратить внимание на два основных момента. Во-первых, если во второй половине XIX века численность офицерского корпуса российской армии оставалась примерно одинаковой, колеблясь в различные годы от 24 до 30 тысяч, а выход в отставку в молодом возрасте сократился ввиду быстрой профессионализации армии, служба в которой сделалась для подавляющего числа офицеров единственным источником дохода (это обусловило старение корпуса), то в казачьих войсках мы видим другую картину. В частности, число казачьих офицеров, состоявших на действительной службе, в 1880-1890-е годы увеличилось более чем в 1,5 раза: с 2174 в 1881 году до 3495 человек в 1900 году. Однако, с другой стороны, в казачьих войсках была намного выше и убыль офицеров (в запас или в отставку). Более трети, ежегодно уходивших в запас, составляли казачьи офицеры, хотя их доля в офицерском корпусе России составляла чуть более 4% [9]. В основном в запас увольнялись обер-офицеры, которые не имели выслуги лет для получения отставки с пенсией.

Тем не менее, в любом случае положение офицера в русском обществе по-прежнему, в главном, было положением дворянина. Несмотря ни на что, престиж офицера в русском обществе оставался и тогда достаточно высоким. И если в его статус снизился, то это произошло почти в той степени, в какой снизился в это время дворянский статус вообще.

Конечно, не только эта принадлежность обеспечивала офицеру престиж в обществе – сама профессия его была традиционно уважаема. Однако под влиянием ряда факторов (появление ряда профессий, суливших в то время быстрое преуспевание, отношение прессы определенного толка и т. д.) несколько ослабла и эта сторона офицерского престижа. Наконец, ухудшилось материальное положение офицера. В результате, если еще в начале XIX в. гражданская служба не пользовалась особой популярностью, теперь очень многие ее отрасли не только стали гораздо более привлекательны для молодых людей, чем офицерская карьера, но и многие офицеры при возможности оставляли военную службу и переходили на гражданскую.

В данной ситуации особое внимание правящим режимом обращалось на комплектование потомственными дворянами штаб-офицерских и генеральских должностей. В итоге, если в целом, в офицерском корпусе удельный вес дворянства в 1864-1897 гг. снизился с 55,8% до 51,2%, то среди штаб-офицеров и генералов, он, напротив, вырос (соответственно: с 68,7 до 71% и с 87,7 до 91,9%) [10]. Тем не менее, в начале XX в. доля потомственных дворян в офицерском корпусе упала очень сильно. На них приходилось лишь 37% [11].

Данный процесс в первую очередь был связан с наметившимся в начале XX столетия быстрым ростом числа офицеров, состоявших на действительной службе. К 1914 г. их численность составила более 42 тысяч офицеров [12].

Еще более тяжелый удар по дворянской прослойке офицерского корпуса был нанесен в годы Первой мировой войны. В это время потери среди офицерского корпуса были особенно велики. Одни безвозвратные потери превысили всю довоенную численность офицерского корпуса. За первый год войны выбыл едва ли не весь кадровый офицерский состав [13]. Соответственно, в это время повышение в чинах шло очень быстро, и немало офицеров, начавших войну капитанами и ротмистрами, к 1917 г. были произведены в генералы, т.е. получили права потомственных дворян [14].

Наряду с этим, ввиду особенностей региона, сложности политической и экономической обстановки верховная власть, с одной стороны, вынуждена была гораздо шире, чем во внутренних губерниях, использовать здесь институты казачьего и крестьянского самоуправления, хотя и ограничивала их, а с другой – делать ставку на военные методы управления. Характерной чертой управления было преобладание военной власти над гражданской, что превращало местных личных и потомственных дворян в основную управленческую силу. Большинство чиновничье-административного аппарата состояло как из военных действующей армии, так и отставных.

Подводя итоги, следует отметить, что, в 1861 – 1917 годах служебная активность регионального дворянства являлась его наиболее характерной чертой. При этом офицерство на Северном Кавказе не только полностью входило в состав дворянского сословия, но и являлось наиболее привилегированной частью дворянства. В глазах общественности военная служба традиционно считалась наиболее почетной и уважаемой. Военное дворянство обеспечивало политическую стабилизацию общества и укрепляло основы Российской власти в данном регионе.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 305. Л. 252.
2. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 305. Л. 140 – 140 об.
3. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 305. Л. 253.
4. РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 36.
5. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 431. Л. 21.
6. Там же. Л. 21-22.
7. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
8. Там же.
9. Военно-статистический ежегодник армии за 1910 г. СПб., 1911. С.306-307; То же за 1911 г. С.360-361; То же за 1912. С. 172-173.
10. Волков С.В. Указ. соч. С.270.
Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л., 1947. С.317.
Волков С.В. Указ. соч. С.87-88.
Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. М., 1988. С. 28
Волков С.В. Указ. соч. С.83.

РАЗДЕЛ II.

Национальные элиты России на службе Отечеству: система ценностей, культурное наследие, опыты составления родословных

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар)

Каразины на службе Российской Империи: Николай Николаевич Каразин и его фронтовые репортажи (1870-е гг.)

Каразины – болгарский род выходцев из г. Тырново, честно и храбро служивших во славу Российской Империи. Родоначальником фамилии был болгарский архиепископ Григорий Караджа, наследники которого со времён императора Петра I стали носить фамилию Каразиных [1].

Сын Григория Караджи, Александр Каразин, поступил в кадетское училище, и в чине офицера одного из харьковских кавалерийских полков участвовал в Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. Его наследник – Назар (Лазар, Азар) Каразин, родившийся в 1731 г., едва достигнув 14-летнего возраста, поступил в артиллерийско-инженерную школу, которую окончил с отличием. Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. в чине поручика проявил исключительную храбрость и отвагу в боевых действиях против Пруссии, дважды был ранен и избежал плена. В 1763 г. он получил звание капитана.

Императрица Екатерина II отправила Назара Каразина в конце 1760-х гг. под именем Григория Путника на родину предков с целью изучить пути сообщения, расположение крепостей, источников воды, необходимых для предстоящего вступления российской армии на Балканы в новой войне с Турцией. Назар Каразин блестяще выполнил свою миссию, одновременно распространяя по городам и сёлам, вплоть до Адрианополя, специальное обращение Екатерины II к болгарскому народу. На обратном пути организовал отряд из болгар в несколько тысяч человек, который позже вместе с русской армией боролся за освобождение Молдавии и Валахии. Назар Каразин проявил исключительную храбрость при осаде войсками фельдмаршала П.А. Румянцева болгарской крепости Силистра и в награду получил офицерское звание подполковника (затем полковника), 6000 серебряных рублей и два имения в вечное пользование на Украине, в селе Слободском (недалеко от Харькова), с 400 крепостными крестьянами [2].

В нескольких официальных документах Императрица Екатерина II подчёркивала болгарское происхождение полковника Назара Каразина. Умер Назар Каразин от старой раны в 1784 г. в 53-х летнем возрасте. Два его сына – Василий и Иван, тоже посвятившие себя военному делу, больше прославились на гражданском поприще. Василий – энциклопедически образованный человек, учёный, изобретатель, был основателем Харьковского Императорского университета в 1805 г. За большую научную и общественно-политическую деятельность Василия Каразина называли «Ломоносовым». Иван Каразин – общественный деятель, заботливый хозяин, создал замечательный дендрариум с сотней гектаров хвойных и широколистных деревьев, который сегодня является одной из достопримечательностей не только Харькова, но и всей Украины.

Почти все шесть сыновей Василия Каразина по традиции служили в армии. Первый из них, которого, как и отца звали Василием, был храбрым офицером. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., в битве при Варне получил тяжёлые ранения. Егор (Георгий), второй сын, служил в армии в чине прапорщика в Лейб-гвардии Семёновском полку в Санкт-Петербурге. Филадельф, третий брат, получил образование в Харьковском университете и служил специалистом штаба Черноморского флота. Пятый сын, Николай, продолжая традиции семьи, прошёл армейскую службу, затем уволился в чине штабс-ротмистра (капитана) и вернулся в имение матери в село Анашкино (ныне – в Звенигородском районе Московской области). Имел двух дочерей и двух сыновей, одного из которых нарекли Николаем.

Николай Николаевич Каразин родился в Харькове 27 октября (8 ноября) 1842 г. Детство он провёл в родовом имении, где слушал увлекательные рассказы своего отца о службе в армии, участии в военных сражениях. Пленённый рассказами о войне, Николай рано стал мечтать о военном поприще. Поступив на военную службу, в 1861 г. окончил Второй московский кадетский корпус и стал офицером Казанского драгунского полка. За участие в войнах и проявленную храбрость был награждён орденом Святой Анны 4-й степени.

Увлечение живописью привело Н. Каразина после увольнения из армии в Санкт-Петербургскую художественную академию, в которой он проучился два года в качестве вольнослушателя. В 1867 г. Николай Каразин вернулся в армию и в чине ротного командира Пятого туркестанского линейного батальона участвовал в походе по присоединению Средней Азии к России. В походе он познакомился с прославленными российскими командирами – К.П. Кауфманом (1818–1882), М.Г. Черняевым (1828–1898), М.Д. Скобелевым (1843–1882), с известным писателем, журналистом и художником В.И. Немировичем-Данченко (1848–1936), живописцем В.В. Верещагиным (1842–1904) и др., с которыми позже участвовал в войнах на Балканах и делил горести и радости походной жизни. При штурме Самаркандских высот Н. Каразин проявил исключительное мужество и был награждён орденом Святого Владимира 1-й степени. В бою при Зарабурлаке 2 июня 1860 г., участвуя в рукопашной схватке, был ранен. Генерал К.П. Кауфман вручил ему Золотую саблю с надписью «За храбрость» [2].

В 1870 г. Н. Каразин уволился из армии и переехал в Петербург, где целиком отдался писательскому и художественному творчеству. Однако его беспокойная душа искала приключений и жаждала путешествий. После смерти отца он отправился в странствия, участвовал в руководимой генералом Н.Г. Столетовым научной экспедиции в Амурдарьинский край. Туркестанский край пленял душу художника. Все свободные от службы минуты Николай Николаевич Каразин описывал увиденное, изучал географию, историю, самобытную культуру непознанного края. Полученные в экспедиции впечатления он блестяще отобразил не только в своих записках, но и в зарисовках. Если ранние рисунки Н. Каразина были посвящены русской природе, быту, истории (например, «Первые христиане на Руси», «Степные походы Святослава» и др.), то в 1873 г. в журнале «Нива» появились его рисунки, посвящённые Средней Азии – «Туркестанские типажи», серия «Маленькие рассказы», а в журнале «Иллюстрированная неделя» были помещены первые заметки с рисунками «Среднеазиатские

этюды». Позже рисунки Н. Каразина выставили в Русском географическом обществе в Петербурге. Они были положительно оценены пресой и публикой и вызвали интерес во Франции и Англии, где Н. Каразин провёл выставки и получил признание, дипломы, медали.

Н. Каразин известен как один из талантливых иллюстраторов классических произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.А. Некрасова, И.В. Гоголя, А.П. Чехова и др. В 1890–1891 гг. он подготовил 210 иллюстраций к книге «Путешествие на Восток» Е.Е. Ухтомского. Иллюстрировал детские книги.

С началом Сербско-турецкой 1876 г., а затем и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войн, вызвавших горячее сочувствие русской демократической общественности, Н. Каразин отправился на Балканы в качестве военного корреспондента-иллюстратора. Он включился в ряды русских добровольцев в сербской армии и посылал в журналы «Нива» и другие российские издания репортажи и рисунки с фронта.

«Дунай в пламени. Дневники корреспондента» – фронтовой дневник Н.Н. Каразина, его записки, репортажи – это документ эпохи, в котором глубоко и фотографически точно описаны события на Балканах в 1870-е гг.

Много интересных этнографических подробностей сопровождают текст дневника, география региона описана образно и красочно. Живописно представлены у Н. Каразина дунайские города. Например, он пишет: «Галац – молдавский город, расположенный на левом берегу Дуная, между устьем рек Серет и Прут. Здесь был заключён мирный договор между нами [Россией] и Турцией в 1791 г. [имеется ввиду Ясский мирный договор – Э.В.]. Летом в Галац входят корабли под различными флагами. На берегу толпится хаотичная масса людей различных племён и наречий. Здесь встречаются молдаване и албанцы, греки и болгары, турки и сербы, венгры и цыгане, персы и итальянцы, немцы и русские и т.д. Больше всего евреев и греков, которые держат целые торговые города. Этот город является торговым центром Румынии с первоклассным базаром. Он окружён стеной, имеет много греческих церквей, магазинов с различными товарами, привезёнными русскими, английскими, турецкими и греческими кораблями. Русские торгуют кожей и табаком, греки – сукном, шёлковыми тканями, турки – козьей кожей, приправами, ароматическими веществами, евреи – изделиями из золота и различных камней.

Дома [в Галаце] построены хаотично и на скорую руку, поэтому похожи на временные бараки. ... Верхняя часть города относительно аккуратна. Магазины построены по европейскому образцу. Дома не

отличаются особой архитектурой, похожи на наши провинциальные одноэтажные строения. Имеются отели с такими названиями, как «Париж», «Европа», но на европейские не похожи. Всё население города составляет около 40 тыс. человек. Около 15 церквей. Пароходы совершают рейсы в Константинополь, Вену, Одессу. Виноградари здесь в основном болгары. Среди виноградников – развалины огромного каменного здания, которое было большой больницей, построенной русскими во время русско-турецкой войны 1828 г.» [4].

Описывая трудности передвижения людей накануне и во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Н. Каразин отмечает: «Между Галацом и Браилой, кроме ежедневных железнодорожных вагонов движется небольшой пароход, очень грязный, абсолютно не приспособленный для перевозки людей, но именно он является основным средством связи между городами. Поезд отходит в очень неудобное время, между часом и двумя ночи, а пароходы почти постоянно курсируют по Дунаю, до границ с Австрией. ... В половине второго дня, после обеда, пошёл на пристань, а в два часа пароход отправился в путь. На палубе было около 400 путников, половина из которых стояла, но полтора часа пути – не долго и эти неудобства можно вынести» [5].

Интересны впечатления Н. Каразина от румынской столицы: «Странное впечатление производит на путешественника Бухарест – главный центр административной и политической жизни Румынии. Город, напроць лишённый национального характера, созданный под некий общий шаблон, где всё сглажено, закруглено, даже обезличено, то, что скопировано плохо, поверхностно, не означает создание своего, имеющего некий личный характер» [6]. Далее корреспондент отмечает, что в Бухаресте много немецкого, ещё больше французского влияния, имеется итальянское, еврейское, турецкое, даже русское, но всё это слеплено в одном, без разделительной линии, и образовало некую пёструю, неоформленную массу. «Пройдёте по какой-либо улице и подумаете что это город, который вы давно знаете. Это не Париж в его плохой части, а может быть Вена? ... Но нет. Да, вы в Берлине» [7].

Численность жителей Бухареста составляла в 1870-е гг. более 200 тыс., а впечатление такое, пишет Н. Каразин, что едва ли не полмиллиона. Город расположен на большом пространстве. Главные улицы представляют собой торговый центр с расположенными друг к другу рядами лавок. Дома местной аристократии построены со вкусом, а если хозяин дома имеет хотя бы невысокий титул, он непременно украсит его фронтоном эмблемой и гербом своего рода [8].

Что хорошего в Бухаресте, – отмечает корреспондент, – так это прекрасные фаэтоны и кареты, которые двигаются быстро и недорого. Большинство фаэтончиков и собственников экипажей в Бухаресте, как и в других городах Румынского княжества, русские. Звуки родного языка вас поразят с первых шагов как вы выйдете из вагона и войдете на железнодорожную станцию. Это очень приятно русскому путешественнику, особенно не знающему румынского языка. Русские фаэтончики интуитивно предугадывают соотечественника, приветствуют его на родном языке и предлагают услуги первой необходимости. Все русские фаэтончики здесь скопцы (религиозная секта в России, возникла в конце XVIII в.) – эмигранты, которые благодаря необыкновенному усердию в работе, трезвому образцу жизни и воздержанию, сумели устроиться хорошо, живут почти богато. Имеются и такие, кто сколотил капитал, купил дома и возглавил маленькую общину, которая предоставляет приют новым членам. Трудлюбивые, спокойные, с тихим нравом, отходчивые, пользуются они здесь общим уважением и доверием, хотя румыны немного посмеиваются над их голыми, юношеско-женоподобными или о нескольких старческих физиономиями. Русские скопцы расположились в Бухаресте компактно, застроили целый квартал в северном предградьи и обслуживают приезжих на своих фаэтонах и быстроногих конях [9].

Интересно описаны корреспондентом Браила и Яссы: «Браила – город в Валахии, расположенный на левом высоком берегу Дуная, в 60-ти вёрстах от г. Галац (вверх по реке). Город трижды попадал под управление России: при Екатерине II в 1870 г., при Александре I в 1809 г. и при Николае I в 1828 г. Прежде был сильной крепостью, для захвата которой требовались большие усилия. Согласно Адрианопольскому мирному договору 1829 г. предписывалось взорвать минами все его укрепления с тем, чтобы турецкое правительство не могло никогда их восстановить. Браила являлась пристанью для многих кораблей на Дунае. Как и в г. Галац, в Браиле расположен один из крупных рынков. Жители города успешно занимались рыбной ловлей.

Яссы – молдавский город, основной массой населения которого являются евреи, поляки и немцы. Молдаване здесь в основном чиновники, немногие – торговцы и простолюдины» [10].

Н. Каразин неофициально пересекал болгарскую границу в качестве журналиста, посещал населённые пункты, информировал о состоянии и степени готовности турецкой армии к предстоящим событиям русско-турецкой войны: «Вчера в двенадцать с половиной дня прогремели первые боевые выстрелы на Дунае, в Браиле, где два ту-

рецих парохода были обстреляны нашими полевыми орудиями. Они [турки. – Э.В.] пытались ответить, но неудачно, и так как получили значительные пробоины, отступили обратно. Мы не имели никаких повреждений. Для первого раза поистине неплохо» [11].

Ещё во время пребывания российской армии в Бессарабии, накануне перехода через р. Прут, в Кишинёве началось формирование русско-болгарского легиона. Н. Каразин так описывает это событие: «С самого начала создания, легион не превышал 300 человек и назывался батальоном. Тогда были сформированы кадры из хороших офицеров и унтер-офицеров нашей армии и общее командование батальоном было доверено генералу Столетову, который ещё в чине полковника в 1874 г. был назначен начальником Амударьинской научной экспедиции. Целью формирования легиона было помочь Болгарии в создании её собственных национальных кадров... Молодой легион быстро пополнился и достиг 3000 человек, разделённых на шесть дружин, каждая по 500 человек. Болгарские добровольцы вступали в ряды легиона, быстро знакомились с основными принципами строевого обучения и приобретали вид опытных воинов. В легионе царил строгая дисциплина, учителя были превосходные, ученики – достойны своих учителей.

Лагерь болгарского легиона расположен правильно и очень красиво, добровольцы одеты в широкие кафтаны, похожие на наши матроски, с красными погонами и медными пуговицами, в круглых овечьих шапках со светло-зелёным верхом, широких шароварах, высоких сапогах» [12].

12/24 апреля 1877 г. Главнокомандующий русскими войсками, Великий Князь Николай Николаевич находился в Кишинёве, куда прибыл Российский Император Александр II для освящения ополченческого Самарского знамени. Н. Каразин не мог пропустить это событие: «Описываю этот легион по поводу случившегося вчера важного события, которое имеет для Болгарии историческое и моральное значение и которое сблизило её с Россией и закрепило её сердечную связь с... сильной матерью-покровительницей... Ещё в прошлом году город Самара сделал знамя для болгарских дружин, восставших против турков ... Градоначальник города Самара Кожевников и член городского совета Алабин лично привезли знамя, преподнесли Его Высочеству Главнокомандующему и вчера, 6 мая, был определён день для освящения знамени и передачи его легиону» [13].

В 1877 г. в Кишинёве Российский Император подписал Манифест об объявлении долгожданной войны Турции, встреченный болгарс-

ким народом с радостью. С большим волнением Н. Каразин описывает это памятное событие. Только через два месяца последовала операция по переходу через Дунай. Для отвлечения внимания турецких войск было предпринято форсирование реки в районе Галаца-Браилы, напротив Никополя. Генерал М.И. Драгомиров сказал: «Братья ... на нас смотрит вся Россия. Помните, ...или через Дунай, или в Дунай... Отступления быть не может» [14]. Несмотря на огонь турецких войск, убитых гребцов сменяли другие и через 10,5 часов на болгарскую землю вступила целая русская дивизия. В числе тех, кто форсировал Дунай, был и штабс-капитан Николай Каразин, которой писал свои заметки и делал наброски рисунков событий.

Особенно ценны описанные Н. Каразиным картины осады Плевны, битвы за отдельные города и их освобождение, бои под Шипкой: «Уже три дня продолжается горячий бой под Шипкой, три дня без умолку. Горсть героев-защитников изнемогает, силы их на исходе, но они держатся и направляют все свои усилия против многочисленного врага» [15].

Живописно, сочно, красочно описывает Н. Каразин замечательную природу Болгарии и действия там вражеских войск: «Там, на южных склонах Балкан, простирается зелёная, плодородная, густонаселённая, цветущая долина. Эта долина – рай Болгарии, прекраснейший бисер в роскошном ожерелье Балканской долины. Турки отбили наших с гор и до пепла разорили прекрасную долину Тунджи, убивали мирных жителей, убивали без разбору, и старых и молодых, и мужчин, и женщин...

Из Тунджи как ворота в высокую каменную стену вёл проход Шипка, через который турки могли пройти и в другие долины, густонаселённые районы, пройти в самое сердце Болгарии, к стенам древней столицы Тырново, которая чудом спаслась от разгрома и сейчас всё ещё занята братскими, дружескими русскими полками» [16].

По возвращении в Петербург с Балканского полуострова в 1879 г. Н.Н. Каразин включился в новую экспедицию с Русским географическим обществом в Среднюю Азию. В 1890–1891 гг. он путешествовал по Индии и в своих картинах представил впечатления от поездки.

Записки, письма, дневники Н.Н. Каразина – ценный источник сведений о событиях на Балканах в 70-е гг. XIX в., о народах, населяющих регион, их хозяйственной деятельности, обычаях, городах, их этническом составе и т.д. Материалы дневников, записок и репортажей Н.Н. Каразина представляют историческую ценность, являются важным документом, представленным современником и очевид-

цем событий и расширяют наши знания о балканском регионе последней трети XIX в.

В целом род Каразиных оставил след в истории Российской империи, и не только на военном поприще, но и внёс свой вклад в развитие искусства и науки.

Примечания

1. *Каразин Н.Н.* Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 6.
2. *Там же.*
3. *Каразин Н.Н.* Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 7.
4. На Дунав и в Яш. Град Галац. Пътни ескизи на нашия специален кореспондент. Репортажи на Н.Н. Каразин от русско-турската война 1877–1878, публикувани в списание «Нива» // Каразин Н.Н. Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 199–204.
5. *Каразин Н.Н.* Във възделените краища // Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. София, 2008. С. 44.
6. *Там же.* С. 50.
7. *Там же.* С. 50.
8. *Там же.* С. 56.
9. *Там же.* С. 55–56.
10. На Дунав и в Яш. Град Галац. Пътни ескизи на нашия специален кореспондент. Репортажи на Н.Н. Каразин от русско-турската война 1877–1878, публикувани в списание «Нива» // Каразин Н.Н. Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 199–204.
11. От Прут до Дунав // Каразин Н.Н. Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 213–214.
12. Война в Турция. Писмо на нашия кореспондент // Каразин Н.Н. Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 216–217.
13. *Там же.* С. 217.
14. *Каразин Н.* Дунав в пламъци. Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С. 9.
15. Боят при Шипка и българските деца – водоносци // Каразин Н.Н. Дунав в пламъци Дневник на кореспондента. Репортажи (1877–1878). София, 2008. С.232.
16. *Там же.* .232–233.

А.В. Бабич (г. Краснодар)

**«Христианин, верноподданный, русский...»
О воспитании офицерских кадров
в Ставропольском юнкерском казачьем училище
(1870-1898 гг)**

В «Ставропольском хронографе» на 2010 год был опубликован очерк кандидата исторических наук, председателя Ставропольской краевой общественной организации по изучению истории, культуры, традиций кавказского линейного казачества П.С. Федосова «Ставропольское казачье юнкерское училище (к 140-летию со дня открытия)». Эта работа имеет немалую ценность еще и потому, что в ней приведен полный библиографический список опубликованных работ, относящихся к истории училища, включая фундаментальный труд одного из его преподавателей, капитана Генерального штаба Н.Н. Баратова, впоследствии генерала от кавалерии и участника русско-японской войны. Труд называется «Ставропольское казачье юнкерское училище, 1870-1897: памятка о двадцатилетней его жизни и деятельности» (Тифлис, 1898) [1].

К этому следует добавить, что в Государственном архиве Краснодарского края хранится фонд № 402, в котором содержатся документы упомянутого училища за весь период его деятельности. Желание восполнить освещение означенной темы документальными материалами и привело к мысли написать данную статью.

Прежде чем перейти к изложению фактического материала, следует отметить, что уже в конце 40-х годов XIX столетия в русской армии стала ощущаться недостаточная подготовка офицеров, поступающих в армейские части.

В связи с этим, в середине 60-х гг. XIX в., с целью укрепления подготовительной базы, кадетские корпуса, действовавшие в Российской империи, были преобразованы в военные гимназии, близкие по программе общеобразовательных дисциплин к средней школе. Они потеряли право производить своих выпускников в офицеры, но зато, стали подготовительными учебными заведениями, готовящими молодых людей к поступлению в офицерские училища. В ходе реформы военного министра Д.А. Милютин были образованы два типа учебных заведений, в которых обучали будущих офицеров, – военные и юнкерские училища, причем учащиеся и тех, и других, назывались юнкерами. Однако между такими училищами была существенная разница.

Военные училища имели преимущественно дворянский состав поступающих, так как туда попадали юноши, окончившие военные гимназии (т. е. бывшие кадетские корпуса). Юнкерские же училища были предназначены для молодых людей всех категорий и сословий. Большинство поступавших в них не имели законченного среднего образования, что придавало этим заведениям как бы оттенок второсортности. Кроме того, военные училища готовили офицеров для всех родов оружия, а юнкерские – только в пехоту и кавалерию в звании промежуточном между офицерским и унтер-офицерским (подпрапорщик, эстандарт-юнкер, подхорунжий), и только уже в войсках их производили в офицеры [2].

Собственно юнкерские училища, как новый тип военно-учебных заведений, появились согласно положению, утвержденному императором Александром II 14 июля 1864 г. Их штат был определен в 200 человек (т.е. рота). Создавали такие училища при штабах военных округов, называли их пехотными или кавалерийскими, а также по имени города, в котором они находились. В конце 1864 г. открыли Виленское и Московское юнкерские училища, в 1865 г. Гельсингфорское (на 100 юнкеров), Варшавское, Киевское, Одесское, Чугуевское, Рижское (на 200 юнкеров каждое), а также Тверское и Елисаветградское кавалерийские (на 60 и 90 юнкеров соответственно) училища. В 1866 г. созданы Казанское и Тифлисское (на 200 юнкеров каждое), в 1867 г. – Оренбургское училище на 200 человек (в том числе 120 казачьих урядников Оренбургского, Уральского и Семиреченского казачьих войск), в 1869 г. Новочеркасское, и, наконец, 15 декабря 1870 г. Ставропольское, которое первоначально было открыто как урядничье, а затем, в 1872 г. преобразовано в юнкерское [3].

Непосредственному образованию Ставропольского училища предшествовали следующие события. В январе 1868 года, в результате производства установленных экзаменов урядникам Кубанского казачьего войска, выслужившим срок на производство в офицеры, оказалось, что из числа 39 чел. экзаменовавшихся выдержали экзамен только 6 урядников. Обстоятельство это вполне подтвердило мнение бывшего Наказного атамана генерал-майора Цакни М.А., что казачья молодежь, как на льготе в станицах, так и на службе в частях войск, почти не имела средств к приобретению необходимых познаний, требовавшихся тогдашней программой. Ввиду этого, генерал-майор Цакни М.А., рапортом от 7 февраля 1868 года № 945 просил Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила Николаевича о разрешении собрать с 1 мая 1868 г. в Екатеринодаре при штабе войск Кубанс-

кой области, в особую команду всех урядников из дворян и обер-офицерских детей Кубанского казачьего войска, выслуживших к 1 января 1869 г. срок на производство в офицеры, с той целью, чтобы «заняться с этими урядниками военным и научным подготовлением их к офицерскому экзамену». Ходатайство было удовлетворено и Августейший Главнокомандующий разрешил собрать эту команду в Екатеринодаре, на срок до 4-х с половиной месяцев с отнесением всех издержек по сбору и содержанию ее на счет войсковых сумм.

К 10 мая команда в числе 110 чел была собрана. Начальником ее был назначен Собственного Его Императорского Величества Конвоя ротмистр Рубашевский, преподавателями же приглашены урядники из числа окончивших курс гимназии. Вследствие производства в сентябре месяце выпускных экзаменов оказалось, что из всего числа обучавшихся в команде успешно выдержали экзамен 48 урядников, а потому признано было полезным собрать такую же команду и в следующем 1869 году.

Вторая команда была собрана в Майкопе под начальством войскового старшины Аверина. Однако эта временная мера только отчасти помогла в деле военного образования будущих офицеров Кубанского казачьего войска, несколько не расширив программы их теоретических познаний, а, между тем, войсковым начальством давно уже было признано, что казачьи офицеры «без соответствующей подготовки, отвечающей новейшим требованиям военного искусства, делаются все более и более бесполезными для службы» [4].

К этому можно добавить, что в отчете Наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1870 год отмечалось следующее: «из 888 офицеров Кубанского войска за прошлый 1870 год: 1) в высших учебных заведениях окончили курсы – 7 чел., 2) в средних – 153 чел., 3) не пользуются правами по образованию 728 чел. 83% офицеров получило образование, какое может дать станичная школа... Почти вся масса фронтовых офицеров по развитию не многим превышает простых казаков. Не теория, а война и боевая практика выдвинула их из казачьих рядов» [5].

Поэтому и было признано необходимым, по представлению Кавказского начальства, открыть в Ставрополе урядничье училище, по примеру Новочеркасского и Оренбургского юнкерских училищ.

В сентябре 1870 года Главнокомандующим Кавказской армией, ввиду предстоящего открытия Ставропольского училища, на бывшего помощника начальника Кавказской кавалерийской дивизии генерал-майора Петрова, возложен ближайший надзор за училищем, а

руководство оным поручено подполковнику (затем полковнику) Владимиру Григорьевичу Сахновскому.

В соответствии с правилами, указанными в Своде военных постановлений 1869 года, начальник училища производил непосредственное наблюдение за частями: строевой, учебной, дисциплинарной и хозяйственной. В помощь ему, им же избирались и назначались, с утверждения высшего начальства:

- а) по части строевой и дисциплинарной: сотенный командир и младшие офицеры;
- б) по части учебной – делопроизводитель и преподаватели;
- в) по части хозяйственной и прописке по канцелярии – адъютант (он же и делопроизводитель по хозяйственной части) и казначей (он же квартирмейстер и смотритель зданий).

Сотенный командир, войсковой старшина, который мог быть и есаулом, избирался из офицеров, командовавших в частях сотней и пользовавшийся теми же правами, какие были присвоены этой должности в войсках. Младшие офицеры избирались из офицеров, прослуживших в строю не менее 3-х лет.

Под ближайшим руководством сотенного командира, младшие офицеры обучали юнкеров своих взводов по всем частям строевого образования, следили за их поведением и наблюдали за исправностью оружия и одежды. На младших офицеров возлагалось также наблюдение за общим порядком в училище, для чего один из них ежедневно назначался дежурным по училищу.

Адъютант заведовал делопроизводством и пропиской по строевой и хозяйственной части канцелярии, а на обязанности казначея возлагались заведование денежным и материальным имуществом, а также присмотр за училищными зданиями. Казначею и квартирмейстеру, на общих основаниях, подчинялись строевые и нестроевые нижние чины казачьей команды, состоявшей при училище.

Делопроизводитель по учебной части избирался из офицеров, преимущественно окончивших образование в одной из специальных военных академий и заведовал учебной частью, не устранившись и от обязанностей преподавателя.

Преподаватели приглашались начальником училища из числа лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях. Для преподавания же специальных военных предметов, вследствие затруднения в приискании соответствующих преподавателей, назначались офицеры из войск, которые числились при училище во временной командировке и не занимали штатных вакансий. В числе преподавателей полагался

один офицер генерального штаба, прикомандированный к училищу Высочайшим приказом, для преподавания военных наук [6].

Училищный врач, приглашаемый начальником училища за определенное вознаграждение, обязан был оказывать первоначальную помощь заболевшим.

Ветеринарный врач состоял в качестве преподавателя иппологии, заведовал конским лазаретом, кузницей и подавал лечебную помощь строевым и офицерским лошадям [7].

Известно, что в училище, вскоре после его открытия, Закон Божий преподавал талантливый богослов и историк Григорий Павлович Смирнов (1846-1901), который в 1871 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со званием кандидата и правом на степень магистра. В том же году он был назначен преподавателем догматического богословия в Ставропольскую духовную семинарию. В 1874 г. он был рукоположен в священники и назначен в Петро-Павловскую церковь города Ставрополя. С 1875 по 1877 годы о. Григорий состоял членом историко-статистического комитета по описанию Кавказской епархии. В 1879 г. он прибыл на Кубань и преподавал, вначале в Кубанской войсковой гимназии, а затем в Екатеринодарской городской мужской гимназии (с 1890).

«Разносторонне образованный, весьма начитанный в своей области, о. Григорий являл собою весьма редкий ныне образец ученого богослова, тщательно следившего за малейшими изменениями религиозно-философской мысли в русском обществе; в своей педагогической деятельности с глубокой убежденностью и настойчивостью старался проводить религиозные идеи в чистом, древнерусском духе, подкрепляя свои мысли иллюстрациями из области истории русского духовного просвещения, в основе своей создавшегося на почве греко-русских религиозных идей» [8].

К моменту открытия училища возникла также необходимость закупить необходимое количество лошадей. По приглашению Наказного атамана генерал-лейтенанта Цакни поставку необходимого количества лошадей (70 голов), следовавших к закупке от Кубанского казачьего войска, взял на себя коннозаводчик штаб-ротмистр милиции князь Лоов, с которым и было заключено войсковым штабом надлежащее условие.

Для приема лошадей была назначена особая комиссия под председательством генерал-майора Петрова. В комиссию входили также: начальник училища полковник Сахновский, от Кубанского войска войсковой старшина Захаров, от Терского войска гвардии ротмистр

Панин, командующий Лейб-Гвардии казачьим эскадром и ветеринарный врач (фамилия не указана).

Коннозаводчик Лоов доставил 10 мая 1871 г. 51 лошадь, а в августе еще 12 лошадей заводов Лоова, Джегутанова, Кумукова, Касаева, Ахлова и др., а также, Шалбаров привел 20 лошадей собственного завода.

По отзыву комиссии состав лошадей оказался хорошим: «лучших кабардинских заводов, тип однообразный – кабардинский. Много лошадей очень красивых, даже эффектных, в особенности завода князя Лоова».

По ходатайству начальника училища подполковника В.Г. Сахновского окружному штабу разрешено было уступать училищным офицерам строевых урядничьих лошадей по ремонтной цене, но с тем, чтобы каждый раз брать у офицеров подписки о том, чтобы до прихода лошадей в совершенную негодность, они продавали их обратно в училище [9].

Тогда же, по сношению окружного штаба с окружным интендантством и Наказными атаманами Кубанского и Терского казачьих войск, подполковнику В.Г. Сахновскому, были отпущены деньги на обзаведение училища имуществом: от интендантства 2021 р. 29 к.; от Кубанского казачьего войска 10316 руб. 34 коп., и, кроме того, на приобретение учебников и различных пособий от Кубанского войска 2495 руб. 11. коп. и от Терского войска 712 руб. 89 коп. [10].

В организационном плане юнкерские училища, в том числе и Ставропольское, подчинялись специальным уставам и инструкциям, выработанным в 1860-1870-е годы.

В 1865, 1866, 1869 и 1872 годах по приказанию Военного Министра учреждаемы были при Главном управлении военно-учебных заведений особые комиссии для обсуждения организационных вопросов по юнкерским училищам и выработки проектов программ преподаваемых в них предметов общего и специального образования. Комиссии эти состояли под председательством Генерального Штаба полковника (затем генерал-лейтенанта) П. Бобровского, из всех начальников названных училищ и особо назначенных членов от Главного штаба и Главных управлений: казачьих войск, инженерного и интендантского. На комиссию 1866 г. возложен был и труд проектирования Положения для юнкерских училищ со штатами и табелями, как равно и полной инструкции его учебной части для названных заведений [11]. Выработанный в этой комиссии проект Положения, по окончательном рассмотрении его в Военном Совете, удостоился Высочай-

шего утверждения в 16 день марта 1868 года [12] и введен в XV кн. Свода военных постановлений 1869 года (разд. II, гл. V).

Затем последовавшие до 1 января 1879 года изменения статей этого Положения вошли в первое и второе продолжения названной книги Свода и своевременно были объявлены в приказах по военному ведомству [13], проект же всех изменений и дополнений в постановлениях о Юнкерских училищах, вызванный изданием нового Устава о воинской повинности, был утвержден в 1876 года [14]. Кроме этого в конце 1871 года была издана, с утверждения Военного Министра, инструкция Юнкерским училищам, в которой подробно определены правила внутреннего порядка и поддержания дисциплины, производства строевых занятий и ведения юнкерской артели, а также указаны все общие меры по организации учебной части в названных заведениях [15].

С 1874 года по вступившему в силу «Закону о всесословной воинской повинности» правила приема (в соответствии с образовательным цензом), учебные программы, весь учебный процесс в юнкерских и военных училищах были скорректированы. Урядникам от Кубанского казачьего войска необходимо было для производства в офицеры или для «получения соответствующих преимуществ» успешно сдать в юнкерском училище следующие экзамены: 1) Закон Божий, 2) русский язык, 3) всеобщую географию, 4) географию России, 5) русскую историю, 6) арифметику и начальную геометрию [16].

Согласно указанным правилам в юнкерские училища принимали окончивших военные прогимназии или соответствующие гражданские учебные заведения, а также вольноопределяющихся. Последние составляли две группы: в одну входили лица, имевшие образование в объеме не менее шести классов среднего учебного заведения и служившие один год, в другую – те, кто должен был сдавать экзамен по особой программе, охватывавшей курс четырехклассного училища (они служили два года). Вольноопределяющиеся не были обязаны поступать в училище, но стать офицерами могли только после сдачи экзамена, аналогичного выпускному экзамену училища. В противном случае их приравнивали к унтер-офицерам, призванным по рекрутскому набору. Для поступления в училище вольноопределяющимся надо было прослужить в унтер-офицерском звании три месяца, получить одобрение начальства и выдержать экзамен по пяти общеобразовательным предметам (окончившие шесть классов гимназии сдавали экзамен только по русскому языку и должны были набрать не менее семи баллов). После прекращения в 1868 году производства нижних чинов в офицеры за выслугу лет, в юнкерские училища могли идти

нижние чины всех сословий и исповеданий (кроме иудейского) при наличии разрешения со стороны ближайшего начальства.

Обучение в них продолжалось два года. Учебный курс состоял из двух классов: младшего (общего) и старшего (специального). Причем, имевшие аттестаты об окончании средних учебных заведений (семи- и восьмиклассных гимназий и реальных училищ) могли поступать прямо в старший класс, но большинство все же шли в младший класс или с проверочным экзаменом по русскому языку (прошедшие шесть классов средних учебных заведений), или с экзаменом по особым облегченным программам (не имевшие этого образовательного ценза).

В младшем классе преподавали общеобразовательные предметы – Закон Божий, русский язык, из иностранных – немецкий и французский языки, математику, физику и химию (начальные сведения), черчение, географию и историю. Объем и содержание предметов специального класса были обусловлены необходимостью получения знаний для командования батальоном. Здесь изучали тактику, воинские уставы, военную топографию, полевую фортификацию, сведения об оружии, о военной администрации, военное судопроизводство, военную географию, военную гигиену и науку о лошадях (иппологию).

Окончивших курс выпускали в свои полки подпрапорщиками (пехота), эстандарт-юнкерами (кавалерия) и подхорунжими (казачьи войска), их производили в офицеры не иначе как по представлению непосредственного начальства. Отнесенные по успехам в науках к I разряду становились офицерами (прапорщиками, с 1881 г. – подпоручиками) в самый год выпуска из училища, после лагерных сборов, причем в случае отсутствия вакансий в своем полку их могли перевести в другие полки; отнесенных ко II разряду производили в офицеры не ранее как в следующем за выпуском году и только при наличии вакансий.

Получившие вместо полноценного аттестата лишь свидетельство об окончании (за дурное поведение, слабую успеваемость) удалялись офицерского звания не раньше чем через год после того, как давали звание последним из окончивших училище с ними в один год по II разряду.

К этому следует добавить, что «все будущие офицеры жили на казарменном положении в полном соответствии с жесткими правилами внутреннего армейского распорядка и воинской дисциплины. Военная муштра быстро переделывала вчерашних гимназистов, семинаристов и студентов в заправских юнкеров. В строевой подготовке, как, впрочем, и в других военных премудростях, юнкера второго года обу-

чения выступали в роли наставников и опекунов своих младших товарищей. В целом юнкера жили скромно, по-спартански. Суточный паек юнкеров (около 25 коп. в нач. 90-х гг.) только на 10 коп. был выше солдатского. Казенное обмундирование и белье им тоже выдавали солдатское. Большинство юнкеров происходили из семей среднего достатка и получали из дому небольшие суммы денег. Но были выходцы и из очень бедных семей, которые довольствовались одним казенным жалованьем (а его едва хватало на табак), тем не менее, свое положение они переносили стоически. В целом жизнь в училище являлась хорошей школой для будущих офицеров. Представители русского офицерского корпуса в основной своей массе жили небогато.

Юноши в юнкерских мундирах, нередко нарушали режим, существующий в училищах, ходили в самоволки и т.д. В обыденном сознании того времени юнкер – это повеса, всегда готовый принять участие в веселой пирушке или приволокнуться за хорошенькой барышней. Однако, по большому счету, разгуляться как следует юнкерам было трудно. За самоволку могли сразу выгнать из училища, за опоздание на перекличку – посадить под арест на неделю-другую. За очевидное пьяное состояние также грозило отчисление, за «винный дух» – арест и третий разряд по поведению, который означал завершение офицерской карьеры. Дисциплина была железной, но юнкерские традиции вносили в нее своеобразные коррективы.

Так, обман, причиняющий кому-либо вред, считался недопустимым. Но обманывать учителя на репетиции или на экзамене разрешалось. Самоволка или драка с вольными (иногда с использованием штыков), когда надо было выручать товарищей или поддержать юнкерскую честь, вообще действия, где проявлены были удаля и лихость, в юнкерской среде получали полное одобрение. И, наряду с этим, наказание за них, вызывая сожаление, почиталось все же правильным. Тем не менее, крепко держалась традиция товарищества – никого не выдавать» [17].

Особый интерес в училище вызывал ежегодный майский экзаменационный смотр, на котором юнкера демонстрировали не только свои знания, но и отвагу. На смотр стекались горожане в предвкушении удивительного зрелища. Наличие строгого экзаменационного начальства в лице генерала Генерального штаба, представителей командования Кубанского и Терского войск, а также дам и девиц волновали юнкеров и они старались показать все, на что только были способны. Первым заданием для юнкеров был конкур, затем начинались скачки с рубкой лозы и уколами пашками чучел. При этом юнкера не оставляли ни одной хворостинки и ни одного пораженного чучела.

Последним и самым любимым упражнением была джигитовка. На земле укладывали ряд папах, которые юнкера на полном скаку должны были поднимать, а затем подбрасывать вверх, подскакивая в это время, к другой, и т.д. Они соскакивали на полном скаку и вскакивали обратно в седло по нескольку раз, то на левую, то на правую сторону, скакали, стоя на седлах, перемещались с одной стороны на другую под грудью лошадей... [18].

Воспитание юнкеров проводилось в духе беззаветной преданности государю, Отечеству и нерушимой верности долгу. В наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений, утвержденном еще императором Николаем I 24 декабря 1848 года, было сказано следующее: «Христианин, верноподданный, русский¹, добрый сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер – вот качества, с которыми воспитанник военно-учебных заведений должен переходить со школьной скамьи в ряды Императорской Армии, с чистым желанием отплатить Государю за Его благодеяния – честною службою, честною жизнью и честною смертию» [19].

С 1876 г. прием вольноопределяющихся в казацки войска был прекращен, а казакам, получившим образование, сокращены сроки действительной службы и допущено производство их в урядники и офицеры по выслуге следующих сроков:

Разряд	В урядники или унтер-офицеры	В офицеры
1-го разряда	2-х месяцев	3-х месяцев
2-го разряда	4-х месяцев	6-ти месяцев
3-го разряда	1 года	3-х лет
4-го разряда	1 года 4-х месяцев	3-х лет, из коих в урядничьем звании 1 год

¹ Примечательно то, что в данном контексте слово «русский» употребляется императором не как принадлежность к национальности (народу), а как одно из необходимых качеств будущего офицера, то есть, русский по духу, русский по доблести, русский по отношению к службе и т.д.

Для пополнения убыли в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в ноябре 1877 г., в виде временной меры, допущено было, за оказанные военные отличия, производство в офицеры без экзамена, не стесняясь сроками службы, казаков, пользующихся правами по образованию 1-го, 2-го и 3-го разрядов; право на производство без экзамена распространено на означенных лиц и за обыкновенные отличия по выслуге сроков, установленных для производства в офицеры в мирное время. Произведенные на основании этих правил могли быть повышаемы в следующие чины не иначе, как по выдержании установленного офицерского экзамена. Благодаря этому исключению во время войны 1877-1878 гг. 62 юнкера были выпущены из училища офицерами. Эти правила были впоследствии распространены и на казаков, пользующихся правами по образованию четвертого разряда [20].

В 1877 г. училище возглавил новый начальник полковник Флор Викторович Гомолицкий. При передаче ему должности от полковника В.Г.Сахновского был передан и ремонтный капитал в сумме 4307 руб. 11 коп. [21].

В 1878 г. Ставропольское училище было преобразовано исключительно в казачье, в связи с чем, был упразднен драгунский отдел, юнкера-драгуны переведены в Елисаветградское училище, а строевые лошади (22 головы) проданы с аукциона; в это же время в училище обучалось 120 юнкеров (90 для Кубанского войска и 30 для Терского) [22].

В 1886 г. училище возглавил полковник Петр Александрович Машин, впоследствии генерал-майор, начальник штаба Терского казачьего войска [23].

Среди выпускников училища было довольно много грамотных и талантливых офицеров, нередко происходивших из старинных дворянских родов, поступивших затем в Русскую армию. Это, например, офицеры 17-го, впоследствии 45-го, драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка, воспитывавшиеся в училище: подполковник князь Чхеидзе Иван Семенович, выпуска 1872 г., Высочайшим приказом от 12.10.1890 переведенный в 3-й Драгунский Сумский полк, ротмистр Виктор Дионисьевич Сердаковский, выпуска 1872 г., поручик Александр Семенович, князь Чхеидзе, выпуска 1883 г., ротмистр Василий Константинович Колчин, выпуска 1875 г., поручик Сергей Андреевич Вестман, выпуска 1874 г., Высочайшим приказом от 01.12.1878 переведенный в 10-й гусарский Ингерманландский полк, прапорщик Степан Васильевич Нестеровский, выпуска 1874 г., штаб-ротмистр Николай Андреевич Богословский, выпуска 1876 г., высочайшим приказом от 24.01.1894 переведенный в 152-й пехотный

Владикавказский полк, поручик Петр Львович барон Тизенгаузен, выпуска 1876 г., переведенный сначала в 44-й драгунский Нижегородский полк, а затем назначенный чиновником для поручений при Начальнике Кубанской области, прапорщик Александр Андреевич Ассиер, выпуска 1877 г., Высочайшим приказом от 26.07.1880 г. переведенный в Таманский конный полк Кубанского казачьего войска; из офицеров 46-го драгунского Переяславского Императора Александра III полка, воспитывавшихся в училище, следует назвать подполковника Николая Тер-Асатурова, выпуска 1876 г., ротмистров: Владимира Жданко, выпуска 1873 г., Павла Мелика-Шахназарова, выпуска 1877 г., Петра Божидаяева, выпуска 1876 г. и штаб-ротмистра Николая Чепурина, выпуска 1877 г. [24].

Из подпоручиков первого выпуска трое достигли чина полковника: Федор Пономарев, Василий Чиков и Семен Тимофеев. Из последующих выпусков удостоились служить в Собственном Его Императорского Величества Конвое: есаул Семен Киреев, подьесаул Александр Долгов, сотники: Петр Астахов, Федор Золотарев, Василий Федюшкин и штабс-ротмистр Е. Баскаков [25].

За 28 лет существования училища было подготовлено 1080 офицеров для Кавказских казачьих войск, любопытно отметить тот факт, что наряду с казаками в училище принимались и представители других народов, например, князя Иван Авалов, Иван и Александр Чхеидзе, Петр Орбелиани, Владимир и Давид Бебутовы, Алексей и Семен Эристовы, бароны Владимир Сталь фон Гельштейн, Николай фон дер Лауниц, Адольф фон Вад, Виктор Павел де Форжет, Али Измайлов, Эльмурза Мистулов, Лазарь Ахтазов, Семен Лотиев, Казьма Агоев и др.

Многие из преподавателей училища и его выпускников в будущем стали видными военачальниками и государственными деятелями.

Сотник Лабинского отдела К.А. Гаевский стал генерал-майором Пятигорского отдела Терского казачьего войска, сотник Н.А. Даркин – генерал-майором, командиром 1-го Полтавского полка, хорунжий П.И. Кокунько – генерал-лейтенантом, атаманом Ейского отдела Кубанского казачьего войска, сотник Н.П. Свистунов – генерал-лейтенантом, атаманом Терского казачьего войска, сотник И.Е. Гулыга – генерал-лейтенантом Генерального штаба, атаманом Кавказского отдела Кубанского казачьего войска и др.

Генералами стали выпускники: Э.А. Мистулов, генерал-майор, командир 1-го Кавказского полка, Д.В. Репников, генерал-майор, командир Таманской казачьей бригады, Г.А. Вдовенко, генерал-майор,

первый выборный атаман Терского казачьего войска, В.Г. Толстов, генерал-майор, автор монументальной работы «История хоперского полка», атаман Кавказского отдела, А.З. Кадушкин, генерал-майор, командир отдельного отряда Кубанского казачьего войска, за поимку знаменитого абрека Зелымхана награжденный орденом «с мечами и бантом» и др. [26].

В 1898 году училище было закрыто, в связи с чем подготовку кадров стало осуществлять Оренбургское казачье училище [27].

К моменту закрытия штат училища состоял из начальника училища, полковника Генерального штаба Богдановича Григория Иосифовича; командующего сотней и исполняющего должность заведующего хозяйством есаула Абертсона Вячеслава Дмитриевича; делопроизводителя по учебной части Яковлева Александра Константиновича; адъютанта и делопроизводителя по хозяйственной части подьесаула Кастелянова Павла Константиновича; казначея и квартирмейстера сотника Рыбаковского Павла Александровича; младших офицеров – подьесаула Песчанского Николая Ивановича, сотника Яковлева Георгия Ивановича, сотника Труфанова Андрея Михайловича; ветеринарного врача коллежского советника Галани Федора Дмитриевича, оружейного мастера Дудзинского Викентия Карловича и прикомандированных для преподавания военных наук генерального штаба подполковника Усова Николая Николаевича; для преподавания гимнастики, фехтования и заведования мастерскими сотника Миронова Евгения Васильевича [28].

В 1911 году все юнкерские училища были преобразованы в военные и как тип военно-учебных заведений прекратили свое существование. Тем не менее, многие выпускники Ставропольского юнкерского училища, приняли активное участие в кровопролитных войнах начала XX столетия (Первой мировой и Гражданской) и щедро отплатили Отечеству, выражаясь словами Императора Николая I, не только «честною службою и честною жизнью», но и «честною смертью» [29].

Примечания

1. Федосов П.С. Ставропольское казачье юнкерское училище (к 140-летию со дня открытия). 27 декабря // Ставропольский хронограф на 2010 год. Краеведческий сборник. Ставрополь, 2010. С. 169-178.

2. Калишевский М. Юнкерские училища – кузница кадров русского офицерства. С. 5. // Юнкерские училища: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1863_1882/juvu.htm.

3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 3-3 об.; Шахторин А.А. Подготовка офицеров Кубанского казачьего войска в пореформенный период // Кубанское казачье войско. Военское служение Кубанского казачьего войска: <http://slavakubani.ru/read.php?id=645> // О переименовании Новочеркасского и Ставропольского урядничьих училищ в казачьи юнкерские училища // Сборник правилительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 7. – СПб., 1872. С. 279-280.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 402. Оп. 1. Д. 136. Л. 99–99 об.

5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 23. Л. 39-40.

6. Свод Военных Постановлений. 1869. Кн. XV. Ст. 569, 570.

7. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 16-16 об.

8. Ставропольские епархиальные ведомости. № 24. 16.12. 1901. С. 1447-1448.

9. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 11-11 об.

10. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 10-10 об.

11. Приказы по военно-учебным заведениям. 1865. № 28, 1866. № 27, 1869. № 31 и 1872. № 46.

12. ПСЗ-2. Т. 43. 1868. СПб. Ст. 45612.

13. Приказы по военно-учебным заведениям. 1877. № 340, 1878. №№ 234, 268, 328, 1879. № 92.

14. ПСЗ-2. Т. 51. 1876. СПб. Ст. 56057.

15. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 3 об. - 4.

16. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-4, 34, 39-49, 54-66, 73-75; Шахторин А.А. Подготовка офицеров Кубанского казачьего войска в пореформенный период XIX в. // Кубанское казачье войско. Военское служение Кубанского казачьего войска: <http://slavakubani.ru/read.php?id=645>

17. Калишевский М. Юнкерские училища – кузница кадров русского офицерства. С. 6-7. // Юнкерские училища: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1863_1882/juvu.htm.

18. Федосов П.С. Указ. соч. С. 175-176.

19. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 28-30.

20. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 8 об. – 9; ПСЗ-2. Т. 51. 1876. СПб. Ст. 56339; Федосов. П.С. Указ. соч. С. 176.

21. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 14, 16.

22. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 77. Л. 8 об., 14.

23. ГАКК. Л. 16; Федосов П.С. Указ. соч. С. 177.

24. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 136. Л. 88, 102-103; 112.

25. ГАКК. Ф. 402. Оп. 1. Д. 136. Л. 69.

26. Федосов П.С. Указ. соч. С. 177.

27. Казачество. Энциклопедия. М., С. 560.

28. Кубанский календарь на 1898 год. Екатеринодар, 1898. С. 57.

29. Там же.

*И.Н. Извеков (г. Сочи)
О.А. Зимовина (г. Сочи)*

Кубанские казаки Зиновьевы на службе Отечеству

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова трактует понятие конвой, как «вооруженный отряд, сопровождающий кого-что-нибудь для охраны или для предупреждения побега». Конвойные подразделения в Русской армии существовали с незапамятных времен. Однако в трактовке нашего исследования мы рассматриваем его в понятии подразделений гвардии сотен Его Императорского Величества Конвоя, которое ведет свое начало с 1811 года в статусе специально отбираемых для этой цели сотен конных казаков от войска Черноморского [1]. Для всех исправлявших службу в части конвоя, начиная от обер-офицеров до есаулов, сотников, хорунжих и казаков было большой честью быть отобранными для несения службы в рядах Конвоя. В нашем исследовании о кубано-ставропольской ветви рода Зиновьевых имеются материалы, подтверждающие, что они, как представители единого сообщества кубанского линейного казачества из состава коренных жителей станицы Барсуковской на Кубани, несли службу в соответствии с Положением о Кавказском Линейном казачьем войске, в том числе, в сотнях Конвоя.

По-разному образуются новые семьи. Фамилия Зиновьевых в станице Барсуковской на Кубани обязана своим появлением в 1838 году поручику Василию Васильевичу Зиновьеву (1814 – 1891) [2]. Доподлинно известно, что поручик Василий Васильевич Зиновьев, попав на Кавказ в 1838 г., проходил службу в рядах Навагинского пехотного полка. Судя по архивным источникам, для усиления Кавказского корпуса данное воинское соединение еще в 1819 г. было направлено из России на непокойную южную границу [3], а в 30-е гг. XIX в. подразделения полка занимали крепости и станицы кубанской кордонной линии от Усть-Лабы до Невинного мыса. Документальные свидетельства четко информируют, например, о том, что в 1834 г. 3-я гренадерская рота Навагинского полка квартировала в ст. Барсуковской, оказывая серьезную помощь местным казакам в отражении частых черкесских вылазок [4]. По соседству же, в крепости Темнолесской, согласно данных за 1836 г., размещался полковой лазарет навагинцев [5].

Как и многие молодые дворяне той эпохи, 24-летний поручик Василий Зиновьев жаждал военных подвигов и славы, которую сполна

можно было заслужить на далекой южной окраине Империи в затянувшейся войне с немирными горцами. Служба на Кавказе, кроме того, честолюбивому, энергичному поручику сулила и быстрое карьерное продвижение.

24-х летний столичный офицер в составе Навагинского пехотного полка прослужил с 1838 по 1842 гг., участвуя в экспедициях против воинственных черкесов. Как явствует из обнаруженных архивных и печатных материалов, квартируя вместе с навагинцами в Барсуковской, Василий, несомненно, был знаком с местными казачьими офицерами и вхож в их дома. Однако особенно тесные дружеские отношения сложились у него с сотником Василием Безладновым. Тридцатидевятилетний опытный казачий офицер стал своего рода учителем для петербуржца в нелегкой кавказской школе выживания. Часто бывая в гостях у Безладновых, Василий Зиновьев не мог не обратить внимания на красавицу-казачку, 19-летнюю дочь хозяина – Меланью. Чувство оказалось взаимным, и молодые люди стали встречаться. Но, конечно, военная служба В.В. Зиновьева не позволяла им часто видеться. Так, в середине 1838 года вместе с Гребенским казачьим полком поручик Зиновьев участвовал в экспедиции за Кубань, снаряженной против горских черкесов. А затем, также в 1838 году, Василий Васильевич «находился в делах против неприятеля» на восточном берегу Черного моря – в десантных экспедициях генерал-лейтенанта Раевского. В.В. Зиновьев отличился во время высадки десантов в устьях рек Туапсе, Шапсухо, Цемеса и при возведении черноморских укреплений.

После окончания военных действий на восточно-черноморском побережье В.В. Зиновьев смог вернуться на Кубань лишь 13 апреля 1839 года. Он продолжил службу в Навагинском пехотном полку. После долгой разлуки вновь встретился с Меланьей Безладновой. Выяснилось, что она ждет от него ребенка, и В.В. Зиновьев предложил ей вступить в брак. Не надеясь на согласие петербургских родственников Зиновьева на этот социально неравный брак, молодые летом 1839 года тайно обвенчались в станичной Николаевской церкви. Вскоре у них появился на свет сын Кузьма. Об этом говорит семейное предание Зиновьевых станицы Барсуковской. Это косвенно подтверждают и архивные документы.

С 27 сентября 1839 года В.В. Зиновьев берет отпуск на 3 месяца «по домашним обстоятельствам» и отбывает в Санкт-Петербург, полный желания убедить родню дать согласие на брак. Причем, уже уехав из полка, Василий Васильевич получает известие, что «в воздаяние ревностной службе отличного мужества и храбрости, оказанных в дей-

ствиях против горцев» в Черноморской экспедиции, ему был пожалован 29 сентября 1839 года орден Св. Анны 3-й степени с бантом [6].

Но счастье, обретенное столичным поручиком на Кавказе, оказалось недолгим. Сановные петербургские родственники, а особенно мать Устинья Федоровна (урожденная Брейткопф), категорически воспротивилась браку потомственного дворянина с казачкой. Это, конечно, было типичным для той эпохи жестоких социальных разграничений и прав поведения. Василий так переживал эту жизненную неудачу, что даже заболел, и в Навагинский полк вернулся из отпуска, просрочив 16 дней «по болезни». Впрочем, нравы на Кубани были несколько свободнее, и молодая семья продолжала счастливо жить вместе. В 1840 году у них родилась дочь Екатерина, которая умерла во младенчестве. Служба на Кавказе в то время была трудна и опасна. Зимой 1842 года Зиновьев тяжело заболевает и вынужден подать в отставку. 23 мая 1842 года его увольняют от службы в чине штаб-ротмистра вследствие болезни [7]. Уезжая в Санкт-Петербург, Василий Васильевич надеялся вернуться после выздоровления на Кубань, но на Западный Кавказ он уже никогда не возвратился. Дела службы, разница в социальном положении и неуступчивость родственников так и не позволили ему забрать с Кавказа свою семью – жену Меланью и сына Кузьму.

Романтическая история столичного офицера Василия Васильевича Зиновьева и казачки с Кубани Меланьи Васильевны Безладновой подтверждается и архивными документами. Из них становится известно, что в 1845 году 26-летняя Меланья Васильевна с 5-летним сыном Кузьмой продолжала проживать у отца, ставшего в это время есаулом 2-го Ставропольского конного полка [8]. Однако обстоятельства детства и юности Кузьмы Зиновьева, прошедших на берегах беспокойной тогда Кубани, сейчас, в силу безвозвратной утраты многих документов, относящихся к станице Барсуковской, трудно восстановить. Достигнув в конце 1859 года 20-летнего возраста, Кузьма Васильевич Зиновьев, в соответствии с Положением о Кавказском Линейном казачьем войске, был зачислен на службу [9] во 2-й Ставропольский казачий полк одноименной бригады, которая уже через несколько месяцев вместе с прочими Казачьими подразделениями правого фланга включается в состав новообразованного Кубанского войска. На последнем этапе Кавказской войны, разворачивавшемся на Северо-Западном Кавказе, ставропольские казаки в 1860 – 1864 годы возводили и охраняли новые кордонные линии (Урупскую, Верхне-Лабинскую и Абадзехскую), возникавшие в глубине Закубанья, отра-

жали бесчисленные вылазки яростно сопротивлявшихся горцев, в сложившейся горно-лесистой местности разрабатывали дороги и устраивали передовые посты и станицы [10]. В марте 1864 года барсуковская сотня 15-го полка 3-й бригады Кубанского казачьего войска (бывшей Ставропольской) перебрасываются с Абадзехской линии (район современного Майкопа) на Черноморское побережье Кавказа, где включается в состав Даховского отряда.

Здесь в то время еще оставались очаги сопротивления черкесских племен шапсугов и убыхов, пытавшихся укрыться в труднопроходимых местах. Кузьме Зиновьеву вместе с одностаничниками в течение нескольких месяцев (вплоть до сентября 1864 г.) пришлось преодолевать невероятно тяжелые испытания в горах, на промежутке от поста Вельяминовского (современный Туапсе) до бывшего Навагинского укрепления (современный Сочи). Двигаться порой приходилось по едва заметным, практически «козьим» тропам, по узким полоскам, зажатым между горами и морем. Разрозненные партии и одиночки-горцы то и дело тревожили отряд, постоянно вспыхивали перестрелки, причем не всегда удавалось настичь нападавших, буквально растворявшихся в незнакомой и враждебной казакам местности.

Казакам, привыкшим к степному простору, с трудом удавалось ориентироваться в ущельях и на морском побережье, тем более, что вскоре из-за влажного и переменчивого климата здешних мест многие стали страдать от лихорадки. К этим испытаниям нередко присоединялся и голод, утолять который зачастую приходилось лишь походными сухарями и глотком воды. Тем не менее, выход на Черноморское побережье состоялся и ознаменовал собой окончание изнурительного противостояния с горцами Западного Кавказа, той борьбы, где нескольким поколениям казаков-линейцев пришлось ежедневно доказывать свое право называться неутомимыми и бдительными войнами. За нелегкие ратные труды казаки барсуковской сотни, в том числе и Кузьма Зиновьев, получили серебряные медали «За покорение Западного Кавказа 1859 – 1864 гг.» и кресты «За службу на Кавказе», а в 1865 году были «спущены на льготу» в родную станицу. Вовсе не случайно подпись «Кузьма Зиновьев» встречается в общественных приговорах станицы Барсуковской конца 1860-х – начала 1870-х годов [11]. На указанный период пришлось и рождение у вернувшегося со службы Кузьмы и его супруги Марфы Яковлевны сыновей Павла (р. 1865) и Ивана (р. 1866), зафиксированное в метрических книгах станичной Николаевской церкви [12].

В 1871 году 3-я бригада Кубанского войска (бывшая Ставропольская) была расформирована, и барсуковские казаки возобновили свое служение Отечеству в рядах родного для них Хоперского полка. Именно с этим казачьим формированием оказался связан один из сыновей Кузьмы Васильевича Зиновьева – Павел, который по достижении 18-летнего возраста, в соответствии с Положением о военной службе казаков Кубанского и Терского войск от 3 июня 1882 года, первоначально был зачислен в так называемый приготовительный разряд. В 20 лет Павел Кузьмич Зиновьев принял присягу на верность Царю и Отечеству и через год по окончании приготовительного разряда, был направлен в действующую часть – Хоперский конный полк, расквартированный в городе Кутаис (ныне Кутаиси) и его окрестностях.

Начиная с 1888 года, после реформирования полковых округов, барсуковские станичники стали призываться в Кубанский конный полк Кубанского войска и нести службу южнее хоперцев, на присоединенных с 1787 года турецких землях Карского пашалыка, преобразованного Российской администрацией в новую область Империи. Именно с этим полком, как указывают архивные сведения, оказались связаны судьбы нескольких представителей кубано-ставропольской ветви Зиновьевых. Среди них значится Иван Кузьмич Зиновьев (1866 – после 1928). В его послужном списке, составленном в 1888 году, отмечено: «Военную присягу принял 1 января 1885 года, 27 июля 1885 был командирован на службу в 1-й Кубанский полк и зачислен в 5-ю сотню полка. Женат на казачьей дочери Авдотье....» [13]. Как следует из «Исторической памятки Кубанского полка Кубанского казачьего войска, 1732 – 1912» гг. (автор Толстов В.Г., Екатеринодар, 1912), полковой штаб 1-го Кубанского полка, в котором оказался Иван Кузьмич Зиновьев, размещался в селении Каракурт Кагызманского округа Карской области, находившейся от турецкой границы всего на 6 верст. Что касается сотен и команд, то они располагались по близлежащим окрестным населенным пунктам. Так, в частности, 5-я сотня квартировала в селениях Баш-кей (1 обер-офицер, 1 урядник, 29 приказных и казаков, 30 лошадей) и Армутлы (2 обер-офицера, 5 урядников, 1 трубач, 89 приказных и казаков, 92 лошади). Помимо традиционных нарядов и караулов, казаки сотни несли конвойные обязанности по сопровождению почты и различных официальных лиц по тракту Эрзерум – Кар. В ходе несения службы в Закавказье нижние чины полка назначались в Конвой Наместника Кавказского и Главнокомандующего Кавказским военным округом в Тифлисе, а также для охраны Российского императорского генерального консульства, размещавшегося в столице Персии Тегеране.

Отдельные команды в случае возникновения конфликтных ситуаций среди турецкого, курского и армянского населения направлялись из ее состава в распоряжение Карского военного губернатора. Однако основные обязанности казаков-кубанцев в тот момент заключались все же в охране российско-турецкой границы, где лишь в 1894 году их заменила регулярная пограничная стража.

Служение Отечеству рода Зиновьевых было связано не только с 1-м Кубанским полком или 2-м Кубанским льготного состава, их присутствие выявляется и в самом элитном из всех казачьих подразделений Российского государства – Собственном Его Императорского Величества Конвое.

Обнаруженные архивные сведения увязываются с биографией уже упоминавшегося Ивана Кузьмича Зиновьева, который, прослужив первое время в Кубанском конном полку (Карская область) затем, возможно, продолжил несение воинских обязанностей в Конвое Кавказского Наместника или Командующего войсками военного округа в столице Грузии. Впрочем, нередко были случаи, когда казаков командировали для продолжения службы из полка в Кубанский казачий дивизион, размещавшийся в далекой Варшаве. В любом случае у многих кубанских уроженцев путь в элиту Российской армии часто начинался именно в Тифлисе и Варшаве, куда нередко наведывались великие князья и прочие представители Дома Романовых. Последние нередко забирали с собой в «Северную Пальмиру» наиболее храбрых, молодцеватых казаков. К концу XIX века Собственный Его Императорского Величества Конвой давно уже являлся местом традиционной службы кавказских казаков, поскольку еще в 1832 г. посланцы с берегов Терека и Кубани стали направляться в Санкт-Петербург, в Лейб-гвардии Кавказско-линейный казачий полуэскадрон [14].

К моменту описываемых событий численный состав Конвоя существенно вырос (до полутысячи человек), расширился и круг возлагавшихся на него обязанностей. Благодаря исследованию полковника Кубанского войска Н.В. Галушкина, выходца из соседней с Барсуковской станицы Темнолесской, можно воочию представить «петербургский период» службы Ивана Зиновьева. На первом месте находились, конечно же, караульные обязанности, причем казаки стояли «на часах» не только в Царском Селе, Новом Петергофе, Красном Селе, наконец, в Зимнем Дворце Петербурга. Летом часть конвойцев отправлялась в Крым, где охраняла знаменитый Ливадийский дворец [15].

Периодически случались и командировки, когда самого монарха или членов его семьи и двора приходилось сопровождать в различные части

Российской Империи и даже за рубеж. Следует подчеркнуть, что период службы Ивана Зиновьева в Конвое выпало в столь знаменательное событие, как коронационные торжества в Москве в мае 1896 года по случаю вступления на Престол Императора Николая II. Разумеется, в данном случае Конвой присутствовал здесь в полном составе [16].

Достаточно часто кубанцам и терцам доводилось демонстрировать свое мастерство в стрельбе, рубке и верховой езде. Особый эффект всегда вызывала знаменитая казачья джигитовка, когда конвойцы в своих алых черкесках и на бешенном аллюре показывали всевозможные приемы и фигуры, приводящие в восторг иностранных гостей и представителей дипломатического корпуса [17]. Примечательно, что, отслужив в Конвое (от 2 до 10 и более лет, в зависимости от личных качеств казака), казак сохранял право и в дальнейшем носить его форму (красную парадную и синюю повседневную черкески с золотым и серебряными галунами). Но главное, бывший конвонец пользовался большим авторитетом и уважением в родной станице.

В приказе по Кубанскому казачьему войску № 62 от 9 июля 1899 года говорится об увольнении на льготу в войско нижних чинов Конвоя, среди которых указан и казак Лейб-Гвардии 1-й Кубанской сотни Иван Зиновьев, который производился в урядники с сохранением права ношения гвардейского мундира и Знака «За службу в Конвое» [18].

Примечания

1. ГАКК. Ф. 254. Оп.1. Д. 453. Л. 25.
2. Об истоках рода Зиновьевых и его ветвях в России изложено в генеалогической монографии: *Баранов С.Ю., Зиновьев В.В., Извеков И.Н.* Зиновьевы в истории Российского государства (Тысяча лет древнему роду). – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006. – 272 с.: илл.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2691. Оп.1. Д. Л.2.
4. РГВИА. Ф.13454. Оп.1. Д. 1212. Л.1-4.
5. РГВИА. Ф. 13454. Оп 6. Д. 159. Л.251.
6. РГВИА. Ф.2694. Оп.1. Д. 287 (Формулярный список полковника Кабардинского пехотного полка Зиновьева). Л.9.
7. Там же. Л. 8 об.-9.
8. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп.3. Д. 1033. Л. 628.
9. ГАСК. Ф. 406. Оп.1. Д. 122. Л. 13.
10. РГВИА. Ф.14257. Оп.2.Д.387. Л.7; Д.142. Л.382.
11. ГАКК. Ф.574. Оп.1. Д.5127.; ГАСК. Ф.135. Оп. 30. Д. 907. Л.78.
12. ГАСК. Ф.135. Оп. 78. Д. 28. Л. 101-102; Д. 24. Л.10об-11; Л. 277 об.-278.

13. ГАКК. Ф. 406. Оп.1. Д. 63. Л. 178 – 179.

14. *Фелицын Е.Д.* Материалы для истории Кубанского казачьего войска // Кубанские областные ведомости. – 1897. - №77.

15. *Галушкин И.В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004. С.107, 109.

16. Там же. С.110 – 117.

17 Там же. С. 117.

18. ГАКК. Библиотека. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1899 год.

Э.М. Далгат (г. Махачкала)

Дворянство в социальной структуре городов Дагестанской области в конце XIX – начале XX вв.

Дагестанская область была образована в 1860 году. К концу XIX в. в ней было три города – административный центр Темир-Хан-Шура, древний город Дербент и портовый город Петровск.

Социальная структура городов Дагестанской области на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. не оставалась неизменной, шла эволюция социального облика городского населения.

Население Петровска и Темир-Хан-Шуры в 60-е – 70-е гг. XIX в. в подавляющем большинстве состояло из русских военных. Постепенно здесь формировались другие сословные группы, характерные для городов – купечество, мещанство, почетные граждане, дворянство и т.д.

Дербент к середине XIX в. имел давно сложившуюся сословную структуру, в нем были представлены все городские сословия.

К концу XIX – началу XX вв. все три города Дагестанской области были пестрыми по социальному составу. Здесь были представлены все сословия царской России: дворяне – потомственные и личные, высшее мусульманское сословие – ханы, беки, чанки, духовенство: армяно-григорианское, мусульманское, еврейское. Городские сословия были представлены потомственными и личными почетными гражданами, купцами и мещанами. Кроме этого, в городах области жили представители сельского сословия, в Дагестане это были государственные крестьяне. Как и в середине XIX в., к концу исследуемого периода в начале XX в. в городах находились войска. Определенное место в структуре городов области занимали подданные иностранных государств.

На протяжении всего исследуемого периода городское население медленно, но неуклонно увеличивалось. Темпы роста городского на-

**Численность и удельный вес сословий
в Темир-Хан-Шуре**

Наименование сословия	1896		1906		1913	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	608	8	847	8	732	3,8
II. Духовенство	40	0,5	52	0,5	55	0,2
III. Городские сослов.	1812	24	4987	47	5609	27
IV. Сельские сословия	1510	20,5	1656	15,5	9864	47
V. Военные сословия	3144	42	2615	24	3914	19
VI. Иностр. подданст.	394	5	531	5	614	3
Итого	7508	100	10688	100	20838	100

селения были выше темпов роста населения области в целом. Особенно интенсивно население городов стало расти с 90-х годов XIX в., когда усилился процесс вовлечения Дагестана в русло экономического развития капиталистической России. Со строительством по территории области железной дороги, связавшей Дагестан с губерниями европейской России, население городов области стало расти более быстрыми, чем в 60–80-е годы XIX в., темпами.

Источниками пополнения сословий городов Дагестанской области, как и Российской Империи в целом были: 1) естественный прирост населения; 2) причисление к тому или иному сословию людей переехавших в города из других городов или селений страны, т.е. так называемая «горизонтальная мобильность»; 3) переход людей из одного сословия в другое или переход из низшей страты сословия в высшую, например, из купцов 2-й гильдии в купцы 1-й гильдии, так называемая «вертикальная», т.е. межсословная и внутрисословная мобильность.

Анализ данных Первой всеобщей переписи 1897 г. позволяет сделать вывод о том, что население городов Дагестанской области пополнилось в первую очередь, за счет уроженцев губерний Европейской России. На втором месте находились выходцы из различных губерний и областей Кавказа. В относительно небольшом количестве в города Дагестана переселялись уроженцы Привислинских губерний, Сибири, Средней Азии, иностранных государств.

Наиболее динамично развивающимся из городов области был административный центр – город Темир-Хан-Шура. С 1886 по 1913 годы его население увеличилось в 8 раз, в то время как население Дербента увеличилось в три раза, а Петровска в 7 раз.

На основании Обзоров Дагестанской области рассмотрим, как менялись численность и удельный вес разных сословий по городам в 90-е годы XIX и начале XX вв. Для большей наглядности суммируем данные по группам внутри каждого сословия и дадим цифры по дворянству в целом, а также по духовенству, городским, сельским и военному сословиям, иностранным подданным.

Для сравнения возьмем годы, по которым Обзоры дали сведения о распределении населения по сословиям, а именно 1896 год [1], 1913 год [2] и средний между ними – 1906 год [3], а также вывели проценты, указывающие их удельный вес среди других сословий.

Таблица № 1 дает представление об эволюции социального облика Темир-Хан-Шуры на протяжении 17 лет, с 1896 по 1913 годы. Дворянство увеличилось в абсолютных цифрах, с 608 человек в 1896 г. до 732 человек с 1913 г., но его доля в населении Темир-Хан-Шуры уменьшилась с 8 до 3,8 %. Духовенство также увеличилось количественно с 40 до 55 человек, а его доля в городском населении упала с 0,5 % до 0,2 %. Военные в Темир-Хан-Шуре в 1896 г. составили 3144 человека, а к 1913 г. 3914 человек, но зато их удельный вес в городском населении упал с 42 % до 19 %. Иностранные подданные проживали в 1896 г. в Темир-Хан-Шуре в количестве 394 человека, а в 1913 г. в количестве 614 человек, но их доля в населении города уменьшилась с 5 до 3 %.

Из всех сословий, проживающих в городе, вырос удельный вес городских сословий, в цифрах этот рост еще значительнее, с 1812 человек в 1896 г. до 5609 человек в 1913 г. Еще больше вырос удельный вес сельских сословий, т.е. государственных крестьян, проживавших в Темир-Хан-Шуре. Во-первых, в абсолютных значениях количество крестьян выросло с 1510 человек в 1896 г. до 9864 человек в 1913 г. Еще больше впечатляет возрастание удельного веса сельского населения в Темир-Хан-Шуре. Он вырос с 20,5 % в 1896 г. до 47 % в 1913 г.

Таким образом, увеличение населения Темир-Хан-Шуры происходило в основном за счет сельских и городских сословий.

Рассмотрим численность и удельный вес сословий в Дербенте в 1896–1913 гг.

Таблица № 2.

Численность и удельный вес сословий в Дербенте в 1896–1913 гг.

Наименование сословия	1896		1906		1913	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	753	4,8	1447	4,8	806	2,4
II. Духовенство	85	1,3	56	0,2	119	0,3
III. Городские сослов.	12375	79	17276	58	18960	56,5
IV. Сельские сословия	1103	7,2	–	–	–	–
V. Военные сословия	1270	8,2	974	3,3	390	1,3
VI. Иностр. подданст.	82	0,5	–	–	–	–
VII. Неизвестно	–	–	10024	33,7	13279	40,
Итого	15668	100	29777	100	33554	100

Как и в Темир-Хан-Шуре, в Дербенте наблюдается уменьшение удельного веса дворянства с 4,8 % до 2,4 %, притом что, его количество возросло с 753 человек в 1896 г. до 806 человек. Удельный вес духовенства уменьшился с 1,3 % до 0,3 %. Военное сословие, находившееся в Дербенте, уменьшились и в абсолютных цифрах с 1270 человек в 1896 г. до 390 человек в 1913 г. Сведений о сельских сословиях в Дербенте даны только за 1906 г. и у нас нет возможности показать их изменение в динамике.

Особенностью Дербента является большая доля городских сословий в структуре города. В 1896 г. городские сословия занимали 79 % городского населения. К 1913 г. доля городских сословий уменьшилась и составила 56,5 %, т.е. больше половины населения Дербента. Значительную долю городского населения в 1913 г. (40 %) составляли жители Дербента, указанные в графе «неизвестно», т.е. неопределенного социального статуса.

И, наконец, эволюция социальной структуры населения Петровска.

Таблица № 3.

Численность и удельный вес сословий в Петровске в 1896–1913 гг.

Наименование сословия	1896		1906		1913	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	753	4,8	1447	4,8	806	2,4
II. Духовенство	85	1,3	56	0,2	119	0,3
III. Городские сослов.	12375	79	17276	58	18960	56,5
IV. Сельские сословия	1103	7,2	–	–	–	–
V. Военные сословия	1270	8,2	974	3,3	390	1,3
VI. Иностр. подданст.	82	0,5	–	–	–	–
VII. Неизвестно	–	–	10024	33,7	13279	40,
Итого	15668	100	29777	100	33554	100

В отличие от Темир-Хан-Шуры и Дербента в Петровске прослеживается тенденция к увеличению, хотя и небольшому, доли дворянства в городском населении. Также немного увеличивается удельный вес духовенства с 0,1 % до 0,3 %. Доля военных в населении городов уменьшается с 19 % в 1896 г. до 6,5 % в 1913 г. Увеличивается доля городских сословий с 18,5 % в 1896 г. до 28,5 % в 1913 г., в абсолютных цифрах это составило 2016 человек в 1896 г. и 6769 человек в 1913 г. Сельское население, проживавшее в Петровске выросло с 5412 человек в 1896 г. до 12513 человек в 1913 г. В процентах этот рост выглядел следующим образом – 50 % в 1896 г. и 52 % в 1913 г. Иностранные поданные в 1896 г. составляли в Петровске 1025 человек, а в 1913 г. – 2502 человека, т.е. их число увеличилось в 2 раза, а в процентах это выглядело следующим образом – 50 % в 1896 г. и 52 % в 1913 г.

Сведем данные о социальной структуре городского населения области одну таблицу № 4.

Таблица № 4.

Социальная структура городского населения Дагестанской области в 1896–1913 гг. по данным Обзоров Дагестанской области.

Наименование сословия	1896		1906		1913	
	кол-во.	%	кол-во.	%	кол-во.	%
I. Дворяне	258	2,4	453	2,5	652	2,7
II. Духовенство	16	0,1	64	0,5	68	0,3
III. Городские сослов.	2016	18,5	6208	34,5	6769	28,5
IV. Сельские сословия	5412	50	7154	40	12513	52
V. Военные сословия	2014	19	1557	8,5	1544	6,5
VI. Иностр. подданст.	1025	10	2532	14	2502	10
Итого	10741	100	17968	100	24048	100

Таблица № 4 свидетельствует, что в городском населении области структурные изменения происходили одинаково, что говорит об их однотипном и синхронном развитии.

Количество дворян, проживавших в городах области, увеличилось с 1619 человек в 1896 году до 2240 человек в 1913 г., т.е. на 140%. В то же время доля дворян среди городских сословий уменьшилась с 4,8% в 1896 г. до 2,8% в 1913 г. Несколько уменьшилась доля духовенства и особенно - доля военного сословия с 18,8% в 1896 г. до 7,4% в 1913 г.

Велика была доля городских сословий – мещан, купцов и почетных граждан. Налицо была тенденция превращения городов из бывших русских военных укреплений, с большим количеством военного населения в торгово-промышленные центры с преобладанием городских сословий. Доля иностранных поданных в городском населении изменялась мало. Из всех сословных групп населения городов области рост наблюдался у представителей сельских сословий. Население городов Дагестанской области пополнялось в большей степени за счет крестьянства.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. имела место перестройка социальной структуры городов области. Она происходила постепенно, медленно. Процесс эволюции социального об-

лика городов Дагестана ускорился в конце XIX в., с усилением вовлечения области в русло экономического развития России.

Примечания

1. Обзор Дагестанской области за 1896 г. Темир-Хан-Шура, 1897.
2. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915.
3. Обзор Дагестанской области за 1906 г. Темир-Хан-Шура, 1907.

В.В. Бондарь (г. Краснодар)

Георгиевские кавалеры – представители рода фон Засс: новые результаты кабинетных исследований

Завершая доклад «Георгиевские кавалеры – представители рода фон Засс», сделанный на V Международных Дворянских чтениях 24 октября 2009 г., и опубликованный в Материалах чтений [1], мы оговорились, применительно к биографии барона Г.Х. фон Засса, что, «Информация не полная. Список наград Г.Х фон Засса уточняется». В процессе изысканий выяснилось, что представленное нами повествование о подвигах и службе Георгиевских кавалеров, происходивших из этого остзейского рода, может быть дополнено не только в отношении упомянутого генерала, но и в части численности Георгиевских кавалеров-носителей фамилии фон Засс и описания их заслуг перед Российским государством. Восполнению этого пробела и посвящено нынешнее краткое сообщение.

Во-первых, ко дню сегодняшнему удалось установить, что генерал от кавалерии барон Григорий Христофорович фон Засс, которому был, в числе прочих, посвящен упомянутый выше доклад, помимо Знака отличия Военного ордена Святого Георгия, полученного в 1813 году и Золотого Георгиевского оружия с надписью «За храбрость», которого он был удостоен в 1835 году, имел и орден Святого Георгия IV класса (№ 5524), который был ему пожалован 29 ноября 1837 года [2]. Обстоятельства представления к награде на настоящий момент не установлены.

Во-вторых, на настоящий момент нами установлено, что, помимо генералов Андрея Павловича фон Засса, Андрея Андреевича фон Засса, Александра Павловича фон Засса и Григория Христофоровича фон Засса, которым был посвящен упомянутый выше доклад, Георгиевскими кавалерами из рода фон Засс были: генерал-майор Корнилий

Александрович фон Засс, удостоенный ордена Святого Георгия IV класса (№ 2093) 26 ноября 1809 года в чине полковника; его сын, генерал-адъютант Корнилий Корнилиевич фон Засс, награжденный орденом Святого Георгия IV класса (№ 4548) 18 октября 1831 г. в чине генерал-майора и двумя золотыми саблями, украшенными бриллиантами, с надписью «За храбрость» в 1831 и 1849 гг.; полковник Роман Федорович фон Засс, удостоенный ордена Святого Георгия IV класса (№ 3709) 26 ноября 1823; полковник Отто фон Засс (отчество не установлено), награжденный орденом Святого Георгия IV класса (№ 4216) 25 декабря 1828 г. и ротмистр Юлий Оттонович фон Засс, награжденный орденом Святого Георгия IV класса (№ 4898) 25 декабря 1833 года [3].

Первый из приведенного выше списка – Корнилий Александрович фон Засс – русский военный инженер, происходил из дворян Лифляндской губернии. Родился К.А. фон Засс 11 февраля 1759 года, образование получил во 2-м кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. По окончании корпуса, получив чин прапорщика, 28 июня 1776 года был определен в инженерные войска на настоящий момент не установлено). Хроника производства в чины: 7 июля 1781 года - в подпоручики, 20 декабря 1783 года – в поручики, 20 февраля 1795 года – в капитаны, 11 января 1797 года – майоры. 31 октября 1797 года фон Засс был отставлен от службы (места службы, должности и причина отставки на настоящий момент не установлены).

11 января 1803 года Корнилий Александрович вернулся на военную службу в Инженерный корпус, с назначением в Инженерную Экспедицию и произведением в чин подполковника. Через два с половиной года, 7 августа 1805 года, он получил чин полковника.

В 1806 г. полковник фон Засс был назначен начальником Санкт-Петербургской инженерной команды и в этой должности 26 ноября 1809 года за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах был удостоен ордена Святого Георгия 4-го класса (по списку Степанова – Григоровича - № 2093) [4].

Во время Отечественной войны 1812 года К.А. фон Засс руководил работами по укреплению крепости Нарва; в 1813 – 1814 годах в составе действующей армии и участвовал в походах в Пруссию и Францию.

28 февраля 1815 года полковник фон Засс был назначен исправляющим должность вице-директора Инженерного департамента Военного министерства. В 1816 году он был произведен в генерал-майоры,

а через год за 35 лет беспорочной службы награжден орденом Святого Владимира 4-й степени [5].

Скончался К.А. фон Засс 31 мая 1822 года в Санкт-Петербурге, похоронен на Волковом лютеранском кладбище [6].

Сын Корнилия Александровича – Корнилий Корнилиевич фон Засс – родился 23 июля 1793 года. В возрасте 11 лет, 5 ноября 1804 года был определен на службу по Инженерному корпусу, в 1805 году переведен в чертежную Инженерной экспедиции. В 1808 году получил чин подпоручика.

В 1813 г. младший Корнилий фон Засс был определен в Лейб-гвардии сапёрный батальон. Чин должность на момент перевода не установлены. В 1820 г. году он был произведен в полковники и утвержден в должности командира Лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона.

Во время восстания 14 декабря 1825 г. эскадрон, которым командовал К.К. фон Засс, находился в Петербурге, вместе с прочими армейскими и гвардейскими частями, собранными на Дворцовой и Исаакиевской площадях «против возмущившихся частей». Вот как описывает участие К.К. фон Засса в этом событии барон М.А. Корф: «...толпа производит батальный огонь..., а здесь еще на ... тесном пространстве Засс с коннопионерами (то есть с Лейб-гвардии конно-пионерным эскадрона. – В.Б.) пробивается через мятежников, и его лошади, как и лошади дивизиона конной гвардии... не скользят, а проскакивают к назначенным местам! Этот напор Засса был оттого быстр и отважен, что в Преображенской роте отряд его приняли даже сперва за врага!»; в примечании: «во время атаки, произведенной Коннопионерами, убит был унтер-офицер, под Зассом пьяный мужик ушиб в лобную часть лошадь, и в то же время унтер-офицер Московского полка хотел проколоть его в правый бок; но Засс удачно отбил штык и выколол тому унтер-офицеру саблею глаз» [7]. На следующий день полковник К.К. фон Засс «за верность долгу был пожалован во флигель-адъютанты к Императору Николаю I».

В начале русско-турецкой войны 1828 - 1829 гг. полковник фон Засс находился со своим эскадрона в Придунайских княжествах, где, согласно Высочайшему повелению, руководил работами по исправлению путей сообщения и обеспечил прокладку удобной дороги через горы и непроходимый лес близ крепости Варна.

В 1829 г. К.К. фон Засс «за отличие по службе» был произведен в генерал-майоры и назначен командиром Лейб-гвардии драгунского полка (впоследствии конно-гренадерского), с которым принимал участие в усмирении Польского мятежа 1830 – 1831 гг.: вначале в соста-

ве отряда генерала К.И. Бистрома, а позже провел несколько самостоятельных экспедиций. Участвовал в сражениях под Тыкочином, за что позже получил орден св. Анны 1-й степени, при Остроленке, за что получил украшенную алмазами золотую саблю с надписью «За храбрость», и во взятии штурмом Варшавы, за что 18 октября 1831 г. был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени (№ 4548 по списку Степанова - Григоровича).

В конце 1831 г., по возвращении из Польского похода, генерал-майор фон Засс был назначен командиром 1-й бригады 1-й лёгкой кавалерийской дивизии, в 1842 г. получил должность дивизионного начальника 4-й лёгкой кавалерийской дивизии, а в 1843 г. был произведён в генерал-лейтенанты.

Еще в 1838 г. Корнилий Корнилиевич был зачислен в свиту Его Императорского Величества.

Во время Венгерского мятежа 1849 г., командуя дивизией, генерал К.К. фон Засс совершил поход за Карпаты, где сражался с мятежниками при селах Геремболи, Зольце, Кекеше и Дебрецене. За особое отличие в этой кампании он получил вторую золотую украшенную бриллиантами саблю с надписью «За храбрость».

12 сентября 1851 г. К.К. фон Засс был пожалован в генерал-адъютанты к его Императорскому Величеству [8].

В 1852 году, состоя членом Александровского комитета о раненых, генерал К.К. фон Засс, «ввиду открывшихся злоупотреблений директора канцелярии комитета Политковского», вместе с другими членами комитета был предан генеральскому суду «за бездействие власти и допущение важного государственного ущерба» и лишён звания генерал-адъютанта.

С 1853 г. К.К. фон Засс исправлял должность попечителя военно-сухопутных госпиталей, находившихся в то время в Санкт-Петербурге и его окрестностях. В 1854 году ему было возвращено звание генерал-адъютанта.

Умер Корнилий Корнилиевич фон Засс 14 марта 1857 г., похоронен на лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге [9].

О прочих упомянутых нами Георгиевских кавалерах – носителях фамилии фон Засс – полковниках Отто и Романе Федоровиче и ротмистре Юлие Оттоновиче – информация на настоящий момент не найдена.

Примечания

1. *Бондарь В.В.* Георгиевские кавалеры – представители рода фон Засс / «Под сенью Святого Георгия» (к 240-летию со дня учреждения военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия): Материалы V

Международных Дворянских чтений (24 -25 октября 2009 г.). Краснодар, 2009. С. 114 – 126.

2. Номер приведен по кавалерскому списку Степанова – Григоровича; см.: *Степанов В.С., Григорович П.И.* В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. (1769—1869). СПб., 1869. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/482940>. Дата обращения: 29.12.2010 г.

3. См.: *Там же*.

4. *Степанов В.С., Григорович П.И.* Указ. соч. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/482940>. Дата обращения: 29.12.2010 г.

5. См.: *Ивков Д.П.* Исторический очерк Главного инженерного управления за время его существования, с 24 декабря 1862 г. по 20 декабря 1913 г., т.е. до переименования в Главное военно-техническое Управление. Пг., 1915. С. 41.

6. *Волков С.В.* Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Том I. А—К. М., 2009. С. 622.

7. *Корф М.А.* Восшествие на престол императора Николая I. Спб., 1857. С. 157.

8. *Квадри В.В.* Императорская главная квартира. Царствование Императора Николая I. СПб., 1908. С. 188.

9. Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. Жабокритский - Зяловский. Пг., 1916. С. 259 – 260.

К.В. Русанов (г. Харьков)

Охраняя Государя, веру, соотечественников: жизнь Леонида Сенько-Поповского

Защита фундаментальных ценностей Родины, в особенности на трагических изломах истории, являлась главной обязанностью дворянина. Это хорошо видно на примере жизненного пути и служебной карьеры Л.А. Сенько-Поповского (1885–1931).

В трудные годы Первой мировой и Гражданской войн Л.А. Сенько-Поповский служил Черноморским вице-губернатором, губернатором и городским головой Новороссийска. Сегодня имя Сенько-Поповского чаще всего вспоминают в связи с основанием им Музея природы и истории Черноморского побережья Кавказа (МПИ ЧПК) в 1916 г. Леонид Александрович совершил немало и других дел, достойных памяти потомков. Доминантой его жизни была охрана основ Российского государства и особы Императора, православной веры и благополучия соотечественников, попавших волею судьбы в жернова истории. Дворя-

нин Сенько-Поповский не остался пассивным наблюдателем масштабных и грозных событий конца 1910-х – начала 1920-х гг.

Потребность защищать Родину воспитывается с детства, передается от предков. Как полагает В.В. Ткаченко-Гильдебрандт, автор работ по генеалогии украинского и кубанского казачьего дворянства, Сенько-Поповские – ветвь мелкопоместного православного шляхетского рода Поповских, появившегося на Подолии в период польского владычества [1]. Сенько-Поповские подтвердили свое происхождение и в Российской Империи (фамилия включена в 6-ю часть Дворянской родословной книги Подольской губернии – см., например, rodovoyegnezdo.narod.ru/Podolia/noblepodolia.htm). Многие Поповские еще в XVII–XVIII вв. отправляли, как и другие украинские дворяне, своих сыновей в Запорожскую Сечь; их потомки, переселившись на Кубань, дали России немало казачьих офицерских кадров [2].

Показательно, что Л.А. Сенько-Поповский смолоду активно интересовался вопросами генеалогии: 16 ноября 1907 г. он стал действительным членом Историко-родословного общества в Москве, объединявшего представителей аристократических фамилий и историков [3]. К этому времени Леонид Александрович, окончив Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая Александровича, поступил на службу по ведомству Министерства внутренних дел [4].

Это закрытое учебное заведение, неофициально называвшееся «Катковский лицей» по имени основателя и первого руководителя М.Н. Каткова, давало высшее образование детям дворян, готовя их для государственной службы. Ответственным участком последней была борьба с подрывными (революционными) элементами, пользовавшимися, как и сегодня, информационной и финансовой поддержкой врагов России.

Талант молодого дворянина пришелся к месту в этой борьбе и не остался незамеченным руководством МВД. Значительную часть периода 1907–1916 гг. Л.А. Сенько-Поповский прослужил чиновником особых поручений, откомандированным в распоряжение товарища (заместителя) министра, курировавшего деятельность Департамента полиции и одновременно руководившего Отдельным корпусом жандармов; Леонид Александрович исполнял обязанности секретаря товарищей министра генералов П.Г. Курлова и В.Ф. Джунковского [5].

По показаниям С.П. Белецкого (1873–1918), работавшего в этой же системе, генерал Курлов (1860–1923), став товарищем министра в начале 1909 г., относился к Сенько-Поповскому с особым доверием [6]. Генерал Джунковский (1865–1938), сменивший Курлова в 1912 г.,

характеризовал своего секретаря как безукоризненно честного человека [7]. С 1910 г., если не ранее, Л.А. Сенько-Поповский участвовал в организации спецопераций МВД против подрывных элементов, в том числе против зарубежных антироссийских центров [8]. По свидетельству А.И. Спиридовича, начальника дворцовой охраны Государя, Сенько-Поповский готовил тексты Высочайших докладов товарищей министра по важным вопросам государственной безопасности [9].

Имя Сенько-Поповского встречается в материалах расследования убийства председателя Совета министров П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. в Киеве. Все руководство охранительной системы России прибыло на Украину еще летом, чтобы обеспечить безопасность визита сюда Государя и членов правительства. В сборнике «Тайна убийства П.А. Столыпина» имеются, например, свидетельства П.Г. Курлова о том, что через руки его секретаря проходили крупные суммы денег на оплату услуг секретных сотрудников, и документы, составленные самим Сенько-Поповским [10].

Еще в 1915 г. В.Ф. Джунковский решил доверить молодому чиновнику руководящую работу в прифронтовой Черноморской губернии, но перевод произошел уже при сменившем генерала С.П. Белецком. По словам последнего, Сенько-Поповский, имевший к тому времени чин V класса (статский советник) и «довольно большое материальное и добавочное содержание из сумм Департамента, до назначения вице-губернатором получил длительный отпуск на Кавказ и командировку в Оренбург по устройству беженцев, давшую возможность ознакомиться с предстоявшими ему обязанностями, так как он до этого в провинции не служил и самостоятельных административных функций не исполнял».

13 апреля 1916 г. Л.А. Сенько-Поповский прибыл к месту службы – в Новороссийск, где сложилась довольно напряженная обстановка [11]: в марте в городе начались перебои с продуктами питания; цены на последние резко возросли, давая повод для активизации подрывной деятельности большевиков. У побережья Кавказа оперировали германские подводные лодки, высаживавшие на берег диверсионные группы. Субмарины активно атаковали русские морские коммуникации – так, 29 марта одна из них потопила, с большими человеческими жертвами, госпитальное судно «Португалия» [12]. Немалый опыт охранительной работы и организаторский талант вице-губернатора логично и целесообразно было бы использовать для ликвидации наиболее опасных угроз стабильности.

Однако в публикациях о деятельности Сенько-Поповского в Новороссийске акцент сделан исключительно на организации им МПИ ЧПК,

Л.А.Сенько-Поповский
в Новороссийске
(фото с сайта Новорос-
сийского
исторического музея-
заповедника
– <http://novomuseum.ru>)

открытия экспозиции, издания «Записок» музея и т. п. С первых месяцев пребывания в Новороссийске вице-губернатор, лично возглавив правление МПИ ЧПК, энергично склонял местных предпринимателей спонсировать проект учреждения культуры, которое «станет достопримечательностью края и города и составит нашу гордость. Будущее здание музея предложено построить в классическом стиле и больших размеров, где могли бы вместиться все коллекции, касающиеся края, библиотека, справочное бюро, залы, рабочие кабинеты и проч. Перед зданием музея необходима большая площадка для размещения на ней дольменов, баб и других памятников старины, а равно разведения там сада, где были бы собрана вся характерная флора Новороссийского округа и по возможности помещен террариум и аквариум» [13].

А еще Леонид Александрович зарекомендовал себя как «человек церковный и религиозный» – так охарактеризовал его в мемуарах князь Н.Д. Жевахов (1876-1949?), товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, посетивший Новороссийск в январе 1917 г. [14].

Вот, собственно, и все опубликованные сведения о работе Сенько-Поповского в городе и губернии в предреволюционный период, когда шел третий год войны, и Россия была озабочена проблемами куда более острыми и насущными, чем дольмены и террариум. Безусловно, вице-губернатор занимался решением и таких проблем тоже, но по каким-то причинам эта его деятельность до сих пор не привлекла внимания историков. Дефицит информации и однобокость сложившегося в публикациях имиджа Леонида Александровича оставляют место для различных версий.

Возможно, показная активность Сенько-Поповского на поприще развития культуры и духовности была прикрытием иной, конфиденциальной работы по защите устоев государства. Встаёт вопрос: не он ли приложил свою опытную руку к спецоперации новороссийских жандармов во главе с подполковником Мальдонатовым против подпольной группы большевиков, подстрекавших населения и войска к антивоенным выступлениям? Известно, что арестами в августе 1916 г. была сорвана конференция РСДРП(б) Кубанской области).

Впрочем, если это была рука вице-губернатора, то он сумел сохранить свой вклад в достижение кубано-черноморских спецслужб в тайне. После февральского переворота 1917 г. Л.А. Сенько-Поповского не отстранили от дел. Комиссар Временного правительства в марте подтвердил полномочия Леонида Александровича по управлению губернией [9], тогда как коллега Сенько-Поповского по Отдельному корпусу жандармов, теперь уже полковник Мальдонатов провел по меньшей мере март-июнь 1917 г. в Новороссийской тюрьме [15].

И при большевиках в 1918 г. бывший вице-губернатор не подвергся репрессиям: «Леонид Александрович жил в маленькой комнате при музее, исполняя роль его директора. Он говорил, что доволен своей судьбой, доволен тем, что может читать хорошие книги, проводить экскурсии по музею и писать мемуары. Благодаря Л.А. Сенько-Поповскому МПИ ЧПК продолжал работать, несмотря на то, что вокруг бушевала Гражданская война, и, покидая Новороссийск (весной 1920 г. – К.Р.), он оставил жителям коллекции музея в полной сохранности» [16].

Жаль, что эти мемуары до сих пор не дошли до нас. Сегодня можно спорить о том, с чьей стороны большим клятвопреступлением было подписание Государем отречения от престола, «встреченного бешеными рукоплесканиями и безумной радостью врагов России» (см. www.rus-sky.com/history/library/rus_id/m). Но тогда, при падении устоев государства, всеобщем хаосе, разнузданности и терроре, перед Сенько-Поповским встал вопрос: что и кого обязан охранять дворянин теперь, когда Государь – пусть принужденный к этому «изменой, трусостью и обманом» значительной части Его окружения, генералитета, Думы – освободил, проявив моральную слабость, своих верных защитников от данной Ему присяги?

Леонид Александрович видел – Православная Церковь, веками дававшая нравственную опору русским людям, подвергается губительным нападкам дорвавшихся до власти сил зла не менее яростно, чем основы самодержавия. Борьбась с этим следовало не только с оружием в руках, но и восстанавливая разрушаемые структуры церкви, возрождая духовное единение священников и мирян.

И Сенько-Поповский стал одним из организаторов Юго-Восточного Собора Российской Православной церкви в Ставрополе в мае-июне 1919 г., депутатом от мирян Сухумской епархии. Он подсчитывал записки при голосовании и вошел в состав соборной комиссии «Личного состава и хозяйственной» [17].

Жизнь гонимых войной и репрессиями на Юг России десятков и сотен тысяч беженцев также нуждалась в деятельной защите. Митро-

полит Евлогий (Георгиевский) зафиксировал в воспоминаниях: «Мы возвращались на родину после Успения 1919 г., пробыв в плену 9 месяцев [...]. И вот мы подплываем к русским берегам, уже вырисовываются дома Новороссийска... На пристани нас встречает огромная толпа. Знакомые и незнакомые: много духовенства, военные, штатские... Не успели мы сойти с парохода, нас обнимают, целуют, приветствуют – встречают как воскресших из мертвых. Оказалось, прошел слух, что мы расстреляны. Среди собравшихся был и городской голова Сенько-Поповский».

Возвращение Евлогия 2 января 1920 г. было уже далеко не радостным: «В Новороссийск мы прибыли утром. Нам, архиереям, пришлось жить в вагоне. Нас отцепили и задвинули далеко от станции на запасной путь [...]. Еды у нас не было, денег в обрез, от города далеко [...]. Надо мной сжалился Сенько-Поповский (теперь он был губернатором) и предложил мне переехать к нему в квартиру [...]. У него было сухо, тепло; я опять очутился в человеческих условиях» [18].

Опыт работы с беженцами, приобретенный Леонидом Александровичем в Оренбурге, теперь был востребован едва ли не ежедневно. Эти навыки и силы душевного сострадания пригодились Сенько-Поповскому и в эмиграции. В январе 1921 г. в Афинах было организовано Бюро трудовой помощи эвакуированным в Грецию русским воинам и беженцам, которое возглавил Л.А. Сенько-Поповский [19]. А в июне того же года он стал инициатором создания Всероссийского объединения земских и городских деятелей в Греции, которое получало субсидии из Парижа. Леонид Александрович был избран первым председателем президиума объединения и занимал этот пост до 15 апреля 1922 г. [20].

В этот же период, по данным сайта «Религиозные деятели русского зарубежья» (см. zarubezhje.narod.ru/rs/S_299.htm), Сенько-Поповский состоял заместителем председателя Союза русских православных христиан в Греции. А в ноябре 1921 г. Леонид Александрович был избран депутатом от Греции на Русское Заграничное церковное собрание (Собор) [21].

Дальнейшее участие Л.А. Сенько-Поповского в духовной жизни русского Зарубежья пока нашло лишь одно подтверждение: по данным автора, в 1928 г. в Париже в издательстве Светлейшего князя М.К. Горчакова «Долой зло» вышла книга Леонида Александровича «Нападение на Гамбургскую церковь» (эту небольшую книгу предлагают в Интернете за 25 евро – см. ru.gojava.com/search/qau/СЕНЬКО ПОПОВСКИЙ Л А).

Издательство «Долой зло» одни российские историки характеризуют как «крайне правое» и «монархическое», а другие – как «специализировавшееся на издании книг, посвященных Православной самодержавной монархии и раскрывающих опасную для человечества работу темных сил масонства, сектантства, социализма, иудаизма». И верно – М.К. Горчаков (1880–1961) начал работу своего русского патриотического издательства в 1927 г. со знаменитых «Протоколов сионских мудрецов». Не останься Сенько-Поповский и в изгнании безупречным русским дворянином, вряд ли Светлейший князь принял бы его труд к публикации...

Изучение биографии Л.А. Сенько-Поповского только начинается. Но и немногие факты, приведенные выше, убедительно свидетельствуют: в жизни этого русского дворянина, кроме организации музея в Новороссийске, был целый ряд поступков и свершений на Юге России и среди эмигрантов с Кубани, Черноморья, Дона, Ставрополя, достойных сохранения в нашей памяти как примеры служения фундаментальным ценностям Родины. Тем самым основам, на которых стоит Россия и которые поэтому подвергали и подвергают сомнениям и нападкам ее враги.

Примечания

1. *Ткаченко-Гильдебрандт В.В.* Две черноморских казачьих фамилии Ткаченко, происходившие от двух разных шляхетских родов Речи Посполитой // www.proza.ru/2009/02/28/850.
2. Там же.
3. Список членов Историко-родословного общества в Москве к 1-му января 1915 г. // *Летопись Историко-родословного общества в Москве. – Юбилейный выпуск (1905-1915).* - М., 1914 (www.gen-volga.ru/biblio/iro10sp.htm).
4. Указатель собственных имен // Падение царского режима. Стенографический отчет допросов и показаний крупнейших деятелей царского режима, снятых Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 г. / Под ред. П.Е. Щеголева. Т. 7. Л., 1927 (mirknig.com/knigi/history/1181271325-padenie-carskogo-rezhima-tom-7.html).
5. Там же.
6. Показания С.П. Белецкого. Ч.5. // Падение царского режима. Стенографический отчет допросов и показаний крупнейших деятелей царского режима, снятых Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 г. / Под ред. П.Е. Щеголева. Т.4. - Л., 1925 (mirknig.com/knigi/history/1181269179-padenie-carskogo-rezhima-tom-4.html).
7. *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т.1-2 / Под ред. А.Л. Паниной. - М., 1997 (az.lib.ru/d/dzhunkowskij_w_f/text_0010.shtml).
8. *Аврех А.Я.* Масоны и революция. - М.: Политиздат, 1990 (krotov.info/)

history/20/1900/avreh_03.htm).

9. *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. - Минск: Харвест, 2004. - 720 с.

10. Тайна убийства П.А. Столыпина. Сборник документов / Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, Федеральная архивная служба РФ, ГА РФ. - М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. - 736 с. (www.hrono.ru/libris/stolypin/1911oglav.php).

11. *Герасименко А., Санеев С.* Новороссийск — от укрепления к губернскому городу. - Краснодар: Эдви, 1998. - 496 с.

12. *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914-1918 гг. - СПб.: Полигон, 2004. - 524 с.

13. Колбасина Л.А. Городскому музею 80 лет // Исторические записки. Исследования и материалы. - Вып. 2. - Новороссийск, 1996. - С. 4-31.

14. Князь Николай Давидович Жевахов. Воспоминания. Т. I (сентябрь 1915 – март 1917 гг.). - Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь: Родник, 1993. По первому изданию Ф. Винберга, Мюнхен, 1923 (lib.eparhia-saratov.ru/books/07zh/zhevahov...84.html).

15. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. Путеводитель / Под ред. С.В. Мироненко. - Том 4. - М., 2004. - 798 с.

16. *Колбасина Л.А.* Указ. соч.

17. *Крячко Н.Н.* Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 г. // Вестник церковной истории. - 2008. - №1 (9). - С. 5-55 (www.sedmitza.ru/data/003/997/1234/5_55.pdf).

18. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. - Материалы по истории церкви, кн. 3. - М.: Московский рабочий, 1994. По первому изданию Париж: YMCA-PRESS, 1947. - 622 с. (krotov.info/acts/20/1910_16/eulo_18).

19. *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Греции (1920-е – середина 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. - 2005. - №2 (13) (www.nivestnik.ru/2005_2/11.shtml).

20. *Там же.*

21. Деяния Русского Всеаграничного церковного собора, состоявшегося 8-20 ноября 1921 года (21 ноября – 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // Верность. - 2006. - №№35-37, 41 (www.metanthonymemorial.org/Vernost).

Г.-Р.А.-К. Гусейнов (г. Махачкала)

Род Мирзоевых в контексте досоветской истории формирования национальной элиты Чечни

В данном сообщении автор хотел поделиться результатами своих разысканий о роде Мирзоевых. Первое доступное на сегодняшний день упоминание представителей этого рода имеет место в 1866 г., когда в составе комиссии для освобождения зависимых в Чечне, наряду с полковниками Вагапом Аду и Касымом Курумовым, майором Шеди Эльмурзаевым и муллой Байбулатом Аджиевым, называется кадий Али Мирзоев [1]. В период нефтяного бума начала XX века в г. Грозном, по всей видимости, его сын, выходец из с. Урус-Мартан, представитель тейпа Энгеной (Восточная Чечня, традиционно именуемая Ичкерией, где до сих пор находится одноименное село) Керим-хаджи Мирзоев арендовал у Терского казачьего войска единственные тогда Старые нефтяные промыслы этого города, которые затем перешли под контроль фирмы «Ахвердов и К». Потомство Керим-хаджи, самым известным из которых был Абубакар (его именем чеченцы до сих пор называют построенный еще до Первой мировой войны т.н. «чеченский небоскреб» – самое высокое жилое здание того времени на Северном Кавказе, варварски разрушенное в «первую чеченскую» войну), занялось торговлей и стало известно в качестве купцов первой гильдии.

Узами родства Мирзоевы были связаны с рядом известнейших семейств Дагестана, Ингушетии, Чечни и Азербайджана того времени. В их число входит и дед автора этих строк – шамхальский чанка, купец первой гильдии Хабибулла Гусейнов, который, как отмечалось нами в материалах предшествующих Чтений, женился на дочери Абубакара Вазипат. Затем уже в советское время отец – Абдул-Кадыр – сочетался браком с Сапият – дочерью Тарама, старшего брата Абубакара.

Женой Абубакара была Зару, происходившая из рода шейха Берсана, одного из легендарных распространителей ислама в Чечне [2], Тарама – дочь одного из шейхов ордена Накшбанди в Чечне Солса-хаджи Яндарова (после ее смерти он уже в достаточно зрелом возрасте женился на жительнице с. Урус-Мартане Ите – матери Сапият – из тейпа Гендергеной, одного из крупнейших в Чечне). Один из потомков Солса-хаджи Яндарова, профессор Андарбек Дудаевич Яндаров, советник Совета Федерации, трагически погибший в мае с.г., являлся в свое время единственным в СССР доктором философских наук, специалистом по суфийскому исламу, затем секретарем Чечено-Ингушского обкома КПСС по идеологии и министром образования в начале «горячих» 90-

х годов. Другим известным представителем этого рода был Халид Яндаров, который до революции окончил учительскую семинарию в городе Гори. Во время Первой мировой войны он ушел на фронт со старшего курса Харьковского политехнического института, при Советской власти закончил аспирантуру по языкознанию и кавказоведению при РАНИОН руководством академика Н.Я. Марра. Он известен как автор одних из первых научных работ по чеченскому языку, изданных в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в.

Первая жена Тарама была Ошаевой по матери, ее брат будущий известный чеченский писатель и первый чеченский языковед Халид Ошаев возглавлял в 1921 г. Чеченский ревком. Возможно, из этого рода был Истамбул Ошаев, награжденный, как уже отмечалось нами, 25 февраля 1860г. знаком отличия Военного ордена Св. Георгия «за отличие в делах против горцев» и произведенный затем в прапорщички (13 февраля 1862г.) и подпоручики (4 декабря 1864г.), будучи прикрепленным после этого, с 1870 г., к регулярным и иррегулярным войскам Терской области [3].

Одна из дочерей Тарама от этого брака – Набисат вышла замуж за ингуша – капитана Мурцала Шадиева, прославившегося в свое время за то, что он, будучи командиром одной из воинских частей, намеренно дал уйти из окружения знаменитому чеченскому абреку Залимхану Харачоевскому (Гушмазукаеву) и был отправлен за это в отставку. Другая дочь – Миспах была выдана замуж при посредстве моего деда Хайбуллы в Баку за миллионера, купца и промышленника Абдуллаева, но после того, как советские войска заняли Баку, отказалась ехать с ним в эмиграцию в Иран и стала работать в партийных и советских структурах.

Мирзоевы находились в родстве и с фамилиями Чермоевых и Цутиевых, единственными чеченцами, внесенными в родословные дворянские книги Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей с 1795 по 1 декабря 1912 г. [4]. Но с одной стороны, дочь Абубакара красавица Кабахан (Нанаш) отказалась эмигрировать с Чермоевыми во Францию и, выйдя затем замуж за одного из последних кумыкских князей Турловых, бывших правителями Чеченского княжества в XVII – XVIII вв. до его вхождения в состав России, а затем одними из крупнейших землевладельцев Надтеречного наибства Чечни (им принадлежала здесь в 1863-1864гг. 2001 десятина [5]), – Алисултана, сосланного в с. Шали, бесследно исчезла вместе с ним в застенках НКВД в 1937 году. С другой, дочь Исмаила, брата и Тарама, выходит замуж за брата будущего председателя Горского правитель-

ства Тапы Чермоева, а затем, во Франции, ее дочь – за министра иностранных дел того же правительства кумыка Гайдара Баммата.

На Аминат (Аме), дочери Цутиева – купца первой гильдии, был женат один из сыновей Абубакара, а его единственная дочь была замужем за полковником Ибрагимом Чуликовым, предок которого Ногай-Мирза – основал в начале XIX века одно из надтеречных чеченских сел – Знаменское (Чулг-Юрт) [6]. Он избирался помощником председателя парламента Горской (Северо-Кавказской) Республики, был в 1919 г. председателем Чеченского национального Совета, командующим Чеченским ополчением, помощником деникинского правителя Чечни генерала от артиллерии Эрис-хана Султан Гирия Алиева по гражданской части, перешел на сторону красных, был руководителем местного «Наробраза» в 20-х гг. XXв., но затем эмигрировал на Запад [7].

Его дочь была замужем за Ибрагим-Бекем Саракаевым, одним из первых чеченских писателей и публицистов досоветской эпохи. Он после начала Первой мировой войны вступил вольноопределяющимся в Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии, ставшей известной впоследствии как знаменитая «Дикая дивизия». За мужество и смекалку, проявленные в боях на Юго-Западном фронте, Ибрагим-Бек был произведен в офицеры. В дальнейшем он дослужился до чина подполковника. За отвагу был также награжден орденами Святого Георгия 4-й степени и Святой Анны 2-й степени с мечами. После февральской революции 1917 года служил чиновником по особым поручениям в Горском правительстве Абдул-Меджида (Тапы) Чермоева. В годы Гражданской войны, по рекомендации С. Кирова, служил в XI Красной Армии в должности заместителя командующего по снабжению. После победы советской власти в Чечне был заместителем начальника милиции Чеченской автономной области. Преследовался НКВД, но умер своей смертью в 1934 году [8].

Примечания

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIIIв.-1917г.). - М., 1988. С.274; История Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С.114. Мирзоевы находились в родстве и с упомянутым здесь Касимом Курумовым, происходившим из малокабардинских кумыкских узденей, в дальнейшем генерал-майором (см. *Алиев К.М.* Кумыки в военной истории России. Махачкала, 2010.С.). Того же происхождения, судя по имени и фамилии, и мулла Байбулат Аджиев.

2. См. Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1998. С.107

3. См. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Александр Чеченский и награжденные за участие в Кавказской войне чеченцы-кавалеры военного ордена Святого Вели-

комученика и Победоносца Георгия: мифы и реальность // Материалы V Международных Дворянских Чтений «Под сенью святого Георгия».- Краснодар (Екатеринодар).2009. С.87.

4. rodovojegnezdo.narod.ru/Kuban_Stavr.

5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.).- М.,1988. С.265. Причем, как явствует из архивных документов, при бегстве в 1841 г. возмущившихся надтеречных чеченцев к Шамилю прапорщик князь Айдемир Турлов последовал за прочими их (кумыкскими) владельцами, которые, «оставаясь верными правительству и пренебрегая потерю всего своего имущества, бежали на левый берег Терека и укрылись в казачьих станицах» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала, 1959. С.265).

6. История народов Северного Кавказа (конец XVIIIв.-1917г.).- М.,1988. С.102.

7. roa2.narod.ru/pers.htm; whiterussial.narod.ru; ghalghay.com/2010.

8. wikipedia.org/wiki/Сапакаев.

И.Ю. Мартианова (г. Краснодар)

Жизненный мир молодого офицера Лейб-гвардии Преображенского полка: системный анализ воспоминаний Д.Г. Колокольцева (1831–1846 гг.)

Жизненный мир человека другой эпохи – это всегда яркая и впечатляющая картина для историка. Потому что это мир не только внешний, но и внутренний, не только мир громких политических событий и прославленных личностей, но и тягучий мир повседневной рутины. Так или иначе, но на склоне отпущенного судьбой пути люди любят припоминать то, что они повидали, почувствовали, поняли. Некоторые решаются оставить запись своих воспоминаний потомкам, увековечив свой жизненный мир, который созидался на протяжении всего пути, расширялся, заботливо обустроивался. Таким образом, человек гибнет, а созданный им мир остаётся существовать в веках, как результат творчества однажды жившего человека. Одним из таких застывших на века жизненных миров был тот, который создал Дмитрий Григорьевич Колокольцев (1814 – 1896 гг.) [1].

Он не смог рассказать обо всём, что наполняло его жизненный мир на всём протяжении своего земного срока, но поведал об одном из самых для него захватывающем периоде – службе в Лейб-гвардии Преображенском полку. Рассказ мемуариста о 14-ти годах службы в этом

привилегированном подразделении царской армии построен так, что в нём представлен не только жизненный мир одного человека (автора воспоминаний), но и увековечены некоторые системы жизненного мира всего полка. Это обстоятельство весьма расширяет информативные возможности мемуаров Д.Г. Колокольцева, позволяет судить не только о его личных представлениях, но и коллективных воззрениях офицеров-преображенцев, служивших в 1831–1846 гг. и отражённых автором в тексте.

Обычно понятие «жизненный мир» применяется к отдельному человеку. Такое употребление данного концепта было заложено и обосновано в работах психологов и философов. Психологи склонны считать жизненный мир «третьей реальностью», призванной снять резкое разграничение «внешнего» и «внутреннего» в жизни человека [2]. В прежних исследованиях нами было выработано следующее определение данного понятия: жизненный мир человека – системное понятие, охватывающее целый комплекс взаимосвязанных и взаимозависимых систем представлений человека об окружающей его объективной действительности и субъективных ощущений, каждая из которых имеет свою сложную исторически сложившуюся структуру. Поскольку не только отдельный человек способен «представлять», но и людское сообщество, то можно предположить наличие жизненного мира и у группы людей, объединённых примерно одинаковыми условиями существования в одной из возможных точек земного пространства, застигнутых в одной и той же точке времени.

Принимая во внимание всё вышесказанное, попытаемся охарактеризовать системы жизненного мира офицеров Преображенского полка и системы жизненного мира самого Д.Г. Колокольцева, выявив их точки соприкосновения и взаимодействия на основе анализа его воспоминаний.

Одной из систем жизненного мира человека является комплекс представлений о себе. Однако в тексте мемуаров мы сталкиваемся не с этим комплексом, а с саморепрезентацией комплекса представлений о себе. Автор сообщает только то о себе, что хотел бы поведать читателям. В тексте Дмитрий Григорьевич Колокольцев себя репрезентирует таким, каким он себе запомнился в период службы в Преображенском и каким бы хотел предстать перед читателями.

Мемуарист начинает своё повествование о себе и о своей службе с мальчишеских лет. Служебную карьеру он начал в 15 лет, видимо, по решению родителей. Дмитрий Колокольцев был отправлен в Санкт-Петербург, где его зачислили в Преображенский полк солдатом и од-

современно в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Мемуарист отмечал, что в этом заключалась особенность его положения в начале служебной карьеры: служил и учился одновременно.

В событиях, формировавших жизненный мир Дмитрия Григорьевича Колокольцева, отразилась культурно-историческая ситуация времени. В XVIII – первой половине XIX в. действительная служба малолетних дворян – распространённое, обыденное, заурядное явление [3]. Для многих подростков дворянского происхождения выполнение служебных обязанностей сочеталось с учёбой. В начале XIX в. правительство приняло меры для прекращения подобной практики, но в реальной повседневной жизни она бытовала до середины столетия.

В языковых конструктах, которыми Д.Г. Колокольцев пользовался для описания начала службы и учения в школе, отражалось пассивное поведение подростка, например: «я ... был привезён» [4], или присутствует ссылка на беспомощность: «...как всё это тогда устроилось – я теперь уже не помню» [5]. Им распоряжались взрослые (родители и начальство) по своему усмотрению и не спрашивали у него его согласия или мнения.

Свою самостоятельность и активность Колокольцев мог продемонстрировать только во время экзаменов – приёмных, текущих и выпускных. Он не возражал против действий взрослых, так как они совпадали с его желаниями: «ибо я действительно любил военную службу» [6], – писал мемуарист. Несмотря на то, что, экзамены, которые всегда в этом учебном заведении проводились в присутствии Великого князя Михаила Павловича и «были тогда – страсти Господни!» [7], Д.Г. Колокольцев благополучно сдавал. В его жизни трудности обучения и первых лет службы давали памятные эмоции: «по истине, сказать правду, я не могу по сие время вспомнить без страха Божьего!!...» [8].

Представление Колокольцева о себе самом проскальзывает в рассказе об опоздании в школу из увольнения. Он вышел из школы в 8 часов утра и должен был вернуться к 9 часам. Основную массу времени он провёл у «тётушки Бутурлиной», которая «в те времена» была «большой барыней» [9]. На тот момент ему было уже 17 лет. Колокольцев чувствовал, что тётушка его «как родного... племянника, очень любила и баловала» [10], поэтому всегда посещал её. Время, проведённое на гостеприимной даче, летело быстро, и он, всегда внимательный к службе и её требованиям, забыл о сроке возвращения. Воспользоваться транспортом юноша не мог – устав запрещал, поэтому он пустился бегом. По дороге Колокольцев почувствовал, что всё равно не успеет и поэтому решил взять извозчика. Дмитрий Гри-

горьевич вспоминал, как он в этой ситуации метался между боязнью нарушить устав и опозданием в школу. Тётушка предлагала ему воспользоваться её каретой, но он «наотрез отказался из опасения как нижний чин встретиться с начальством» [11]. По дороге страх перед наказанием за опоздание пересилил – он взял извозчика и ехал с великими предосторожностями. Подпрапорщик утешался мыслью, что его форма издали тем-то и тем похожа на форму воспитанников других заведений, которым было разрешено ездить на извозчике. Описание этих тревог у мемуариста занимает шесть страниц в относительно небольшом тексте мемуаров. Возможно потому, что страхи терпел не зря: Колокольцев встретился с начальником школы генералом Шлиппенбахом. Спустя годы Дмитрий Григорьевич вспоминал: «...Мой испуг был так велик, что я теперь не в состоянии этого и передать!!...» [12]. Юноша попытался скрыться, но ему это не удалось, и он оказался лицом к лицу с начальством. Ему «показалось, конечно, в это время со страху, что у нашего свирепого командира школы глаза как будто страшно блестели» [13]. Сам он в этот момент думал «о потере всей моей карьеры и о том, что не быть мне в гвардии офицером, а выкинут меня в армию тем же унтер-офицерским званием, и каково же после этого положение моих родителей» [14].

Как говорится, вся жизнь пронеслась в один миг перед глазами. Шлиппенбах разносил его так, что Колокольцев чувствовал себя преступником. Генерал называл его «негодным подпрапорщиком», а Колокольцеву слышалось всё время «негодяй»: «И слово «негодный» он мне повторил и таким как будто бы тоном, который может соответствовать слову негодяй» [15]. Подпрапорщик почувствовал себя оскорблённым, но смолчал, а потом всю дорогу до школы «упрекал себя, почему ... смолчал?» [16]. Он вспоминал, что князь Урусов, когда Шлиппенбах так же грубо его отчитывал «вышел из себя и даже сделал как будто какое-то движение кинуться» [17]. Его отправили под арест, а потом отчислили из школы. За этот поступок юный князь был «переведён на Кавказ, в армию», но в памяти юнкеров он стал героем. Колокольцев шёл и думал об этом случае, т.к. ощущал «в поступке Урусова как бы гонор, как бы заступничество за честь свою ... И это более всего меня мучило!...» [18].

Д.Г. Колокольцев в самоописании предстаёт как человек исполнительный, любящий службу полудетским характером, и робость мешала ему отстаивать свою честь так, как он понимал её в те годы. Он не был доволен собой.

За это нарушение устава из школы автора воспоминаний так и не отчислили. Колокольцева перед грозным начальством отстаивали пол-

ковник Гельмерсен и инженер Павловский: «в уважении того, что в то время я, – писал мемуарист, – был так молод, как будто бы моложе всех подпрапорщиков и юнкеров в школе» [19]. Его только оставили на второй год во втором классе, в результате чего потом всю жизнь его «товарищи ... стояли выше ... по производству в следующие чины» [20].

Повседневная жизнь и представления о ней заполняют значительное место в жизненном мире человека, но они менее всего запоминаются из-за своей однообразной текучести. Повседневная жизнь подпрапорщика Колокольцева определялась расписанием занятий в школе, а по праздничным дням присутствием в полку. На занятиях, если было скучно, под разными предлогами он покидал класс. Особенно часто это случалось во время двухчасовых занятиях по математике у капитана Ласковского, «который своими выводами математических формул наводил смертельную тоску» [21]. Сколь ни велик был страх перед наказанием, но и сам мемуарист и его соученики «выходили из класса разгонять тоску курением трубок ..., и это курение ... производилось тогда не иначе, как в печку». Так поступали, чтобы наставники не помешали усвоению этой дурной привычки. Курить Колокольцева научили старшие братья, родной и двоюродный, которые служили в Преображенском полку в 3-й фузилёрной роте. Мальчишка специально забегал к ним в казарму, чтобы «накурившись трубки Жукова», что «строго воспрещалось», отправляться к тётушке.

Занятия по воспоминаниям Д.Г. Колокольцева составляли основное содержание жизни младших офицеров, которые только что перешли из школы в полк. Субалтерн-офицер должен был постоянно находиться при своей роте «на домашних учениях» [22]. Мемуаристу вспоминался незначительный, но по его мнению, весьма показательный эпизод одного из таких дней. Дмитрий Григорьевич писал: «Батальон экзерцировался тогда деланием ружейных приёмов, как внезапно и совершенно неожиданно отворяются двери манежа и в манеж входит командир полка, генерал Микулин» [23]. Полковник Есипов остановил занятие, скомандовал «смирно» и все замерли: «Можно было услышать полёт мухи, – до такой степени водворилась тишина в манеже, где стоял батальон в тысячу человек солдат» [24]. В.Я. Микулин вошёл, но здороваться не стал. Он хотел посмотреть, как долго и насколько неподвижно могут простоять люди. По воспоминаниям Д.Г. Колокольцева 15 минут генерал испытывал их, а «мы все стоим недвижимы, как стены манежа» [25]. Потом В.Я. Микулин «громовым» голосом крикнул батальону: «Здорово, молодцы!», выслушал «громовый» ответ и опять долго наблюдал как «всё опять замерло, как в мо-

гиле, в ожидании второго пришествия» [26]. Дмитрия Григорьевича явно не раздражало подобное увлечение строевой службой командования полка в николаевское время, как некоторых других мемуаристов (например, князя П.А. Кропоткина и его старшего брата А.А. Кропоткина). Колокольцев считал генерала Василия Яковлевича Микулина (1791 – 1841) выдающимся командиром и высокообразованным человеком, но непосредственно в рассказе о нём на первое место выступали воспоминания о знании генералом норм и правил «фронта» и неустанное обучение всего полка именно этой стороне военного дела.

Если обратиться к выявлению таких систем жизненного мира Колокольцева в воспоминаниях о службе в Преображенском полку, как представления о своей стране, об императоре, о солдатах, о самом полке, то становится заметным исчезновение собственного «я» мемуариста. Обо всех этих вещах он писал не от собственного имени, а обобщённо, т.е. как «считалось», как было «принято» думать об этом. Видимо, Дмитрий Григорьевич разделял коллективные представления офицеров полка и своего особенного мнения не имел, не считая нужным подобное обособление. Ведь те, кто думал по иному, оказались по другую сторону барьера 14 декабря 1825 г. Император Николай I всегда считал необходимым в своём поведении подчеркнуть, что офицеры и солдаты Преображенского полка «встали противу возмущившихся гвардейских полков». Юному подпрапоцику это запомнилось особенно отчётливо. В конце жизни в мемуарах он писал: «Государь Николай Павлович никогда этого не забывал и в доказательство этого может служить то, что впоследствии и во всё моё служение в Преображенском полку, его величество ежегодно, в день 14 декабря, вместе с императрицею, без всякой свиты, приезжал в казармы 1-го батальона» [27]. Николай I всегда делал в этот день «особенные милости» солдатам, а офицерам непременно говорил, что их «считает не иначе, как своей семьёй» [28]. Сам император и старшие офицеры полка формировали мнение дворянской молодёжи, только приступившей к службе. Дмитрий Григорьевич вспоминал об этом с удовольствием: «Мне бы крайне было приятно, через воспоминание, воскресить все те личности в той обстановке, в том положении, какими тогда они казались и влияли на нас молодых людей, только что вступивших на житейское поприще» [29].

Д.Г. Колокольцев воспринял бытовавшее в полку представление об окружающей действительности, а позже вспоминал об этом. О стране существовало представление, что «наша святая Русь была как бы военной державой. Все деятели в государстве ... были военные, ... это

были люди европейской тогда известности» [30]. Государство в России существует благодаря его воинам: «Военное сословие тогда, как будто бы, составляло особенную касту, присвоив себе в обязанность быть сословием, которое составляет опору государству, охраняет его спокойствие и тишину» [31]. Лучшей частью «военного сословия» был несомненно Преображенский полк, так как именно он «всегда отличался составом лучших русских дворянских фамилий» [32]. Сам полк набирался из людей не только родовитых, но и необыкновенных в физическом отношении: «Наш Преображенский полк ... состоял из 3-х батальонов полного комплекта людей. И что это были за люди тогда, – это были гиганты и богатыри. ... из людей мужественной красоты» [33]. Эти «богатыри» были абсолютно преданы своему императору: «... ежели военная команда выставлена была бы противу какой-либо толпы, в которой солдаты хотя бы и усмотрели своих родных, быть может отцов и братьев, но ежели бы начальством приказывалось стрелять в эту толпу, то ни один бы не задумался ... » [34]. Командовал этим необыкновенным полком «один из замечательнейших людей того времени» Василий Яковлевич Микулин, который «взрос и поседел в Преображенском полку» [35]. Он был «ярый фронтовик» и «достойный представитель в обществе». Генерал отличался тем, что, добиваясь идеальной дисциплины, умел обходиться без палочных расправ, требуя того же от своих офицеров: «всегда избегали существовавшего тогда телесного наказания» [36] и «ничто не спускалось за упущение по службе, но всё это обходилось, как говорится, ладно» [37]. «Предметом боготворения» В.Я. Микулина были «члены царствующей семьи» [38]. То же чувство к Царской Фамилии внушалось и подчинённым. Нижние чины полка набирались из людей «неодобрительных свойств» [39], но «крутая военная ... дисциплина с этим усвоила нашего солдата» [40]. Солдаты, «усвоенные», по выражению мемуариста, «ружистикой и маршировкой» были способны на героическое поведение и беспорочную службу [41]. Всё это было намного лучше того, что могли предложить «просвещённые французские, английские и турецкие войска» [42]. И если «когда уступили», то «также точно, как некогда уступили в 1812 г. Москву, ежели бы на то не была воля Божия» [43]. Д.Г. Колокольцев имел в виду сдачу Севастополя и поражение в Крымской войне.

Система внеповседневной реальности жизненного мира полка представлена в воспоминаниях бывшего преображенца через описание двух главных событий – встреча императора Николая Павловича после длительной поездки летом 1835 г. в Красном Селе и учебным коман-

дование их полком великим князем Александром Николаевичем на маневрах.

Во время встречи императора генерал В.Я. Микулин «крикнул внезапно: «Ребята, за мной, шапки вверх, ура!», – и свою треуголку швырнул над головой и опрометью бросился на встречу коляски Государя!». Весь полк последовал примеру своего генерала и «затем Государь, вся Царская Семья ... все очутились окружёнными тремя тысячами людей, с непокрытыми головами, выражающих восторг и беспредельную приверженность царскому дому! ... Государь, по-видимому, был очень тронут ... » [44]. Устроенная В.Я. Микулиным «неказённая» встреча Императора рассматривалась Колокольцевым как незаурядное явление в жизни полка, демонстрирующее патриотизм и верноподданничество командира и всего полка.

Во втором случае, когда Наследник Александр Николаевич, рапортовал генералу Микулину в учебном порядке о выполнении задания, командующий Преображенским полком во всеуслышание заявил, что письменный рапорт, составленный Великим князем, он велит положить с собою в гроб. Мемуарист был свидетелем, что генерала действительно хоронили с этой бумагой [45].

Жизненный мир Дмитрия Григорьевича Колокольцева вполне вписывался в культурно-историческую ситуацию своего времени. Описывая его по памяти, мемуарист изобразил и жизненный мир Преображенского полка, те из его систем, которые особенно повлияли на него самого и его представления о «внешнем» мире. Точками соприкосновения жизненного мира Дмитрия Григорьевича Колокольцева и Преображенского полка была память этого офицера, в которой запечатлевались разносторонние свидетельства о различных системах и их элементах. Спустя годы, осмысленная и упорядоченная информация была оценена автором как историческая, ценная для современников и потомков и поэтому изложенная в виде текста воспоминаний, т.е. была овеществлена. Овеществлённый «информационный ресурс сразу превращается из личного ресурса в общедоступный ресурс» [46] и «как правило, информация, зафиксированная в источнике намеренно, позволяет выдвинуть определённые гипотезы о достоверности приведённых в источнике свидетельств» [47]. Точка соприкосновения жизненных миров человека и сообщества, в которое он был включён, отображает существовавшую иерархию. Жизненный мир молодого офицера первой половины XIX в. был подчинён жизненному миру его полка, к которому он принадлежал и «внешне» и «внутренне».

Примечания

1. Колокольцев Д.Г. Лейб-гвардии Преображенский полк в воспоминаниях его старого офицера с 1831-го по 1846 г. // Русская старина. 1883. Кн. 5. С. 273–310.
2. Салихова Н.Р. Понятийные оппозиции описания жизненного мира человека // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 212.
3. Мартианова И.Ю., Минц С.С. Дворянский ребёнок XVIII – первой половины XIX в. как объект и субъект истории: методологические заметки // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2009. М.: Изд-во «ЭКОН-ИНФОРМ», 2009. С. 125–133.
4. Колокольцев Д.Г. Указ. соч. С.272.
5. Там же.
6. Там же. С. 276.
7. Там же. С.275.
8. Там же.
9. Там же. С. 277.
10. Там же. С. 274.
11. Там же С. 278.
12. Там же С.280.
13. Там же С. 281.
14. Там же С. 280.
15. Там же С. 282.
16. Там же
17. Там же
18. Там же
19. Там же. С. 289.
20. Там же
21. Там же. С. 284.
22. Там же С. 306.
23. Там же. С. 307.
24. Там же. С. 308.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же. С. 291.
28. Там же.
29. Там же. С. 290.
30. Там же. С. 309.
31. Там же С. 306.
32. Там же. С. 309.
33. Там же. С. 293.
34. Там же. С. 296.
35. Там же. С. 297.
36. Там же. С. 295.

37. Там же. С. 296.
38. Там же С. 297.
39. Там же С. 307.
40. Там же С. 306.
41. Там же С. 308.
42. Там же.
43. Там же
44. Там же. С. 302.
45. Там же. С. 305.
46. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 62.
47. Там же. С. 83.

Е.В. Брацун (г. Кореновск)

Штрихи к портрету адмирала Зиновия Петровича Рожественского

Имя вице-адмирала Русского Императорского Флота – Зиновия Петровича Рожественского связывается в общественном сознании с тяжким поражением у острова Цусима 27 – 28 (14 – 15) мая 1905 г. Однако личность Зиновия Петровича Рожественского как моряка, дворянина, человека, была незаурядной для своего времени. Катастрофа при Цусиме как бы перечеркнула и скрыла для потомков все заслуги этого человека на службе Царю и Отечеству. Ещё более усугубил ситуацию роман-хроника А.С. Новиков-Прибоя «Цусима», в котором пролетарский писатель (а во время Цусимы баталёр (буфетчик) с броненосца «Орёл») вывел адмирала как полнейшего «самодура» и «труса», в ярко отталкивающем оттенке. В статье предпринята попытка коснуться наиболее ярких, интересных и забытых страниц из жизни адмирала З.П. Рожественского.

Зиновий Петрович Рожественский родился 12 ноября (30 октября по старому стилю) 1848 г. Род Рожественских не отличался родовитостью: отец будущего адмирала был простым армейским врачом. И в своей жизни Зиновий Петрович служил России без чьей-либо протекции свыше. Одну из самых точных характеристик молодому ещё офицеру дал знаменитый адмирал Г.И. Бутаков: «Ужасно нервный человек, а бравый и очень хороший моряк» [1]. Во флоте Зиновий Петрович избрал для себя профессию артиллериста. В годы Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Зиновий Петрович отличился во время героического боя парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». Тогда он служил артиллерийским наблюдателем. Когда при-

Вице-адмирал З.П. Рожественский

слуга и офицеры одного из орудий «Весты» были убиты и ранены в результате попадания турецкого снаряда, З. П. Рожественский не растерялся, собрал оставшихся в живых артиллеристов, дал залп из уцелевшего орудия и добился прямого попадания в турецкий броненосец. В результате турецкое судно было выведено из строя. Это дало возможность слабо вооружённой и плохо бронированной «Весте» уйти от более сильного корабля неприятеля. За этот бой Зиновий Петрович был награждён орденом Свято-

Георгия 4-й степени. Адмирал Н.А. Аркас телеграфировал по этому поводу флотскому руководству: «Я считаю своим долгом ходатайствовать о награждении старшего офицера лейтенанта Владимира Перелишина и Зиновия Рожественского орденом Св. Георгия 4-й степени, как лиц, которым подлежит честь спасения парохода и решения боя удачно произведенным выстрелом» [2]. Сам Зиновий Петрович весьма скромно оценивал свой вклад в победу, и некоторое время в беседах с адмиралом Г.И. Бутаковым говорил: «меня жжет мой Георгий». Но дальнейшая служба морского офицера подтвердила право на ношение этого высокого ордена.

После Русско-турецкой войны Зиновию Петровичу выпала редкая возможность стать во главе флота целой страны. Этой страной была молодая Болгария, освобождённая от турецкого гнёта, но не имевшая ещё своего флота. Зиновий Петрович в чине капитан-лейтенанта являлся командующим флотом Болгарии с июля 1883 г. по октябрь 1885 г. Под его руководством были сформулированы задачи болгарского флота, приняты планы обороны болгарского побережья и боевой подготовки флота, он стал одним из основателей болгарского технического общества, офицерского собрания, морского музея и морской библиотеки страны. Командующий привёл материальную часть и личный состав флотилии «в должный вид» из практически «никакого» [3].

Другой важной вехой деятельности Зиновия Петровича была служба военно-морским агентом в Великобритании в 1891 – 1894 гг. Учитывая, что после русско-британских столкновений в Средней Азии в

жённые, назначение З.П. Рожественского на этот пост ещё раз подтверждает его высокую квалификацию как моряка. Находясь на этой службе, Рожественский собрал и направил на Родину множество сведений о флоте потенциального и главного противника России.

Отношения З.П. Рожественского с другими выдающимися моряками той эпохи были противоречивы. Например, весьма прохладными были отношения с С.О. Макаровым. Суть разногласий заключалась в вопросах о будущем Русского флота. С.О. Макаров был сторонником малых, маневренных, быстроходных крейсеров и миноносков, в то время как Зиновий Петрович был сторонником строительства линейного флота. Непростые взаимоотношения сложились у Зиновия Петровича и с будущим адмиралом, руководившим Русскими войсками и флотом в годы Русско-китайской войны 1900 – 1901 гг., Е.И. Алексеевым.

В 1894 – 1896 гг. Зиновий Петрович командовал броненосным крейсером «Владимир Мономах». Как командир крейсера, он участвовал в переходе Средиземноморской эскадры контр-адмирала С.О. Макарова на Дальний Восток в виду возможной войны с Японией. В 1900 г. Рожественский руководил спасательными работами на броненосце береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», севшего на мель в акватории Балтийского моря. Особое внимание офицер уделял питанию и удобному расположению нижних чинов, которые во время спасательных работ жили в суровых условиях Балтийской зимы. Так, в приказе от 29 марта 1900 г. он писал: «Сегодня обед команды состоял из вонючих салтных помоев. Это значит, что дежурный офицер не присмотрел за приведением в надлежащую чистоту котла и за тем, чтобы самая провизия была тщательно отмыта от продуктов разложения и грязи, её покрывающей. Прошу командира броненосца учредить надзор за исполнением этим офицером служебных обязанностей» [4].

В 1896 – 1902 гг. Зиновий Петрович возглавлял учебно-артиллерийский отряд Балтийского флота. В деле развития Русской морской артиллерии и приёмов стрельбы, тогда уже контр-адмирал З.П. Рожественский добился выдающихся успехов. В 1902 г. в Ревеле произошла Высочайшая встреча Государя Николая II и кайзера Вильгельма II. Корабли учебно-артиллерийского отряда показали настолько меткую стрельбу, что кайзер Вильгельм сказал русскому Государю, не стесняясь присутствием германского адмирала Тирпица: «Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский» [5]. Об этом и последующих периодах службы адмирала очень интересны записки Великого князя Кирилла

Владимировича: «Артиллерийское училище в Ревеле, куда я поступил учиться, располагало редкостной коллекцией допотопных кораблей, многие из которых были созданы еще в эпоху Крымских войн. Казалось, эти развалины были специально собраны в одном месте, чтобы служить наглядным примером того, каким не должен быть современный флот. Эту донкихотскую флотилию я созерцал со смешанным чувством жалости, благоговения и ужаса. То были останки нашего флота, настоящие музейные экспонаты, которые представляли лишь археологический интерес. Трудно поверить, что некоторые из этих музейных экспонатов со свалки металлолома были отправлены сражаться с японцами. В дополнение ко всей абсурдности положения во главе этого плавучего артиллерийского училища стоял блистательный военный – контр-адмирал Рожественский, обесславленный герой одного из величайших сражений в истории флота, своего рода морской Ганнибал, о котором мне представится случай упомянуть позднее. Несмотря на то, что мне пришлось иметь дело с коллекцией устаревших и разнородных посудин, я сумел узнать много полезного в области практической артиллерии и ближе познакомиться с адмиралом, человеком суровым и прямодушным, страстно преданным своему долгу и одержимым непреклонным стремлением преодолеть любые препятствия. Беда Рожественского заключалась в том, что в его распоряжении оказался столь никчемный материал, впрочем, неудачи преследовали его всю жизнь. Я считаю своим долгом отдать дань этому русскому патриоту, который, командуя плавучей грудой металлолома, отправился за двадцать тысяч миль навстречу верной гибели, не имея ни единой военной базы за спиной...

И когда стало ясно, что все потеряно, что Порт-Артур пал и войска обращены в бегство, наши моряки вступили в бой с превосходно вооруженным противником, для которого море было родной стихией, и героически сражались до тех пор, пока волны не сомкнулись над ними» [6]. Не только титулованные особы, но и простые матросы считали Зиновия Петровича талантливым адмиралом. Капитан 2-го ранга В.И. Семёнов вспоминал, какие оживлённые споры шли вокруг приемника погибшего 31 марта 1904 г. адмирала С.О. Макарова на посту командующего Тихоокеанским флотом: «Зиновея (Зиновий Петрович Рожественский) не пустят. Чином молод. Старики обидятся... — Дубасова — хорошо бы! — Кабы не стар... — Чего стар! не человек — кремень! — Аврал, поди, идет в Питере — и хочется, и колется! — Ежели бы Григорья (Григорий Павлович Чухнин) — в самый раз! — Это, что говорить!.. — Дубасов-то, не гляди, что стар! — Да я нешто

перечу? а все лучше бы помоложе... — Конечно, Дубасова! — Зиновея! — Григория!.. Временами страсти разгорались, и сторонники того или иного адмирала уже готовы были вступить в рукопашную, но энергичный окрик боцмана или боцманматга: — Чего хайло разинул! Думаешь, в Петербурге услышат?! — предотвращал беспорядок» [7].

Подходя к вопросу о руководстве З.П. Рожественским Русским флотом в Цусимском морском сражении нужно отметить следующее. Поражение Цусимы связано не с личными качествами командующего русской эскадрой, а с техническими и географическими факторами. У японского флота было время на ремонт, перевооружение своих кораблей, их базы находились рядом, а матросы и офицеры имели годичный опыт ведения войны с 1-й Тихоокеанской эскадрой. У японцев было преимущество в однотипности их судов и в скорости. Однако и в таких условиях, когда, не имея портов, угольных станций, в тяжелейшем походе через три океана, сквозь 18.000 морских миль, сделал то, что до этого не делал не один паровой флот мира, Рожественский провёл эскадру по этому пути без потерь в судах. Анонимный британский адмирал по этому поводу заявил газете «Дейли телеграф»: «Рожественский ведёт свой флот с чувством человека идущего на собственные похороны. Ни один английский адмирал не смог бы выполнить невозможную задачу, выпавшую на долю Рожественского» [8]. Такое признание из уст адмирала «владычицы морей» многого стоит. Адмирал дал решительный бой, выиграл для русских моряков право первого удара, когда первые три минуты боя, японцы не отвечали, а русские комендоры засыпали головной японский броненосец «Микаса» снарядами. В первые десять минут боя последний получил около двадцати попаданий снарядами. И если бы не качество снарядов которыми снабдили русскую эскадру, бой мог бы пойти совсем по-другому. Подтверждением меткости стрельбы русских комендоров служит то, что первый пристрелочный выстрел левой носовой 6-дюймовой башни броненосца «Князь Суворов» лёг всего в двадцати метрах за кормой японского броненосца «Микаса». Японский адмирал Хейхати Тога тогда записал в своём дневнике: «Меня переполняет гордость за то, что я выстоял против Русских». Во время Цусимы адмирал З.П. Рожественский держал свой флаг на эскадренном броненосце «Князь Суворов» был неоднократно ранен, но до последнего руководил действиями 2-й эскадры. «Адмирал с трудом повернул голову в мою сторону, — вспоминал штабной офицер капитан 2-го ранга В.И. Семёнов, — и некоторое время точно усиливался что-то вспомнить... — Нет... куда же ... сами видите... командование — Небогатову..., — глухо

проговорил он и, вдруг оживившись, с внезапной вспышкой энергии добавил: – Идти эскадрой! Владивосток! Курс Nord-Ost 23!... - и снова впал в забытье...» [9]. Оправившись от тяжёлых ран, и вернувшись на Родину из японского плена, З.П. Рождественский остался на посту начальника главного морского штаба. По свидетельству близко знавших его людей он вынашивал смелые планы по реформированию флота после Цусимы. При тёплых отношениях между адмиралом и императором подобные реформы могли привести к созданию более боеспособного флота в России. Однако общественное мнение, которое в годы войны более интересовалось вопросами внутренней политики и нападками на власть, когда необходимо было единение нации, спустило на адмирала «всех собак» обвиняя его в «самодурстве», «трусости», «желанию угодить царю гибелью эскадры». Вчерашние российские революционеры, которые слали императору Японии поздравительные телеграммы после неудач русских армии и флота тогда накинулись на одного из талантливых моряков эпохи, боевого офицера и адмирала. И уже в весной 1906 г. З.П. Рождественский подал в отставку, так и не проведя задуманных им реформ по организации флота. Однако и в этот краткий период, между возвращением из плена и отставкой Зиновий Петрович сделал важное дело, про которое сейчас практически забыли. Именно он дал ход проектированию и строительству знаменитых эсминцев класса «Новик», которые будут лучшими для своего времени во всём мире, и стяжают не малую славу русскому оружию в годы Первой мировой войны.

На судебном процессе в июне 1906 г. по делу о сдаче миноносца «Бедовый» адмирал брал всю вину за поражение при Цусиме на себя, требовал для себя расстрела «в назидание другим». Суд его оправдал.

Касаясь вопроса Первой русской революции нужно отметить об отношении к ней императорского генерал-адъютанта. В лагере военнопленных русских моряков в Японии была обнаружена подрывная революционная литература, которую распространял известный впоследствии корабельный инженер, кораблестроитель и революционер В.П. Костенко, и адресованные ему революционные письма. Костенко вспоминал о своём столкновении с адмиралом: «Не вступая ни в какие разговоры и не задавая никаких вопросов, он со свойственной ему лаконичностью объявил: «Вот вам письма от вашего друга Русселя. Берите и уходите. Но уже в Россию не показывайтесь! Ведь вы инженер, они устроят вас. Но казенных денег вам больше не видать! Отправляйтесь к вашему другу Русселю на Гавайские острова разводить бананы». При этом он протянул мне два письма и брошюру о восстании на «Потемки-

не», написанную матросом Матюшенко. Я взял письма, поданные мне адмиралом, повернулся и вышел. Он еще что-то закричал мне вслед, но я уже не слышал и закрыл дверь. А выбежавший ко мне флаг-офицер говорил с растерянным видом, что давно он не видел адмирала в таком исступлении и что в нем проснулся старый Рождественский времен похода через Индийский океан» [10]. Характерно и письмо адмирала своему другу барону М.Р. Энгельгардту в котором он писал о личности последнего русского Государя Николая II: «Не понравился мне твой немецкий критик (М. Гарден) за его жестокие, грубые слова на Государя нашего, на мученика, который лихорадочно ищет людей правды и совета и не находит их, который оклеветан перед народом своим, который остаётся заслонённым от этого народа мелкой интригой, корыстью и злобой, который изверился во всех, имеющих доступ к престолу его, и страдает больше, чем мог бы страдать заключённый в подземелье, лишённый света и воздуха» [11].

После своей отставки Зиновий Петрович жил с семьёй в Санкт-Петербурге и интересовался вопросами флота. Когда со стапелей в Англии сошел на воду боевой корабль «Дредноут», который дал целую серию подобных сверхлинкоров во всех флотах мира, адмирал, будучи сторонником мощного линейного флота, полагал что будущие в боях на море лежит за подобным классом судов. Умер Зиновий Петрович в ночь на 1 января 1909 г. в кругу семьи, ему было всего 60 лет... На гроб З.П. Рождественского граф Гейден возложил крест из живых цветов от имени Государя и Государыни, соболезнования выразили и некоторые другие видные люди той эпохи. А известный географ П.П. Семёнов-Тян-Шанский писал: «Луч беспристрастной истории озарит многотрудный путь, самоотверженно проедённый честным флотоводцем, которому не дано было совершить только одного – чуда» [12]. На похороны адмирала Рождественского к удивлению многих его недоброжелателей пришло много матросов-ветеранов Цусимы, некоторые из них плакали. Похоронили адмирала на кладбище Александровской Лавры, в Санкт-Петербурге. После 1945 г. могилу Зиновия Петровича разграбили вандалы, искавшие, видимо, ценные награды и золотое оружие адмирала. В России нет не одной улицы, памятника, названия судна, памятной таблички, которая бы рассказывала нам о таком великом патриоте каким был адмирал З.П. Рождественский. Своеобразным «памятником» ему служит небольшой рассказ верного помощника и друга адмирала капитана 1-го Владимира Ивановича Семёнова «Четыре года спустя», написанный на смерть адмирала к четырёхлетней годовщине Цусимского сражения. Извест-

тно также, что правнук адмирала Зиновий Дмитриевич Спечинский проживает в настоящее время в Санкт-Петербурге.

В мировой военной истории было немало генералов и адмиралов, которые шли к победам, пережив тягостные переживания поражений. Пусть Зиновий Петрович проиграл Цусиму по не зависящим от него обстоятельствам, но он совершил самый беспримерный в мировой военной истории переход целой эскадры в 40 боевых и транспортных кораблей через 18000 тысяч морских миль. Не имея портов, доков, угольных станций. Такой адмирал, переживший всю горечь поражения, гибель близких соратников, знавший все недочёты военноморского ведомства в период до русско-японской войны смог бы полностью реформировать русский флот и привести его на более качественном уровне к началу Первой мировой войны. Актуальным представляется изучение биографии адмирала З.П. Рожественского без идеологических штампов советской эпохи. Не «цусимского адмирала», а как военно-морского деятеля сыгравшего видную роль в русской военно-морской истории конца XIX начала XX вв., человека любившего Россию и русский флот. Русская земля ждёт увековечивания его памяти.

Примечания

1. Грибовский С.Ю. Вице-адмирал Рожественский. М., СПб., 2002. С. 335.
2. Там же. С. 344.
3. Чертопруд С.В. Российские адмиралы. Биографический словарь. М., 2004. С. 257.
4. Грибовский С.Ю. Указ. соч. С. 421.
5. Новиков-Прибой А.С. Цусима. М., 1986. С. 51 – 52.
6. Галенин Б.Г. Цусима – знамение конца русской истории. М., 2009. Т. II. С. 644 – 645.
7. Семёнов В.И. Расплата. Трилогия. СПб., 2008. Т. I. С. 134 – 135.
8. Балтийцы. М., 2008. С. 186.
9. Семёнов В.И. Указ. соч. Т. II. С. 56.
10. Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. СПб., 2007. С. 584 – 585.
11. Балтийцы. С. 190.
12. Грибовский С.Ю. Указ. соч. С. 321.

А.Л. Цициба (г. Сухум, Абхазия)

Сафар-бея Чачба (Шервашидзе): гордость или скорбь Абхазии?

Абхазия как никакая другая страна знакома со странными парадоксами и зигзагами истории, то возносящими на вершину успеха, славы и благоденствия, то низвергающими в пучину бедствий и невзгод.

В истории человечества происходило множество событий, и всегда они направлялись различными деятелями. Люди делают свою историю сами, благодаря особенностям своего характера, разума и морального облика. Еще Плеханов Г.В. отмечал, что личности влияют на судьбу общества, и чем лучше они понимают исторические условия и потребности развития общества, тем успешнее они реализуются [1]. Поэтому обществу далеко не безразлично, в чьих руках сосредоточивается политическая и власть.

К началу XIX века в после трагической гибели владетеля Абхазии Келеш Ахмат-бей Чачба (Шервашидзе) развернулась ожесточенная борьба за власть между его сыновьями-приемниками – Аслан-беем и Сафар-беем.

В российской, а затем и в советской историографии были сделаны однозначные выводы – Аслан отцеубийца, возбудитель Абхазии, о котором К. Кудрявцев заметил: «Арслан-бей – злой гений Абхазии начала XIX века», а Сафар-бей принес стране Апсны спокойствие и надежду на лучшую жизнь.

Насколько они беспристрастны, непредвзяты и соответствовали действительности? Сегодня историки пытаются ответить на эти вопросы, разобраться в политической обстановке, сложившейся в Абхазии в начале XIX века, дать оценку политической деятельности высших сановников Абхазского княжества. В данной статье исследуются личностные характеристики, место, роль и значимость Сафар-бея Чачба (Шервашидзе) в истории абхазского народа и государства. Основным источником исследования послужили «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

В мае 1808 года в Сухуме в качестве нового владетеля утвердился Аслан-бей. Сафар-бей в этот период находился в Лыхны, бывшей резиденции абхазских князей. Началась междоусобная война между сторонниками Аслан-бея и его братом Сафар-беем (в крещении – Георгий). Аслан-бея поддерживали многие представители абхазской феодальной верхушки, его брат мог опереться лишь на поддержку мегрельских владетелей, чьим зятем он являлся.

Сафар-бей, не пользовавшийся в народе той популярностью, которую имел его отец, вынужден был бежать в Мингрелию. Здесь он обвинил в убийстве Келеш-бея своего брата и обратился к правительнице Нине Дадиани за помощью. Можно предположить, что хитрая и властная женщина (в свое время отравила своего мужа, а генерал А.П. Ермолов подозревал ее в кознях против сына Левана. Император Александр I за ее вероломный характер в июне 1820 года сослал ее в Рязань) [2] решила использовать сложившуюся ситуацию в Абхазии и распространить свое влияние на соседнее княжество. Это подтверждают пункты, подписанные ею в мае 1809 года, где она именует себя правительницей «до возраста законного наследника и повелителя Одишского, Лечгумского, Сванетского и Абхазского, сына ее Левана Дадиани...» [3]. Да и в обращении к Императору России она напоминала, что якобы Абхазия была подвластна Мингрелии еще с давних времен [4].

Единственной силой, которая могла оказать поддержку мингрельской правительнице и ее ставленнику являлась Россия. В доме князей Дадиани Сафар-бей по уговору и советам Нины Георгиевны [5] и протоирея Иоанна Иоселиани принес присягу на верность России и отправил в Петербург письмо, в котором называл себя законным наследником [6], «обещал как самого себя, так и все Абхазские владения передать в вечное покровительство и подданство В.И.В.» и просил оказать помощь войсками в борьбе с Аслан-беом [7]. Перед Императором Александром I ходатайствовала и правительница Мингрелии: «Самодержавный Государь, ныне время удобное принять Сфер-бея под Ваш покров, ибо он есть член (нашего дома) и сосед наш, да и прежде находился под рукой вашего владения» [8].

Российское военное руководство было уверено, что Сафар-бея поддерживает большая часть абхазского населения и влиятельные феодалы, что и подтверждала правительница Мингрелии: «Такой обет мне дали все Абхазские князья и дворяне, а простой народ готов сделать то же, не обинуясь, ибо большая часть их держится Христианства и верует в крест и образ наши» [9].

Из Петербурга пришел положительный ответ, но так как дело происходило во время переговоров с Турцией, Сафар-бею предлагалось, чтобы «сие до некоторого времени сохранил он без оглашения», до благоприятного момента [10].

В июле 1808 года объединенные силы Сафар-бея, Манучара Чачба (Шервашидзе) и правительницы Мингрелии предприняли попытку захвата Сухумской крепости, однако на помощь Аслан-бею пришли его двоюродный брат Кучук-бей Чачба (Шервашидзе) на трех судах и

«и сверх сего сухопутно Черкес из гор до 300» [11]. В результате состоявшихся переговоров Сафар-бей за свою мать и брата Батал-бея выдал аманатов, после чего был вынужден вернуться в Мингрелию.

Русская администрация прилагала все усилия для поддержки Сафар-бея. Так генерал Торماسов в предписании князю Орбелиани настаивал: «Не останавливайтесь также окончанием дела с Абхазским владельцем Сефер-Али-беком и старанием привлекать на его сторону других частных Абхазских владельцев, для поддержания его» [12].

В течении двух лет полновластным правителем Абхазии оставался Аслан-бей, а его брат почти безвылазно находился в Мингрелии и просил помощи у российской администрации. Полковник Симонович доносил генералу Тормасову, что Сафар-бей «по Азиатскому характеру, не терпящему отлагательств, пред сим прибыл сам ко мне в Кутаис и просил о даче ему войска для взятия крепости Сухум, так как он остается почти совсем обессиленным и даже изгнанным» [13].

Русское военное командование, внимательно следившее за разворачивавшимися событиями, считало необходимым захватить Сухумскую крепость летом 1810 года, для этого к абхазским берегам была направлена Черноморская флотилия [14]. К такому решению их подталкивали нерешительность и ставшей окончательно очевидной слабостью Сафар-бея, что проявилось в отказе принять знаки «Высочайшего к нему благоговения (грамоты, инвестуры и орден св. Анны 1-го класса)». В своем рапорте полковник Симонович отмечал, что на предложение немедленно отправиться в Абхазию для принятия регалий Сафар-бей отвечал: «Для него опасно принять оные в теперешнее время, когда соперник брат его владеет Сухумом и следовательно всей Абхазиею и что он, услышав об утверждении его владельцем, будучи сам утвержден от Порты, непременно нападет на него с Турецкими войсками, разорит и выгонит из Абхазии» [15]. Такое поведение утвержденного владетеля Абхазии стало полной неожиданностью. Генерал Тормасов отмечал: «Я никак не ожидал, дабы Сефер-Али-бей, еще по всеподданнейшему представлению предместника моего ныне Высочайше утвержденный законным владетелем всей Абхазии и осыпанный Монаршими щедротами, был столь безсилен в земле, представленной теперь его управлению, что даже опасается принять Высочайшую утвердительную грамоту и другие знаки отличия и не сметь ехать в собственный свой дом в Абхазии, боясь брата своего отцеубийцы Арслан-бея, дабы он с Турецкими войсками, напав на него, не разорил его дом, что однако-же вижу теперь не только из рапорта вашего, но и из собственного письма его ко мне, в коем он просит вспо-

моществования ему войсками, без коих он не смеет даже из Мингрелии выехать в свое владение». Однако как неприятно было это открытие что либо изменить было уже невозможно и отступить было уже поздно. Не оставалось ничего другого как захватить Сухумскую крепость «и чтобы сим же средством Сефер-Али-бея ввести во владение Абхазией» [16]. Кроме того, правительнице Мингрелии предписывалось в силу ее родственных отношений с владельцем Абхазии, оказывать ему поддержку всеми способами, для его полного утверждения в стране [17].

В июне 1810 года из Севастополя вышла русская военная эскадра из 6 судов под командованием капитана первого ранга Дотта и направилась к Сухуму. В это время в Западной Грузии возобновились боевые действия, русские войска совместно с мингрельскими и гурийскими частями выступили против имеретинского Царя Соломона II. Находясь в союзнических отношениях с последним, Аслан-бей выступил к границам Мингрелии 4000 абхазцев [18]. В это же время с моря Сухумскую крепость атаковала русская флотилия. 8 июля 1810 года началась бомбардировка города. По сообщению Дотта, в ходе штурма было «убитых 300 чел., пленных взято чиновников 2, рядовых 76 чел., из коих от тяжелых ран умерло 5. С нашей же стороны убитых в отряде и в десанте обер-офицеров 1, нижних чинов 22, раненных штаб-офицеров 1, обер-офицеров 5, нижних чинов 80, – всех убитых и раненных 109 чел.» [19].

Главкомандующий русскими войсками в Грузии И.В. Гудович торжественно сообщил министру иностранных дел Н.П. Румянцеву: «Спеша почтеннейшее донести Вашему Сиятельству о сем радостном происшествии, вменяю в совершенное для себя удовольствие поздравить Вас милостивый государь с сим новым приобретением под державу Е.И.В. Сухумской крепости владычествующей над всем народом Абхазии и до сего приобретенным в подданство России, и превосходной гавани, делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря...» [20].

Аслан-бей был вынужден отступить в горы. Сафар-бей в сопровождении русских войск прибыл в Абхазию и торжественно провозглашен владельческим князем под верховным покровительством России.

Исследователь истории Абхазии К.Д. Кудрявцев считал, что борьба между Сафар-беем и Аслан-беем была, прежде всего, борьбой двух влияний – русского и турецкого, а взятие Сухум-Кале являлось победой не Сафар-бея над Аслан-беем, а победой России над Турцией в борьбе за Абхазию [21].

Несмотря на такой успех, русское военное командование было обеспокоено положением дел в Абхазии. Генерал Торماسов, обращаясь к Нине Дадиани, интересовался не только местом пребывания Аслан-бея, но и тем, есть ли у Сафар-бея партия, «через которую он мог бы утвердиться в Абхазии при помощи Мингрелии и при влиянии на него Российского правительства и предприняли ли Ваше Святейшество какие либо меры, верные к утверждению его власти, или и еще нужны какие либо пособия ему со стороны Российских войск?» [22].

Владелец Абхазии находился под постоянной охраной русских солдат, неизменным местом его пребывания была либо хорошо укрепленная Сухумская крепость, либо соседняя Мингрелия. По-прежнему независимыми оставались демократические вольные общества горной Абхазии – Аибга, Ахчипсы, Псху, Дал, Цабал; независимость сохранили так же часть племен Малой Абхазии (Джигетии). Все это указывало на слабость правителя, что впрочем, прекрасно осознавала российская администрация. Даже через год капитан Агарков, фактически управлявший от имени владельца отмечал, «что дела Абхазии мало имеют порядка, потому что Сефер-Али-бей мало имеет деятельности к собственной своей пользе» [23].

Несмотря на не вполне удовлетворительное состояние дел, Россия продолжала поддерживать Сафар-бея. Генерал Торماسов требовал от своих подчиненных: «Абхазского Сефер-Али-бея как можно поддерживайте, дабы он мог прочно утвердиться в своем владении» [24]. Однако, это не так легко было сделать. Как отмечал русский военный историк В.А. Потто, «самый гарнизон жил как бы в постоянной блокаде: нужно ли было нарубить в ближайшем лесу дров, или накосить сена – солдаты посылались вооруженными командами; никто из абхазцев не впускался в крепость вооруженным; сторожевая цепь, с ружьем у ноги, днем выдвигалась вперед на сто шагов от крепости; на ночь она убиралась, но крепостные ворота тогда запирались, и за стены выпускались собаки, которые оберегали гарнизон от нечаянных ночных нападений, громким лаем давая знать о приближении абхазцев, которых они ненавидели» [25].

Подобная ситуация не могла устроить российскую военную власть, что нашло отражение в достаточно жестком предписании генерала Торماسова генерал-майору Симоновичу: «Внутреннее безпокойство, если бы паче чаяния случилось, то Абхазский владетель Сефер-Али-бей с партией ему преданных должен сам стараться прекратить и удерживать свою власть» [26].

Первый ставленник России в Абхазии владельческий князь Сафар-бей правил почти одиннадцать лет. Наделенный властью и обладая

серьезной военной поддержкой, он все же не смог должным образом воздействовать на политическую обстановку внутри страны. Это, возможно, объясняется, как ограниченными способностями самого правителя, так и реализацией собственных интересов соседними государствами.

Подобные предположения подтверждаются официальной перепиской русской военной администрации. Рапорт генерал-майора Курнатовского от 9 мая 1818 года генерал-майору Сталю создает четкое понимание того, что почти за восьмилетнее правление Сафар-бея ничего кардинально не изменилось. Владелец Абхазии так и не смог снискать ни любовь, ни уважение собственного народа, а постоянно требовал войска «для приведения онаго в послушание». В довершении ко всему генерал-майор Курнатовский добавил, что «обстоятельство сие предавая разсмотрению и решению в. пр., долгом ставлю присовокупить по местным моим сведениям, что Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управлении своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главная причина такого неповиновения есть та, что настоящий владелец утверждён в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему Абхазцев, – народа горскаго, вольного и воинственнаго и с коим управиться трудно и тому, в ком нашлось бы более твердости и благоразумия. К сей причине, по всей вероятности, можно присовокупить и ту, что Абхазцы более привержены к меньшому по отцу брату владельца Хасан-бею, – твердому, предприимчивому и храброму, как все слухи удостоверяют человеку...» [27].

Как заметил известный абхазский исследователь историк Лакоба С.З. «это было убийственное заключение о времени правления Г. Шервашидзе» [28].

Кончина Сафар-бей Чачба (Шервашидзе) 7 февраля 1821 года вызвала в Абхазии новые «беспокойства и возмущения» [29].

Изучив подробно «Акты, составленные Кавказской археографической комиссией», по всей видимости, наиболее полные источники по данному вопросу, автор сделал следующие выводы.

1. При владетеле Сафар-бее центральная власть в Абхазии значительно ослабла, произошло обострение старых феодальных противоречий, все это привело к новым столкновениям.

2. Непосредственные интриги и происки Нины Георгиевны Дадиани способствовали тому, что «зятья ее Абхазский владелец Георгий Шервашидзе приведен в подданство России» [30].

3. Можно предположить, что фигура Сафар-бея была использована фактической правительницей Мингрелии Ниной Дадиани для ре-

шения собственных задач – устранение серьезного соперника на Западном Кавказе в лице абхазского князя, а при помощи российского военного потенциала распространить свое влияние как на Абхазию, так и на весь регион.

4. Как политический лидер самостоятельного государства Сафар-бей Чачба (Шервашидзе) не обладал ни твердостью духа, ни предприимчивостью и храбростью, что всегда высоко ценилось в кавказской среде. Отсутствие авторитета и уважения внутри абхазского общества не позволило ему создать мощный фундамент собственной власти.

5. Весь период своего правления владетель Абхазии являлся номинальным главой страны, реальная же власть была сосредоточена в руках русской военной администрации.

6. Развязанная внутренняя междоусобная борьба положила конец вынашиваемым не одним поколением абхазских правителей идеи о создании мощного независимого государства.

7. Политические действия Сафар-бея стали первым шагом на пути раскола абхазского общества и началу массового исхода части абхазов за пределы своей исторической родины.

Примечания

1. Плеханов Г. В.. Избранные философские произведения в 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 323
2. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1874. Т. 6. Ч.1. С.627.
3. АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 387
4. АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 201.
5. АКАК. Т.3. С. 203, АКАК. Т.4. С. 393
6. Там же. АКАК. Т. 3. С. 209.
7. Там же. С. 198-199.
8. Там же. С..200.
9. Там же. С. 203.
10. Там же. С.206.
11. Там же. С. 207.
12. АКАК.Т. 4. С. 205-206
13. Там же. С. 420
14. Там же. С. 280
15. Там же. С. 420
16. Там же. С. 421
17. Там же. С. 422
18. Там же. С. 328
19. Там же. С. 424.
20. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Главный архив, 1-

13,1810 г.. Д. 2. Л. 5-5 об. Подлинник

21. *Кудрявцев К.Д.* Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум. 1922. С. 158.

22. АКАК. Т. 4. С. 399.

23. Там же. С. 427

24. Там же. С. 345

25. Потто В.А. Кавказская война. Том 2. Ставрополь, 1994, с. 633.

26. АКАК. Т. 4. С. 951

27. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 644

28. *Лакоба С.З. Лакоба С.* Абхазия после двух империй. XIX – XXI вв. Очерки. Славяно-евразийские исследования. Вып. 5. Москва: Материк, 2004. С. 32.

29. АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 656.

30. АКАК. Т. 5. С. 497.

А.В. Кравченко (г. Краснодар)

Штрихи к портрету Андрея Григорьевича Шкуро

Несмотря на наличие целого ряда публикаций, личность А.Г. Шкуро по-прежнему неоднозначно оценивается историками, публицистами, активистами казачьего движения. Его называли и «самостийником» и «единонеделимцем», «монархистом» и пр. В данном сообщении представлен авторский взгляд на противоречивую фигуру кубанского казака и русского генерала.

Андрей Григорьевич Шкура родился 19 февраля 1886 года в Екатеринодаре, в семье полковника Кубанского казачьего войска. В 1907 г. окончил Николаевское кавалерийское училище. В 1919 г. командир кавалерийского корпуса, генерал-лейтенант. В 1920 г. эмигрировал во Францию, жил в Париже. Оказавшись без денег, выступал антрепренером казацких джигитовок, играл в рулетку, занимался мелкими маклерскими делами, продавал личные вещи, затем уехал в Югославию, где работал частным подрядчиком по строительству дорог. Через двадцать восемь лет, в самом начале Первой мировой войны, Государь Император, утверждая списки представленных к награждению почетным Георгиевским оружием, посетовал на не совсем благозвучную фамилию героя, на которой невольно задержалось его внимание. И тут же Высочайше повелел изменить ее. Так казачий офицер монаршей волей в одночасье был превращен в Шкуро [1].

Был ли А.Г. Шкуро самостийником?

Бытуют разные мнения по этому поводу, особенно у украинских националистов. Ответ по вопросу самостийности, который неразрыв-

но связан с национальным аспектом, был дан Андреем Григорьевичем четко:

«-Будет! – прервал его Шкуро. – Корни русской революции лежат глубже, чем разделение сословий. Мы должны свалить тот строй – СССР! Понятие об общественной жизни у меня связано с Керенским, Милюковым, то есть с господами во фраках и цилиндрах, которые загнали нас к чёрту на кулички. Но политические убеждения я все уважаю. Уважаю и движение, начатое Игнатом Билым. Я прочитываю каждый номер «Вольного казачества». Когда я читаю стихи, я плачу; когда читаю «преданья старины глубокой», я восторгаюсь. Но когда говорят, что череп донца или кубанца отличается от Русского, мне становится страшно. Это могут писать те, кто не занимался физическим трудом. Смешна мне и «История» И. Быкодорова, по которому казаки ведут начало от хазаро-казахов, то есть жидов. Я с удовольствием пью водку с вольными казаками, но иногда их не понимаю». А.Г. Шкуро, разъезжая по станицам, (в Югославии) делал доклады. Казаки с жадностью ловили каждое слово, дышащее искренностью, патриотизмом, пафосом борьбы, отмечая одним взмахом руки несостоятельное утверждение самостийников о том, что «казачество есть народ». - По Быкодорову, – говорил оратор, – мы, казаки произошли от касогов-жидов. А если перечислить наши казачьи станицы, такие как Пензенская, Саратовская и другие, то выходит, что мы, как я верю, чистейшие русские люди – мужики...» [2].

В своих воспоминаниях А.Г. Шкуро писал: «Глубоко презиравшие матросов казаки раз действительно хватили через край. Дело в том, что начальник Энзелийского гарнизона, с согласия и одобрения местных комитетов, издал приказ, запрещающий принявшую безобразные размеры азартную игру в карты. Вышедшие прогуляться в городской сад 3–4 казака увидели толпу матросов, ожесточенно резавшихся в «три листика». – Вот, — сказал один из казаков, – ваша революционная дисциплина. Ваши же комитеты запрещают карточную игру, а вы в публичном месте целой толпой играете в карты. К чему же тогда все эти комитеты? Лишь для того, чтобы мешать начальству работать? Матросы вознегодовали и набросились на казаков, попрекая их 1905 г., когда казачество подавляло революцию. Казаки возражали достаточно резко. Слово за слово... Казаки взяли за плетки и, отодрав хорошенько нескольких матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили их пропеть «Боже, Царя храни»; при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления» [3].

В другом месте генерал сообщает: «Милейший князь Лоов встретил нас обильным угощением. Так как Ягодкин с подводой был уже в ауле, то я переоделся тотчас же в черкеску с погонями, надел револьвер и шашку. Впервые после долгих месяцев унижений я вновь почувствовал себя русским офицером» [4].

А кем еще мог себя почувствовать русский офицер, казак?! Конечно русским, кем он непосредственно и являлся! И ещё строки воспоминаний: «Однажды рано утром я проснулся от чых-то устремленных на меня глаз. Передо мной стоял старый казак, страшно оборванный, исхудавший и босой. – Я – Георгий Победоносец! — заговорил он глухим голосом. – Веди, молодой воин, спасай казачество. Не забывай Бога, будь милосерд к людям. Ты одолеешь... Это был юродивый, пробравшийся к нам пешком из Екатеринодара. Он стал ходить по окрестным станицам, пел псалмы, предсказывал скорое пришествие воина, идущего освободить русский народ от большевистского ига. Его мистические речи, переполненные цитатами из Святых Отцов и всевозможными намеками и прибаутками, отвечали чрезвычайно настроению казаков. Слушая его, они вспоминали глубокие обиды, унижения, расстрелы близких, и сердца их распались гневом. Бабы плакали навзрыд в чайнии новых бед» [5].

Следующий сюжет Шкуро подаёт через ситуацию о спорах в Раде: «Рябовол просил меня выставить мою кандидатуру в атаманы. – Вы природный казак, и на вас вся наша надежда. Поддержите нас, – убеждал он меня, но я решительно отклонил это предложение, ссылаясь на то, что еще молод для такого поста, неопытен в политике, а, кроме того, враг сепаратистских тенденций левых элементов Рады и сторонник Великой России» [6]. И далее: «Первоначальная позиция черноморцев отнюдь не носила принятого ею позже стремления к полному разрыву с Главным командованием и не выдвигала проекта о суверенитете и полной политической независимости или, как это именовалось, «самостийности» Кубани. Эта идея была выдвинута позже, равно как и проект союза с петлюровской Украиной. Однако, несомненно, украинофильская тенденция была всегда близка черноморской фракции Рады. Первоначальному плану черноморцев нельзя отказать в дальновидности и предусмотрительности. – Нам, казакам, – говорили они, – не по силам освободить вооруженной рукой всю Россию. Необходимо освободить казачьи области, установив в них правопорядок, провести в жизнь завоевания революции, создать оборонительную армию, заключить союзы – на федеральных началах – с Азербайджаном, Грузией, Арменией и горцами; создав таким образом

сильное южно-русское государство, выждать событий, служа красноречивым и соблазнительным примером для стремящейся к освобождению от большевизма России» [7].

А вот сюжет, связанный с впечатлениями, полученными на Украине: «Проходя по Екатеринославской губернии и останавливаясь у крестьян, я вел с ними долгие беседы на разные темы. Гетмана Скоропадского они решительно и единодушно осуждали. – Это был панский царь, – говорили они, – панам землю роздал, а нам – ничего. Сепаратистских идеалов Петлюры они совершенно не разделяли и вообще не интересовались им, считая его чем-то вроде чудака, психопата. – Какие мы украинцы, мы русские, – заявляли они, – только мы – казаки. Дело в том, что левобережные хохлы – прямые потомки запорожцев – гордились своим прозвищем «казаки» и мечтали о восстановлении Запорожского казачества. Больше всего симпатизировали, однако, крестьяне батюшке Махно. – Ему помещиков не надо; мы их тоже не хотим, — говорили они. – Земля наша; забирай что, хочешь; это дело подходящее. Он бьет жидов и коммунистов и нам их тоже не треба» [8].

На примере жителей Екатеринославской губернии мы видим еще одно подтверждение того, что мозги в начале XX века у русских не были сильно промыты, и они себя еще считали русскими, а не псевдоукраинцами.

«– Вот, брат, – сказал я ему, – из-за простого недоразумения проливается русская кровь» [9].

Так говорил Шкуро о стрельбе между Казаками и большевиками, при жертвах с обеих сторон. Хоть интернационалисты внутренне мертвы, но все же для него остались русскими. Вот как Андрей Григорьевич «расправлялся» с красными.

«Народ тащил скрывавшихся и пойманных красноармейцев. Раздались голоса, требовавшие немедленной с ними расправы. Я снова обратился к народу с речью. – Мы не нападаем, мы защищаемся, – сказал я, – не будем же начинать наше правое дело пролитием крови. Отпустите на все четыре стороны этих несчастных, ослепленных лжеучителями людей. Пусть они рассказывают всюду о том, что мы не душегубы и не насильники, подобно коммунистам, а люди, поднявшиеся на защиту своей свободы. Кто из них хочет, может поступать в наше войско и боевыми заслугами искупить свой, быть может, невольный, грех перед родиной».

При Советах же, одурманенные люди поголовно считали его бандитом и убийцей, но как видно, это не так. Расправа чинилась только

особым элементам, разных интересных национальностей и тем, кто потерял человеческий вид.

«– Приготовляйтесь к восстанию! Будут жертвы, кровавые жертвы с нашей стороны, но лучше казаку умереть на поле битвы, чем и далее влечить бесславное ярмо большевистских рабов!» [10].

Эти слова наиболее полно показывают непримиримость казачества со злом, захлестнувшим Россию.

А.Г. Шкуро был очень разносторонней личностью, а не простым рубакой, коим представлялся другим генералам. Последним не нравилась его военная хитрость, благодаря которой им был взят Ставрополь без единого выстрела. Прислав письмо с угрозой, где говорилось о готовности разбомбить город тяжелой артиллерией через два дня, город опустел от большевиков за считанные часы. Хотя на самом деле у него не было в наличии даже исправной легкой артиллерии. Отчасти, может, и это явилось причиной негативной реакции П.Н. Врангеля на деятельность Белого партизана.

А.Г. Шкуро вспоминал: «На другой день, в указанное время, я прибыл в английскую военную миссию и был встречен там почетным британским караулом. Генерал Хольмен обратился ко мне с речью: – Этот высокий орден жалуется вам Его Величеством, – сказал он мне, возлагая на меня орден, – за ваши заслуги в борьбе с большевизмом как с мировым злом. Взволнованный, я ответил кратким словом благодарности за то, что моя работа оценена. Состоявший при миссии полковник Звягинцев переводил мои слова на английский язык. Были выстроены вдоль стен все наличные в миссии английские офицеры. Присутствовавшие горячо меня поздравляли. Чрезвычайно тронутый вниманием и высокой оценкой моей деятельности английским королем, я решил никогда не расставаться с этим орденом».

Впоследствии, когда Андрей Григорьевич поймёт что англичане решили выдать казаков, их семьи многочисленных беженцев в руки чекистских палачей, он швырнёт орден под ноги британцу. Не уронив чести и достоинства Андрей Шкуро встретит смерть мужественно, как и полагается казаку [11].

В эмиграции Шкуро не имел особого состояния. Он всегда жил на скромное офицерское жалованье и оказался за границей без копейки в кармане. Андрей Григорьевич обосновался в Париже, где уже несколько лет жила его старшая сестра. Но генерал Шкуро не умел сидеть, сложа руки. На деньги, ссуженные сирийцем Саказаном, он организовывает большую труппу казаков-наездников, чтобы выступать с ними на конных состязаниях. Дело было увлекательное, новое, при-

быльное. Он искал и собирал под свое крыло казаков, рассеянных по всей Европе. Тренировки проходили в предместьях Парижа, в городе Монруж. 25 мая 1925 года кубанские наездники открыли первое свое представление на стадионе «Буффало», собравшем 20 тысяч зрителей. Джигитовали ровно месяц. А публика все не убывала – так великолепно выступали кубанцы, заработав большие деньги и взяв все ценные призы. Слава о джигитах Шкуро облетела всю Францию. Потом последовали гастроли по Англии... В декабре 1931 года Андрей Григорьевич переезжает в Югославию, где давно обосновалась большая колония кубанских казаков. И здесь Шкуро занялся практическим делом, которое давало кусок хлеба и ему, и казакам. Он вошел в соглашение с известной строительной фирмой «Батиноль» и лично возглавил обширный фронт работ по отсыпке земляного вала протяженностью свыше 90 км, который высокой стеной огородил южную сторону городов Земун, Белград и Панчево от коварных разливов Дуная. Дамба была готова раньше срока. Представители фирмы остались довольны и поручили казакам новое задание: построить железнодорожный мост для будущей линии. Эта дорога для юга страны имела важное стратегическое и экономическое значение, устанавливая связь между Старой Сербией и провинциями левого берега. Много лет руководил Андрей Григорьевич железнодорожным строительством и на этом поприще приобрел большую известность. Дороги и дамбы, построенные казаками, до сих пор надежно служат сербскому народу. Одну из них, проложенную в труднодоступных горах, сербы так и называют – «Дорога Шкуро».

Геноцид казачества в России, развязанный большевиками, сделал атамана Шкуро непримиримым противником коммунизма и советской власти. А известия о насильственной коллективизации и голодоморе на Дону и Кубани, массовых высылках в ГУЛАГ, гибели сотен тысяч казаков в 1929 – 1933 г.г. – буквально потрясли Шкуро и всех казаков-белоэмигрантов. После этого, Андрей Григорьевич начинает считать Сталина своим личным врагом....

День 22 июня 1941 года в очередной раз изменил жизнь Белого Атамана. Шкуро и часть казачьей эмиграции выступили за союз с гитлеровской Германией против сталинского СССР. Казаки, как и большинство белоэмигрантов, мечтали поквитаться с большевиками за совершенные ими злодеяния. И в гитлеровском походе против Советского Союза они видели возможность продолжить Гражданскую войну. Но только осенью 1944 года Шкуро получает назначение на должность начальника Резерва казачьих войск, размещенных в

Югославии. Это формирование выполняло только охранные функции. И тем удивительнее читать утверждения некоторых «историков» о том, что в 1942–43 г.г. «кровавый след казаков Шкуро протянулся с Дона, Кубани и Ставрополя на Украину, в Белоруссию, а затем в Польшу, Югославию и Чехословакию».

В июле 1945 года Шкуро и других российских эмигрантов интернировали на территорию Австрии, а затем выдали СССР. А.Г. Шкуро, П.Н. Краснова, Султана Клыч Гирея и других белых генералов доставили в Москву на Лубянку, где начались изнурительные допросы, пытки, сидения в карцере и снова допросы, которые длились полтора года. Советские судьи, не найдя состава преступления в действиях Шкуро в годы Второй мировой войны, подтасовали статьи и документы и отомстили атаману за его «прошлое» 25-летней давности. Совершенно очевидно, что Шкуро, являясь гражданином Югославии, не был подсуден советским законам. 16 января 1947 года на закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР Шкуро и других белых генералов приговорили к смертной казни через повешение. Приговор привели в исполнение в тот же день во дворе внутренней тюрьмы МГБ Лефортово. А. Г. Шкуро в последнюю минуту не дрогнул и плюнул на сапог палача... Так трагически завершилась жизнь человека, имя которого еще при жизни стало легендой [12].

«Арестованный Шкуро, были эти беседы антисоветского характера, призывали ли Вы казаков к вооруженной борьбе против Красной Армии, а также выражали Вы Ваши собственные взгляды и можно ли Ваши собственные взгляды назвать антисоветскими? – тут следователь прищурил глаза и сделал угрожающий жест рукой. Шкуро посмотрел на следователя без всякого страха и усмехнулся: – Ну что ж, можно сказать и так. – Так и запишем в протоколе. – Пишите как хотите, – Шкуро пожал плечами.

После более чем полугодовой следственной процедуры, 15-го января 1947 года, вечером в 18 часов началось закрытое заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. Разбор дела не был окончен 15-го января и его перенесли на следующий день. В 15.15 суд удалился на совещание. Совещались четыре часа. Все шестеро были приговорены к смертной казни через повешение. О времени казни никто не сообщал. В 20 часов судебное заседание было закрыто. А в 20.45 приговор был приведен в исполнение во дворе внутренней тюрьмы МГБ СССР (Лефортово). [13].

Примечания

1. Судьба «Белого партизана». Андрей Григорьевич Шкура. «Журнал подразделений специального назначения «БРАТИШКА» // http://bratishka.ru/archiv/2007/2/2007_2_14.php ; Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М, 2002. С. 148-149.
2. *Бардадыл В.П.* Ратная доблесть Кубанцев. Краснодар, 2010. С. 200 – 201.
3. Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро. Записки Белого Партизана. Буэнос-Айрес (Аргентина), 1961.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Судьба Атамана Шкуро. Обще-Казачья Станица Имени Атамана Петра Молодидова <http://molodidov-cossacks.com/?p=1750>
13. Из доклада Ольги Николаевны Куликовской-Романовой // Лиенц – Казачья Голгофа. Монреаль, 1996. С. 244.

Е.А. Каранетян (г. Армавир)

Пейзажная атрибутика в дворянском романсе XIX – начала XX столетия

Русский классический романс формируется как музыкально-словесный жанр в эпоху романтизма, сентиментализма. Он генетически связан с романтической светской ментальностью дворянского сословия, разночинской интеллигенции. В большинстве своем поэты XIX столетия, чьи стихи были положены на музыку и составляют основу канонического романса, являлись представителями дворянского сословия: А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, И.И. Козлов, С.Г. Голицын, М.Ю. Лермонтов, А.К. Толстой, Е.А. Баратынский, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Плещеев, А.Н. Майков, А.М. Жемчужников и др. При всех индивидуальных различиях для них характерна социоментальность светского дворянства, дворянской интеллигенции.

Особое место в дворянском романсе занимает лексика, формирующая пейзажную атрибутику. Жанрово обусловленными компонентами многих дворянских романсов являются слова, обозначающие оп-

ределенное время года (*весна, осень*), время суток (*вечер, закат, ночь*) и связанные с ними реалии, как *луна, звезды*, лексемы, обозначающие место встречи – *сад, река* и т.д. Чувство любви к людям приходит и зимой, и летом, и осенью. Но в романсе основное время любви – это весна. А вот разлука, печаль по прошедшей любви в романсе связана преимущественно с осенью, хотя разлюбить и разлучиться в действительности люди могут в любое время года. Точно так же встречи влюбленных в реальности могут происходить в любое время суток, в том числе утром и днем, но в романсе таинства любви проявляются преимущественно ночью, реже вечером, на закате, на заре. Встречи влюбленных в реальности совершались и совершаются часто в светлые части суток, при ярком солнце, когда на небе не видно ни одной звезды. Да и ночные встречи могут быть в пасмурную погоду, когда на небе не видно ни луны, ни звезд. Однако в романсе *луна и звезды* – это непременные пейзажные атрибуты встреч влюбленных или переживаемого одиночества в результате разлуки. Ментально обусловленными в романсе являются *сад и река*. Реальные встречи могли происходить и в других местах. Однако *сад, река*, как и *ночь, луна, звезды, весна* осознаются наиболее поэтичными пейзажными атрибутами, которые гармонически сочетаются с высокой романтической сентиментальностью романса, с особенностями его экспрессивно-семантической структуры, направленной на раскрытие высоких, возвышенных поэтических чувств личности. Именно поэтому слова *весна, осень, ночь, закат, заря, луна, звезды, сад, река* и некоторые другие очень широко используются в романсах в качестве ключевых экспрессивных для формирования фонового художественного микрополя. Будучи ментально обусловленными в романсе, они вместе с тем отражают характерные явления реальной жизни. Именно весной в природе все пробуждается и обостряется чувство любви, в ночное время при луне и звездах особенно хорошо мечтается и происходят встречи влюбленных. В помещичьих усадьбах XIX века были хорошие сады, и там принято было совершать прогулки, встречи. Море для россиян XIX столетия было слишком далеко, и свидания, встречи совершались, конечно же, возле реки или озера. На этой основе в сознании лирического героя, в его менталитете и существует определенная ассоциативная связь между этими природными реалиями и семантикой ядерных лексем романса *любовь, любить, полюбить, разлюбить*.

Слово *весна* с характерной для этого времени года пейзажной атрибутикой широко используется в дворянских романсах для создания фонового экспрессивно-семантического поля. Вот как начинается ста-

ринный романс «Белая акация!» (обр. Ю. Морфесси): *Белой акации // Ветви душистые // Воют восторгом весны, // Тихо разносится // Песнь соловьиная // В бледном сверканьи, // Сверканьи луны...* Вместе со словом *весна* в качестве полеобразующих экспрессивных здесь используются, как видим, и «*песнь соловьиная*», «*трели соловья*», и «*белой акации ветви душистые*», и *ночь, и луна*. Все они формируют фоновое художественное микрополе, которое гармонически сочетается с личностным экспрессивно-семантическим микрополем, способствуют раскрытию эмоционального состояния лирического героя.

Слово *весна* как ассоциативный символ пробуждения, прихода любви широко используется не только для образования фоновых микрополей в структуре романса, но нередко и для формирования всей его речевой структуры. Наглядным примером может служить романс Н. Бурмачевского на слова В. Лугаковского «И для меня весна придет»: *Весна идет...манит...зовет... // Клич вешний с гор, лесов несет... // Весна идет, и сердце бьется: // И для меня весна придет! // И соловей в тиши ночей // И для меня в лесу зальется... // Весна идет, и сердце бьется, // И песня просится звончей. // Весна идет...мечты несет... // С разлуки милый мой вернется. // Весна идет, и сердце бьется: // И для меня весна придет!* Весь романс построен на многократном повторении полеобразующих компонентов «*весна идет*» и «*сердце бьется*», которые формируют два гармонически сочетающихся экспрессивно-семантических микрополя – фоновое и личностное. При этом слово *весна* употребляется в двух значениях. Как ключевая экспрессивная фонового, пейзажного микрополя оно употребляется в прямом значении: «*Весна идет...*», «*Весна идет...*». Как полеобразующий компонент личностного микрополя лирического героя слово *весна* употребляется в другом, переносном значении: «*И для меня весна придет!*» т.е. весна личного счастья, о чем красноречиво свидетельствуют другие полеобразующие компоненты, как «*мечты несет*», «*сердце бьется*», «*с разлуки милый мой вернется*». Даже такой непременный атрибут романсового пейзажного микрополя, как *соловей*, и тот «*в тиши ночной и для меня в лесу зальется*».

Весна как ассоциативный символ любви и счастья часто используется в романсах и как однократный полеобразующий компонент, например, в романсе О. Фельцмана на слова О. Фадеевой «Поверь»: *Когда осенний ветер рвется // В твою незапертую дверь, // Не верь, что солнце не вернется, // Не верь, не верь, не верь. // Весна придет к тебе с мечтами, // И ветки, голые теперь, // Опять покроются цветами, // Поверь, поверь, поверь. // Когда душа изнемогает // Под гнетом*

тягостных потерь, // Не верь, что счастья не бывает, // Не верь, не верь, не верь. // Оно придет к тебе, как прежде, // Ты сердца глубину измерь. // И самой пламенной надежде // Поверь, поверь, поверь. Слово *весна* в романсе употребляется всего лишь один раз. Однако оно как полеобразующий компонент играет очень важную роль. Оно резко противопоставляется *осени* с ее рвущимся в незапертую дверь ветром и формирует вместе с другими полеобразующими речевыми средствами оптимистическую эмоционально-экспрессивную тональность.

Художественно-смысловое противопоставление *весны* и *осени* наглядно проявляется в романсе В. Козина «Осень»: *Осень. Прозрачное утро. // Небо как будто в тумане, // Даль из тонов перламутра, // Солнце холодное, дальше... // Не уходи, тебя я умоляю! // Слова любви стою раз я повторяю, // Пусть осень у дверей - // Я это твердо знаю, // И все ж «Не уходи» тебе я говорю. // Наш уголок нам никогда не тесен, // Когда ты в нем, то в нем цветет весна, // Не уходи, еще не спето столько песен, // Еще звенит в гитаре каждая струна.* Первая строфа, как видно из текста, формирует фоновое микрополе. Слово *осень* употребляется в прямом значении. Ему соответствует «солнце холодное, дальше» и другие осенние атрибуты. Но в следующей строфе слово *осень* употребляется уже в переносном значении «*осень человеческой жизни*»: *Пусть осень у дверей... // И все ж «Не уходи»...* Эта и следующая за ней строфа формируют личностное микрополе лирического героя. В связи с этим и слово *весна* в последней строфе формирует личностное экспрессивно-семантическое микрополе, выражает эмоциональное состояние лирического героя: «*Когда ты в нем, то в нем цветет весна*».

Традиционное противопоставление *весны* и *осени*, а соответственно, определений *весенний* и *осенний* художественно обыгрывается в романсе Б. Борисова «Я помню день»: *Я помню день! Ах, это было счастье! // С тобою в первый раз мы встретились вдвоем! // То было осенью, в печальный день ненастья, // Но мы весны уж лучшей не найдем. // Я помню день! Прекрасный день весенний! // Мы расставались с тобою навсегда, // И на душе тоскливый гнет осенний, // Не знать весны б нам этой никогда.* Вопреки жанровой традиции здесь встреча происходит осенью, а расставание весной. Такое в романсах встречается очень редко. Однако семантика слов *осень*, *осенний* и здесь соотносится, сближается с определениями *печальный*, *тоскливый*: «*То было осенью, в печальный день ненастья*», «*И на душе тоскливый гнет осенний*».

Фоновое поле грусти, печали создается словом *осенний* и соответствующей пейзажной атрибутикой в романсе Д. Михайлова на слова А. Пугачева «Жалобно стонет»: *Жалобно стонет ветер осенний, // Листья кружатся поблекшие, // Сердце наполнилось чувством томления, // Помнится счастье ушедшее...*

В романсах же, которые полностью построены на многократном повторе слов *осень*, *осенний* как полеобразующих экспрессивом, преобладают грустные, печальные эмоционально-экспрессивные тональности. Наглядным примером может служить романс Я. Пригожего «Ночи осенние»: *Ночи осенние, // Ночи ненастные, // Ветра холодного // Стоны глубокие, // Слезы горячие, // Стоны напрасные, // Счастье минувшего // Грезы далекого, // Ночи осенние. // Мертвы и мрачны // Долины соседние, // Грустно поблекли // Цветы благовонные, // В сердце угасли // Молитвы последние! // Ночи осенние, // Ночи ненастные!* «Ночи осенние» и «ночи ненастные» в романсе употребляются как синонимы. Это ненастье в природе и в душе лирического героя выражается и трехкратным повтором основных полеобразующих стихов, и своеобразным нанизыванием именных и глагольных экспрессивом, многократно усиливающих общее эмоциональное звучание романса. Здесь и «*ветра холодного стоны глубокие*», «*слезы горячие, стоны напрасные*», здесь и «*мертвы и мрачны долины соседние*», здесь и «*грустно поблекли цветы благовонные*», «*в сердце угасли молитвы последние*». Все это позволяет выразительно передать тягостное состояние безысходной печали, которое переживает лирический герой.

В романсах грустной, печальной тональности сами слова *осень*, *осенний* могут и не употребляться. Но пейзажная атрибутика осени, как правило, присутствует. Так, в романсе гр. Т. Толстой «Мы вышли в сад» слово *осень* не употребляется: *Мы вышли в сад, чуть слышно трепетали // Последние листья на липовых ветвях, // И вечер голубой, исполненный печали, // Бледнея, догорал в задумчивых лучах. // И плакали кругом печальные березы, // Вставала за горой туманная луна. // Мы молча шли, и накопили слезы // И дивной нежности душа была полна.* Однако приметы осени отчетливо выражены в тексте: «чуть слышно трепетали последние листья на липовых ветвях». Осенние детали и формируют фоновое микрополе, которое окрашено яркой экспрессией субъективного восприятия окружающей природы: «*вечер голубой, исполненный печали*», «*плакали кругом печальные березы*» и т.д. Это субъективное восприятие окружающих реалий соответствует внутреннему состоянию лирического героя: «*молча шли, и накопили*

слезы». В этом небольшом романсе присутствует и такая ментально обусловленная атрибутика фонового, пейзажного поля, как *сад* и *луна*. Хотя был еще вечер, он еще «догорал в задумчивых лучах» солнца, но в романсе уже «вставала за горой туманная луна».

Ночь, луна и звезды – это ключевые ментальные лексемы фонового поля многих и многих романсов: *Ночь светла. Над рекой тихо светит луна, // И блестит серебром голубая волна...* («Ночь светла», сл. М. Языкова, муз. Н. Шишкина); *Вновь разливается песнь соловьиная // В тихом сиянье, сиянье луны...* («Белой акации гроздь душистые», сл. А. Пугачева); *Сад наш залит луной, // Как он хорош весной! // В темной аллее, грезы лелея, // Бродим, как в сказке, с тобой... // Звезды мерцают, нам обещают // Счастье на пути...* («В старом саду», сл. С. Степановой, муз. О. Строка); *Окно открыто, мглой ночью // Уже окутан старый сад. // И воздух свежую струю // Цветов доносит аромат. // Туман поднялся над рекою, // Зажглись звезды в вышине...* («Как много счастья», сл. Н. Старовой, муз. Д. Николаева); *...Уснуло все, луна сияла, // Искрился пруд, мы шли вдвоем. // Ты мне слова любви шептала, // И жизнь казалась дивным сном...* («Я вновь один, угасли грезы», сл. В. Шумского, муз. С. Покрасса); *Сияла ночь. // В окно врывались гроздь белые, // Цвела черемуха, но как цвела она! // Тебя любил, тебе шептал слова несмелые, // Ты в полночь лунную мне сердце отдала...* («Забывтое танго», сл. С. Стрижова, муз. В. Козина); *Я помню вечер – в доме спали, // Лишь мы с тобою, милый друг, // В аллее трепетно дрожали // За каждый шорох, каждый звук. // Руки пожатые, полуслово, // А в доме тихо, нет огня, // И только с неба голубого // Луна глядела на меня* («Я помню вечер», сл. и муз. Я. Пригожего).

Слово *звезда* широко употребляется в романсах в образно-переносном значении как символ любви: *...Для меня ты на небе звезда, // Твоего только жду приговора, // Оторвать не могу никогда // От тебя восхищенного взора...* («Я тебя бесконечно люблю», сл. В. Мятлева, муз. Н. Зубова); *Гори, гори, моя звезда, // Звезда любви приветная! // Ты у меня одна заветная, // Другой не будет никогда!* («Гори, гори, моя звезда», сл. В. Чуевского, муз. П. Булахова); *Среди миров в мерцании светил // Одной звезды я повторяю имя...* («Моя звезда», сл. И. Анненского)

Таким образом, пейзажную атрибутику в дворянском романсе формируют нейтральные слова *ночь, луна, вечер, река, пруд, весна, осень, звезды* и некоторые другие. Однако в речевой структуре романса все они так или иначе приобретают эмоционально-экспрессивные оттен-

ки. Их эмоционально-экспрессивная окрашенность очевидна не только на уровне целостного текста, но и на уровне отдельных словосочетаний, предикативных сочетаний слов. Структурно-речевое нанизывание экспрессивных слов и их сочетаний, структурно-речевая их концентрация в романсе создает высокую речевую экспрессивность всего художественного текста, который в целом и в деталях отражает ментальность светского дворянства XIX века, дворянской и разночинной интеллигенции.

Сведения об авторах

1. *Алиев Камиль Магомедсалихович*, кандидат философских наук, этнополитолог, главный редактор республиканской общественно-политической газеты «Елдаш» (г. Махачкала)

2. *Абдулаева Мадина Изамудиновна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (г. Махачкала)

3. *Бабич Александр Владимирович*, главный специалист ГУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар)

4. *Барзбиев Муслим Исмаилович*, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой культурологии и этнологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)

5. *Батчаев Шамиль Мухтарович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (г. Черкесск)

6. *Бондарь Виталий Вячеславович*, кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия (г. Краснодар)

7. *Брацун Егор Владимирович*, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, член правления общественно-исторического движения «Белая Кубань» (г. Краснодар)

8. *Вартаньян Эгнара Гайковна*, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

9. *Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (г. Махачкала)

10. *Далгат Эльмира Муртазалиевна*, доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, заведующая отделом «Истории Дагестана XIX-начала XXI века» (г. Махачкала)

11. *Зимовина Ольга Алексеевна*, доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией индивидуального обучения Института образовательных технологий Российской академии образования (г. Сочи)

12. *Извеков Игорь Николаевич*, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории духовно-нравственного воспитания личности Института образовательных технологий Российской академии образования (г. Сочи)

13. *Исмаилов Эльдар Эльхан оглы*, заместитель председателя Азербайджанского историко-родословного общества, член-корреспондент Международной генеалогической академии (г. Баку, г. Москва)

14. *Карапетян Алена Аветиковна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиал ГОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»)(г. Армавир)

15. *Кравченко Александр Владимирович*, член правления общественно-исторического движения «Белая Кубань»

16. *Марзоев Ислам-Бек Темурканович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ)

17. *Мартианова Ирина Юрьевна*, кандидат исторических наук, преподаватель Кубанского государственного университета физической культуры, туризма и спорта (г. Краснодар)

18. *Матвеев Олег Владимирович*, доктор исторических, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

19. *Русанов Константин Владимирович*, научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина)

20. *Свидин Юрий Николаевич*, казачий полковник, потомок казачьего рода Свициных

21. *Слободенюк Виктор Викторович*, ведущий специалист Государственного архива Краснодарского края (г. Краснодар)

22. *Фролов Борис Ефимович*, старший научный сотрудник отдела истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына

23. *Цимцба Адгур Людвигович*, кандидат исторических наук, доцент Академии маркетинга и социально-информационных технологий

24. *Чикаева Карина Суреновна*, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

25. *Шевченко Галина Николаевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

26. *Шкуро Владимир Ильич*, историограф Дворянского Собрания Кубани.

Содержание

РАЗДЕЛ I. К 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя

<i>О.В. Матвеев</i> Историк Собственного Его Императорского Величества Конвоя С.И. Петин	3
<i>М.И. Абдулаева</i> Военная элита Дагестана (Из истории формирования и становления)	25
<i>Г.Н. Шевченко</i> Особенности воинской службы казаков-гвардейцев Кубани в Собственном Его Императорского Величества Конвое	30
<i>Э.Э. Исмаилов</i> Азербайджанцы в конвое императоров: команда и взвод Мусульман Собственного Его императорского Величества Конвоя	34
<i>И.Т. Марзоев</i> Тагаурские алдары в Собственном Его Императорского Величества Конвое	46
<i>Ю.Н. Свидин</i> Кубанские казаки Свидины на службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое	53
<i>М.И. Баразбиев</i> Карачаево-балкарские аристократы– ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя	59
<i>В.И. Шкуро</i> Императорский Конвой: первые сражения – первые герои	71
<i>К.М. Алиев</i> Кумыки в Собственном Его Императорского Величества Конвое	82
<i>Б.Е. Фролов</i> Бородинское сражение: атака Черноморской гвардейской сотни на правом фланге (к постановке вопроса)	90

<i>Ш.М. Батчаев</i> Представители Карачая на службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое	95
<i>В.В. Слободенюк</i> Празднование столетнего юбилея кубанской казачьей гвардии	101
<i>К.С. Чикаева</i> Некоторые вопросы формирования стратификационной структуры Северного Кавказа: ретроспективный взгляд	112

Раздел II. Национальные элиты России на службе Отечеству: система ценностей, культурное наследие, опыты составления родословных

<i>Э.Г. Вартаньян</i> Каразины на службе Российской империи: Николай Николаевич Каразин и его фронтовые репортажи (1870-е гг.)	121
<i>А.В. Бабич</i> «Христианин, верноподданный, русский...» О воспитании офицерских кадров в Ставропольском юнкерском казачьем училище (1870-1898 гг.)	130
<i>И.Н. Извеков, О. А Зимовина</i> Кубанские казаки Зиновьевы на службе Отечеству	144
<i>Э.М. Далгат</i> Дворянство в социальной структуре городов Дагестанской области в конце XIX – начале XX вв.	151
<i>В.В. Бондарь</i> Георгиевские кавалеры – представители рода фон Засс: новые результаты кабинетных исследований	157
<i>К.В. Русанов</i> Охраняя Государя, веру, соотечественников: жизнь Леонида Сенько-Поповского	161

<i>Г.-Р.А.-К. Гусейнов</i> Род Мирзоевых в контексте досоветской истории формирования национальной элиты Чечни	169
<i>И.Ю. Мартианова</i> Жизненный мир молодого офицера Лейб-гвардии Преображенского полка: системный анализ воспоминаний Д.Г. Колокольцева (1831–1846 гг.)	172
<i>Е.В. Брацун</i> Штрихи к портрету адмирала Зиновия Петровича Рожественского	181
<i>А.Л. Цимцба</i> Сафар-бея Чачба (Шервашидзе): гордость или скорбь Абхазии?	189
<i>А.В. Кравченко</i> Штрихи к портрету Андрея Григорьевича Шкуро	196
<i>Е.А. Карапетян</i> Пейзажная атрибутика в дворянском романсе XIX – начала XX столетия	203

«Нам Богом и Царём дарованная честь...»
(к 200-летию Собственного Его Императорского
Величества Конвоя)
Материалы VII Международных Дворянских чтений
(12-13 ноября 2011 г.)

ПЛД № 47-52
Отпечатано в типографии
ГАУК КК «Кубанькино»
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89.
Подписано в печать 1.11.11
Усл. печ. л. 13,5
Тираж 200 экз. Заказ № 5/2011